

Жюль Верн Властелин мира

1. ЧТО ПРОИСХОДИТ В ОКРУГЕ

Горный хребет, который тянется вдоль американского побережья Атлантического океана через Северную Каролину, Виргинию, Мэриленд, Пенсильванию и штат Нью-Йорк, носит двойное название: Аллеганские и Аппалачские горы. Они образуют две различные цепи: на западе – Кэмберлендские, на востоке – Голубые горы.

Эта горная гряда, самая значительная в западной части Северной Каролины, простирается в длину приблизительно на девятьсот миль, или на тысячу шестьсот километров, однако высота ее в среднем только шесть тысяч футов, и самая высокая ее точка – гора Вашингтон.¹

Для альпинистов этот горный хребет (один конец его спускается к рекам штата Алабама, а другой – к заливу Святого Лаврентия) не представляет большого интереса. Даже самые крутые его гребни не достигают верхних слоев атмосферы, и потому в нем нет той притягательной силы, которой обладают великолепные вершины Старого и Нового Света. Однако и в этой цепи была одна гора, Грейт-Эйри, на которую не могли взобраться туристы и которая поэтому слыла неприступной.

Впрочем, хотя до сих пор альпинисты пренебрегали вершиной Грейт-Эйри, вскоре ей суждено было привлечь всеобщее внимание, и даже вызвать тревогу, по совершенно особым причинам, – о них я и должен рассказать в начале этой истории.

Если я заговорил здесь о себе, то единственно потому, что, как увидит читатель, я имел непосредственное отношение к одному из самых замечательных событий двадцатого века. Порой я даже спрашиваю себя, не изменяет ли мне память, действительно ли это событие произошло, или я пережил его только в своем воображении. В качестве главного инспектора Вашингтонской полиции я в течение пятнадцати лет принимал участие в расследовании самых разнообразных дел, и мне часто давали секретные поручения, к которым я, как человек весьма любознательный, имел особое пристрастие. Не удивительно поэтому, что мое начальство вовлекло меня и в эту невероятную авантюру, где мне предстояло столкнуться с непостижимыми тайнами. Однако я с самого начала предупреждаю, что мне должны верить на слово, потому что, говоря об этих чудесных событиях, я не могу привести в свидетели никого, кроме самого себя. А если мне не захотят верить, ну что ж, – пусть не верят!

Вершина Грейт-Эйри расположена как раз среди той живописной цепи Голубых гор, которая тянется вдоль западной части Северной Каролины. Ее округлые контуры ясно видны при выходе из поселка Моргантон, выстроенного на берегу реки Сатавбы, и еще лучше – из местечка Плезент-Гарден, расположенного несколькими милями ближе.

Что же такое в сущности эта вершина Грейт-Эйри? Оправдывает ли она имя, данное ей жителями окрестностей этой части Голубых гор? Название последних вполне уместно: при известных атмосферных условиях их очертания окрашиваются лазурью. Но если под именем «Грейт-Эйри» подразумевается орлиное гнездо, то не связано ли это с тем, что там находят приют хищные птицы – орлы, коршуны и кондоры? Не парят ли они крикливыми стаями над этим пристанищем, доступным только им одним? Нет, право, их здесь не больше, чем на других вершинах Аллеганских гор. И даже, напротив, было замечено, что в иные дни, подлетев к Грейт-Эйри, пернатые хищники как будто спешат удалиться от этого места и, описав над ним несколько кругов, разлетаются в разные стороны, оглашая воздух своими пронзительными криками.

Так почему же тогда эта гора получила имя Грейт-Эйри? Не лучше ли было бы назвать

¹ 1918 м (прим. авт.)

вершину просто «цирком», – ведь такого рода «амфитеатры» часто встречаются в гористых областях разных стран? Должно быть, там, среди высоких скал, есть обширная и глубокая котловина, возможно, даже небольшое озеро или водоем, образованный зимними дождями и снегом; такие озера есть и в Аппалачских горах, на разной высоте; они нередко попадают в горных цепях Старого и Нового Света. Пожалуй, под названием «цирк» и следовало бы отныне включить эту вершину в географические справочники.

И, наконец, последняя гипотеза: нет ли на вершине Грейт-Эйри кратера, принадлежащего погруженному в долгий сан вулкану, который когда-нибудь может проснуться от подземных толчков? Не угрожает ли он окрестным жителям такой же катастрофой, какая произошла во время яростных извержений Кракатау и Мон-Пеле? Если озеро действительно существует, то разве нельзя предположить, что воды его, просочившись в недра земли, превращаются от подземного огня в пар и угрожают равнинам Каролины таким же бедствием, какое имело место в 1902 году на Мартинике?

Это предположение недавно подтвердилось некоторыми признаками: над Грейт-Эйри появились пары, указывавшие на наличие каких-то геологических процессов. Однажды крестьяне, работавшие в поле, услышали даже какой-то необъяснимый глухой гул.

А ночью над горой появился огненный столб.

Пары вырывались из котловины, и когда ветер отогнал их к востоку, на земле остались следы пепла и копоти. Среди царившего вокруг мрака тусклое пламя, отраженное низко нависшими облаками, бросало на окрестности какой-то зловещий свет.

Не удивительно, что эти странные явления сильно встревожили всю область. Необходимо было выяснить, что же в сущности происходит. Газеты Каролины беспрестанно упоминали о так называемой «тайне Грейт-Эйри». Они обсуждали вопрос: не опасно ли жить поблизости от горы?.. Статьи вызывали одновременно любопытство и тревогу, – любопытство у людей, которые, не подвергаясь никакой опасности, попросту интересовались явлениями природы, и тревогу у тех, кто рисковал стать жертвами этих явлений, если они действительно представляли угрозу для обитателей окрестных селений. В большинстве своем это были жители Плезент-Гардена, Моргантона, а также других поселков и довольно многочисленных ферм, разбросанных у подножья Аппалачских гор.

Жаль, конечно, что альпинисты до сих пор ни разу не сделали попытки взобраться на Грейт-Эйри. Никто еще не переступал через окружающую ее скалистую стену, а может быть, там и не существовало расщелины, открывавшей доступ в котловину.

Но разве не было Поблизости другой остроконечной или конусообразной горы, по высоте превосходившей Грейт-Эйри, откуда открывался бы вид на всю ее вершину? Нет, на несколько километров вокруг не было гор выше Грейт-Эйри. Гора Веллингтон, одна из высочайших точек Аллеган, находилась слишком далеко.

Итак, тщательное исследование Грейт-Эйри стало теперь совершенно необходимым. В интересах населения округа нужно было узнать, нет ли там кратера и не угрожает ли западной части Каролины извержение вулкана. Следовательно, ничего не оставалось, как только попытаться проникнуть в котловину и определить причину наблюдаемых явлений.

Но прежде чем осуществилась эта попытка, как известно, сопряженная с большими трудностями, представился случай, казалось бы дававший возможность выяснить внутреннюю структуру Грейт-Эйри, не взбираясь на ее кручи.

В первых числах сентября этого года воздухоплаватель Уилкер должен был подняться на аэростате из Моргантона. Предполагали, что восточным ветром баллон будет отнесен к Грейт-Эйри, и надеялись, что он (пролетит как раз над вершиной. В таком случае, оказавшись на несколько сот футов выше горы, Уилкер при помощи сильной подзорной трубы мог бы рассмотреть котловину до самой глубины и выяснить, не зияет ли между высокими скалами кратер вулкана. В сущности это и был главный вопрос. Если бы он разрешился, стало бы ясно, должно ли население окрестностей в более или менее близком будущем опасаться извержения вулкана.

Подъем аэростата совершился по намеченному плану. Дул ровный, не слишком сильный

Жюль Верн

ветер; небо было ясное. Утренний туман только что растаял от ярких лучей солнца. Если котловина не будет затянута дымкой испарений, аэронавт сможет осмотреть ее на всем протяжении. В случае выделения подземных паров он несомненно их заметит, и тогда придется констатировать, что в этой части Голубых гор действительно существует вулкан и кратером его является Грейт-Эйри.

Воздушный шар поднялся сначала на высоту в тысячу пятьсот футов и в течение четверти часа оставался неподвижным, так как ветер дул только у поверхности земли и не ощущался на такой высоте. Но какое разочарование! Вскоре аэростат испытал на себе действие другого атмосферного течения, и его стало относить к востоку. Таким образом он удалялся от горной цепи, и никакой надежды на то, что он снова к ней приблизится, не оставалось. Прошло несколько минут, и жители местечка потеряли аэростат из виду, а впоследствии они узнали, что он опустился в окрестностях Роли в Северной Каролине.

Попытка не удалась, но было решено повторить ее в более благоприятных условиях. Дело в том, что с горы опять раздавался шум, из нее вырывались черные, как сажа, пары; в облаках отражался мерцающий свет. Понятно, что тревога не прекращалась. Местность по-прежнему оставалась под угрозой землетрясения или извержения вулкана.

Но вот с начала апреля опасения, до тех пор более или менее смутные, превратились в непреодолимый страх, и на то были серьезные причины. Местные газеты быстро откликнулись на всеобщую панику. Теперь весь округ между горной цепью и Моргантоном со дня на день ожидал катастрофы.

В ночь с 4 на 5 апреля жители Плезент-Гардена были разбужены взрывом, сопровождавшимся оглушительным грохотом. Среди жителей, решивших, что это обрушилась часть горной цепи, началась паника. Люди выскочили из домов, и, боясь, что перед ними вот-вот разверзнется огромная пропасть, которая поглотит фермы и поселки на протяжении десяти – пятнадцати миль, готовы были броситься бежать.

Ночь была темная. Над долиной нависли густые облака. Даже и днем они скрыли бы из виду вершины Голубых гор. Среди этой тьмы разглядеть что-либо было невозможно. Со всех сторон раздавались крики. Группы растерянных жителей – мужчины, женщины, дети – металась в поисках дороги и в смятении толкали друг друга. То тут, то там слышались испуганные возгласы:

- Землетрясение!..
- Извержение вулкана!..
- Какого?
- Грейт-Эйри...

Весть о том, что на равнину полилась лава и посыпались камни и шлак, быстро донеслась до Моргантона.

Следовало обратить внимание хотя бы на то, что в случае извержения грохот еще усилился бы и над горой появилось бы пламя. Люди не могли бы не заметить в темноте светящихся потоков лавы. Однако никому это не пришло в голову, и перепуганные жители продолжали утверждать, что их дома содрогаются от подземных толчков. Впрочем, эти толчки мог вызвать обвал какой-нибудь скалы, обрушившейся со склонов горной цепи.

Все с ужасом ждали чего-то, охваченные смертельной тревогой, готовые в любую минуту бежать к Плезент-Гардену или Моргантону.

В течение следующего часа те произошло ничего нового. Только легкий западный ветер, который отчасти задерживала длинная гряда Аппалачских гор, долетал сквозь жесткую хвою вечнозеленых деревьев, густо растущих в болотистых низинах.

Паника не возобновлялась, и люди уже собирались разойтись по домам. По-видимому, бояться теперь было нечего, и все-таки все с нетерпением ждали наступления утра.

Должно быть, произошел обвал, какая-то громадная глыба низверглась с высоты Грейт-Эйри. При первых лучах зари легко будет убедиться в этом, пройдя несколько миль вдоль подножья горной цепи.

Но вот около трех часов утра – новая тревога: над гребнем скал показалось пламя. Отраженное облаками, оно осветило заревом все небо. В то же время сверху слышалось какое-то потрескивание: видимо, на вершине что-то горело.

Уж не пожар ли начался там, наверху? Но от чего бы он мог произойти? Во всяком случае не от молнии. Ведь никто не слышал раскатов грома. Правда, горючего было сколько угодно, потому что весь Аллеганский хребет – и Кэмберлендские и Голубые горы – на этой высоте еще покрыт лесом. Там растет множество кипарисов, латаний и других вечнозеленых деревьев.

– Извержение!.. Извержение!.. – закричали со всех сторон.

Так, значит, Грейт-Эйри – это кратер вулкана, таящегося в недрах гор. Ведь он потух столько лет, вернее столько веков назад, так неужели же он опять начал действовать? Что, если за пламенем последует дождь из раскаленных камней, ливень из пепла и шлака?.. Что, если сейчас польется лава, которая сожжет все на своем пути, уничтожит городки, селения, фермы,

– словом, весь этот обширный край с его равнинами, с его полями, лесами, даже и за пределами Плезент-Гардена и Моргантона?..

На этот раз поднялась такая паника, что остановить ее было невозможно. Обезумевшие от страха женщины, схватив своих детей, бросились к дорогам, ведущим на восток, чтобы как можно быстрее покинуть места, где начиналось землетрясение. Мужчины вытаскивали из домов вещи, связывали в узлы все самое ценное, выпускали лошадей, коров, овец, в страхе бросавшихся в разные стороны. Какой хаос представляло собой это скопление людей и животных – в темную ночь, среди лесов, которые вот-вот охватит пламя вулкана, у болот, грозивших каждую минуту затопить все кругом!.. Казалось, даже сама земля готова была расступиться под йогами беглецов!.. Успеют ли они спастись, если бурный поток раскаленной лавы, разлившись по поверхности земли, преградит им дорогу?

Некоторые из самых состоятельных фермеров, наиболее рассудительные, все же остались в поселке и хотели остановить перепуганную толпу, – но все их усилия были напрасны.

Они отправились на разведку и, остановившись за милю от горной цепи, увидели, что пламя побледнело и скоро должно погаснуть. В самом деле, не похоже было на то, что местности угрожает извержение вулкана. С горы не летели камни, потоки лавы не спускались по склонам, из недр земли не доносилось гула. Не было никаких признаков тех сейсмических возмущений, которые могут в одно мгновение опустошить целую страну.

Отсюда было сделано следующее справедливое заключение: сила огня, бушевавшего в котловине Грейт-Эйри, по-видимому, ослабевала. Облако постепенно бледнело; скоро вся равнина должна была погрузиться в глубокий мрак до наступления утра.

Между тем толпа, отойдя на такое расстояние, где ей уже не угрожала опасность, остановилась. Затем она повернула назад, и к утру многие беглецы возвратились в свои селения и на фермы.

Около четырех часов утра утесы Грейт-Эйри едва окрашивались слабыми отсветами. Пожар догорал – несомненно из-за недостатка горючего, и хотя причина его так и осталась неизвестной, можно было надеяться, что он не возобновится.

Судя по всему, на Грейт-Эйри теперь не происходило никаких вулканических явлений. Не было оснований думать, что жители ее окрестностей находятся под угрозой извержения или землетрясения. А часов в пять утра с вершины, еще окутанной ночной мглой, донеслись странные звуки, нечто вроде сильного и ровного дыхания, сопровождаемого мощными ударами крыльев. И если бы было светло, люди из селений и ферм могли бы заметить, как по небу пронеслась какая-то гигантская хищная птица, какое-то крылатое чудовище, которое, поднявшись над Грейт-Эйри, полетело на восток!

2. В МОРГАНТОНЕ

Двадцать седьмого апреля я выехал из Вашингтона и на следующий день прибыл в Роли, главный город штата Северная Каролина.

За два дня до этого начальник департамента полиции вызвал меня к себе в кабинет. По-видимому, он с нетерпением ожидал моего прихода, и между нами произошла следующая беседа, решившая мой отъезд. Привожу этот разговор.

– Джон Строк, – начал он, – могу ли я по-прежнему рассчитывать на вас, как на агента, который не раз доказывал нам свою проницательность и преданность?

– Мистер Уорд, – почтительно ответил я, – не мне судить о том, так же ли я проницателен, как был прежде... Что же касается моей преданности, то могу заверить, что она осталась неизменной...

– Я в этом не сомневаюсь, – продолжал мистер Уорд, – и хочу только задать вам еще один, более определенный вопрос, по-прежнему ли вы любознательны, по-прежнему ли стремитесь разгадывать тайны?

– По-прежнему, мистер Уорд.

– И эта любознательность не уменьшилась от всего того, что вам пришлось видеть и пережить?

– Нисколько!

– Так вот, послушайте, Строк...

Мистеру Уорду было тогда лет пятьдесят; человек острого и зрелого ума, он с большим знанием дела исполнял свои ответственные обязанности.

Он неоднократно давал мне трудные поручения, иной раз носившие политический характер; я выполнял их успешно, и он всегда бывал мною доволен. Однако уже в течение нескольких месяцев мне не представлялось никакого случая снова проявить себя на службе, и эта праздность начинала меня тяготить.

Поэтому я с нетерпением ждал, что скажет мне мистер Уорд. Я не сомневался в том, что он вызвал меня неспроста и снова хочет дать мне какое-нибудь важное поручение.

Начальник заговорил со мной о событии, занимавшем в то время общественное мнение не только Северной Каролины и соседних штатов, но и всей Америки.

– Вы, конечно, знаете, – сказал он мне, – о том, что происходит в Аппалачских горах, в окрестностях поселка Моргантон?..

– Знаю, мистер Уорд, и ничуть не удивляюсь, что такие по меньшей мере необычные явления возбуждают любопытство у людей и не столь любопытных, как я...

– Не спорю, Строк, там действительно происходит нечто необычное и даже странное. Но надо подумать о том, не представляют ли наблюдавшиеся на Грейт-Эйри явления опасности для населения этого округа, не следует ли считать их признаками, предшествующими извержению вулкана или землетрясению?..

– Боюсь, что это так, мистер Уорд.

– Поэтому, Строк, и важно было бы узнать, в чем там дело. Если мы и не в силах предотвратить стихийное бедствие, то было бы все же лучше вовремя предупредить жителей об угрожающей им опасности...

– Это обязанность властей, мистер Строк, – ответил я. – Необходимо выяснить, что происходит там, на вершине, и...

– Вы правы, Строк, но, по-видимому, это связано с большими трудностями. Все в том округе твердят, что проникнуть за утесы Грейт-Эйри и осмотреть котловину – невозможно. Однако пробовал ли кто-нибудь сделать это при таких условиях, которые могли бы обеспечить успех?.. Не думаю, и, по моему мнению, серьезно организованная попытка привела бы к желаемым результатам.

– Тут нет ничего невозможного, мистер Уорд, – и вопрос здесь, конечно, только в затратах.

– Эти затраты необходимы. Строк, и не приходится считаться с ними, когда дело идет о том, чтобы успокоить все местное население или предупредить его во избежание катастрофы... Впрочем, действительно ли утесы Грейт-Эйри так уж неприступны, как это утверждают?.. Кто знает, не устроила ли там себе притон шайка злоумышленников и не пробираются ли они туда по тропинкам, которые ведомы им одним?..

Жюль Верн

- Как, мистер Уорд, вы подозреваете, что злоумышленники...
- Быть может, Строк, я ошибаюсь, и все, что происходит там, объясняется естественными причинами... Вот это-то мы и хотим выяснить, и притом как можно скорее.
- Позвольте задать вам вопрос, мистер Уорд?
- Говорите, Строк.
- Допустим, что котловина Грейт-Эйри будет исследована и мы узнаем причину этих явлений; допустим, что там имеется кратер и вскоре нужно ожидать извержения, – разве мы сможем его предотвратить?..
- Нет, Строк, но зато мы успеем предупредить население округа... Жители поселков и ферм не будут застигнуты врасплох и смогут подготовиться. Что, если какой-нибудь вулкан в Аллеганских горах угрожает Северной Каролине такой же катастрофой, какая постигла Мартинику во время извержения Мон-Пеле? Надо по крайней мере дать населению возможность уйти в безопасное место.
- Хочу надеяться, мистер Уорд, что округу не угрожает подобная опасность.
- Я тоже хотел бы этого, Строк. Да и трудно поверить, чтобы в этой части Голубых гор существовал вулкан. Аппалачские горы вовсе не вулканического происхождения. Однако, если судить по полученным нами донесениям, над Грейт-Эйри видели пламя. Людям казалось, что они ощущают подземные толчки, или во всяком случае сотрясение почвы, даже в окрестностях Плезент-Гардена... Но воображаемые это явления или реальные? Вот что нужно установить.
- Этого требует осторожность, мистер Уорд, и не следовало бы откладывать...
- Так вот. Строк, мы и решили расследовать это дело. Нужно как можно скорее туда поехать, собрать там все сведения, расспросить жителей поселков и ферм. Мы решили выбрать для этого самого надежного агента, и этот агент вы, Строк.
- Очень рад, мистер Уорд, – воскликнул я, – и вы можете быть спокойны: я сделаю все, чтобы оправдать ваше доверие.
- Знаю, Строк, и считаю, что это поручение как раз подходит для вас.
- Больше, чем любое другое, мистер Уорд.
- У вас будет прекрасный случай проявить себя и, надеюсь, удовлетворить вашу страсть к приключениям, – ведь это отличительная черта вашего характера.
- Не отрицаю.
- К тому же вам предоставляется полная свобода действий. И если придется организовать восхождение, – что может обойтись не дешево, – вам будут отпущены неограниченные средства.
- Я сделаю все возможное, мистер Уорд, положитесь на меня.
- Но только, Строк, когда вы будете собирать сведения на месте, рекомендую вам действовать как можно осторожнее. Население там еще очень возбуждено. Не принимайте на веру все, что вам будут рассказывать, а главное, постарайтесь не вызвать там новой паники...
- Понимаю.
- Мы дадим вам рекомендательное письмо к мэру Моргантона, и он окажет вам содействие... Повторяю еще раз, будьте осторожны, Строк, и привлекайте к расследованию только таких людей, которые будут вам совершенно необходимы. Мы не раз имели случай убедиться в вашем уме и ловкости и очень рассчитываем на то, что вы и теперь добьетесь успеха.
- Я не добьюсь его только в том случае, мистер Уорд, если натолкнусь на непреодолимые трудности; ведь в конце концов может случиться, что проникнуть за утесы Грейт-Эйри действительно невозможно, а если так...
- Если так, посмотрим. Повторяю, мы знаем, что вы самый любознательный из людей, – этого требует и ваша профессия, – а здесь представляется прекрасный случай удовлетворить вашу любознательность.
- Мистер Уорд был прав.
- Когда я должен ехать? – спросил я.
- Завтра.
- Завтра я выеду из Вашингтона и послезавтра буду в Моргантоне.

– Сообщайте мне о ходе дела по почте или по телеграфу.

– Непременно, мистер Уорд. На прощанье позвольте еще раз поблагодарить вас за то, что вы поручили это расследование на Грейт-Эйри именно мне.

Мог ли я предполагать, что ожидало меня в будущем?

Я тут же вернулся домой, приготовился к отъезду, а на рассвете следующего дня скорый поезд уже мчал меня в столицу Северной Каролины.

Приехав в тот же вечер в Роли, я переночевал там, а после полудня поезд, курсирующий в западной части штата, доставил меня в Моргантон.

Собственно говоря, Моргантон – это всего лишь поселок. Он выстроен среди гористой местности, особенно богатой каменным углем, которого там добывается довольно много. Изобилие минеральных источников привлекает туда летом множество курортной публики. В окрестностях Моргантона процветает сельское хозяйство, земледельцы с успехом выращивают злаки. Поля перемежаются с торфяными или поросшими тростником болотами. Здесь много вечнозеленых лесов. Только одного недостает этой области – естественного газа, источника энергии, света и тепла, которым так богаты долины Аппалачских гор.

Благодаря хорошей плодородной почве окрестности Моргантона густо населены. Селения и фермы теснятся до самого подножья Аппалачских гор; они разбросаны то группами среди лесов, то поодиночке у первых отрогов горной цепи. Здесь насчитывается несколько тысяч жителей, которым угрожала бы большая опасность, если бы котловина Грейт-Эйри оказалась кратером вулкана. В случае извержения вся местность покроется шлаком и пеплом, в долину хлынут потоки лавы, а подземные толчки могут распространиться до Плезент-Гардена и Моргантона.

Мистер Элиас Смит, мэр Моргантона, был человек высокого роста и крепкого сложения, смелый, предприимчивый; ему было не более сорока лет, и здоровьем его могли подивиться все врачи обеих Америк; ему нипочем были и зимняя стужа и летний зной, который в Северной Каролине иногда бывает невыносим. Он был страстным охотником и стрелял не только мелкого пушного зверя и пернатую дичь, которые в изобилии водятся на равнинах, прилегающих к Аппалачским горам, но ходил также на медведей и пантер, нередко встречающихся в густых кипарисовых лесах и в диких ущельях двойной цепи Аллеганских гор.

Элиас Смит, богатый землевладелец, имел несколько ферм в окрестностях Моргантона. Некоторыми из них он управлял сам. Он часто навещал своих фермеров и все то время, когда не бывал у себя дома в поселке, проводил в разъездах и на охоте, которою страстно увлекался.

Под вечер я отправился к Элиасу Смицу. Его уже предупредили телеграммой, и он был дома. Я передал ему рекомендательное письмо мистера Уорда, и мы быстро познакомились.

Мэр Моргантона принял меня запросто, без церемоний. Он курил трубку, на столе, у него стояла рюмка бренди. Служанка тотчас же принесла вторую рюмку, и прежде чем начался разговор, мне пришлось выпить.

– Вы приехали от мистера Уорда, – сказал он мне добродушно, – так выпьем же сначала за здоровье мистера Уорда!

Пришлось чокнуться и осушить рюмки в честь директора департамента полиции.

– Ну, а теперь рассказывайте, – сказал Элиас Смит.

Тогда я сообщил мэру Моргантона о цели моего приезда в этот округ Северной Каролины. Я напомнил ему о явлениях, недавно имевших место в районе. Я обратил его внимание (и он согласился со мной) на то, как важно успокоить жителей округа или хотя бы предостеречь их. Я заявил ему, что власти совершенно справедливо встревожены таким положением вещей и по возможности хотят принять необходимые меры. Наконец я добавил, что мой начальник уполномочил меня произвести быстрое и тщательное расследование всего этого дела и что я не намерен останавливаться ни перед какими затруднениями и затратами, так как министерство берет на себя все расходы по моей экспедиции.

Пока я говорил, Элиас Смит не произнес ни слова, зато несколько раз наполнял обе рюмки. Он то и дело пускал клубы дыма, и я видел, что он слушает меня с большим вниманием. По временам на его щеках появлялся румянец, а глаза блестели под густыми бровями. Очевидно, глава

Жюль Верн

поселка Моргантон был сильно встревожен тем, что происходило на Грейт-Эйри, и не меньше меня горел желанием открыть причину этих явлений.

Когда я кончил свое сообщение, Элиас Смит с минуту молча смотрел на меня.

– Итак, – сказал он, – там, в Вашингтоне, хотят знать, что за штука скрывается в чреве этой Грейт-Эйри?..

– Да, мистер Смит...

– И вы тоже хотите это знать?..

– Разумеется!..

– Того же самого хочу и я, мистер Строк!

– Ну, если любознательность мэра Моргантона не уступает моей, то из нас получится хорошая пара!

– Понимаете, – добавил он, вытряхивая пепел из трубки, – я сам землевладелец и потому не могу не интересоваться тем, что происходит на Грейт-Эйри, а в качестве мэра я, конечно, обязан заботиться о безопасности жителей вверенного мне округа.

– Тогда у вас есть двойное основание постараться найти причину явлений, которые могут взбудоражить всю область!.. И, разумеется, они должны казаться вам необъяснимыми, а главное – небезопасными для местного населения...

– Прежде всего необъяснимыми, мистер Строк, потому что мне как-то не верится, чтобы на Грейт-Эйри был кратер. Ведь Аллеганские горы нигде не имеют вулканического характера. Нигде – ни в ущельях Кэмберленда, ни в долинах Голубых гор – нет никаких следов золы, шлака, лавы и других вулканических образований. Я не думаю, чтобы Моргантонскому округу угрожало что-нибудь с этой стороны.

– Вы полагаете, мистер Смит?

– Да, таково мое мнение.

– Что же вы скажете об этих подземных толчках, которые ощущались в окрестностях гор?

– Об этих толчках... об этих толчках... – повторил мистер Смит, качая головой. – Да были ли они в действительности, эти подземные толчки?.. Когда над горой появилось сильное пламя, я как раз находился на своей ферме в Уилдоне, на расстоянии меньше мили от Грейт-Эйри, и хотя в воздухе ощущался какой-то трепет, я не почувствовал никаких подземных толчков, ни поверхностных, ни глубинных.

– Однако, судя по донесениям, полученным мистером Уордом...

– Эти донесения составлены под влиянием паники! – заявил мэр Моргантона. – Во всяком случае, я в своем донесении не говорил о подземных толчках.

– Это нужно иметь в виду... Ну, а пламя, показавшееся из-за скал?

– О, пламя, мистер Строк, это другое дело!.. Я видел его, видел собственными глазами, и даже на большом расстоянии облака были окрашены его заревом. Кроме того, с вершины доносился шум, похожий на свист выпускаемого из котла пара.

– Вы сами слышали этот свист?

– Сам... Я был совершенно оглушен!

– А не показалось ли вам, мистер Смит, что среди этого шума вы слышали словно сильные удары крыльев?

– Вот именно, мистер Строк. Но какая же гигантская птица могла подняться над горой, когда исчезли последние языки пламени? И какие же у нее должны были быть крылья?.. Я уже начинаю думать, что это лишь плод моего воображения!.. Грейт-Эйри – гнездо воздушных чудовищ! Но ведь мы бы уже давно заметили, как они парят над своим огромным скалистым пристанищем!.. Поистине за всем этим скрывается тайна, в которую до сих пор никому не удалось проникнуть.

– Мы проникнем в нее, мистер Смит, если вы не откажетесь помочь мне.

– Охотно помогу, мистер Строк, тем более что необходимо успокоить население округа.

– Тогда мы завтра же примемся за дело.

– Завтра же!

С этими словами мы расстались.

Я вернулся в гостиницу и устроился там с таким расчетом, чтобы провести в Моргантоне столько дней, сколько потребует расследование.

Я не забыл написать мистеру Уорду. Сообщив ему о своем прибытии в Моргантон, я рассказал о результатах первого свидания с мэром этого местечка и о нашем решении предпринять все необходимое, чтобы в самый короткий срок довести дело до успешного конца.

Вечером я еще раз повидался с мистером Смитом, и мы решили ехать на рассвете. Вот какой план мы наметили.

Нас будут сопровождать два опытных проводника, уже неоднократно побывавших на многих вершинах Голубых гор. Правда, они никогда не пытались взобраться на Грейт-Эйри, зная, что путь туда прегражден неприступными скалами; к тому же до последних событий вершина Грейт-Эйри не привлекала внимания туристов. Мы вполне могли положиться на этих двух проводников, которых мистер Смит знал лично; это были отважные, ловкие, преданные люди. Они никогда не отступят перед препятствиями, и мы твердо решили не отставать от них.

К тому же мистер Смит высказал предположение, что теперь, быть может, нам легко будет пробраться в котловину Грейт-Эйри.

– Почему же? – спросил я его.

– Потому что несколько недель назад с горы обвалился утес и в скалах мог образоваться проход.

– Вот было бы хорошо, мистер Смит!

– Мы проверим это, мистер Строк, и не позднее завтрашнего дня.

– Итак, до завтра.

3. ГРЕЙТ-ЭЙРИ

На следующий день, едва рассвело, мы с Элиасом Смитом выехали из Моргантона по дороге, которая извивается вдоль левого берега реки Сатавбы и ведет в местечко Плезент-Гарден.

С нами были оба проводника – тридцатилетний Гарри Горн и Джеймс Брук, двадцати пяти лет. Оба были местными жителями и сопровождали туристов, желавших осмотреть самые живописные места Голубых и Кэмберлендских гор, образующих двойную цепь Аллеган. Бесстрашные альпинисты, сильные, ловкие и опытные, они хорошо знали эту часть округа до самого подножья гор.

Коляска, запряженная парой крепких лошадок, должна была доставить нас к западной границе штата. Провиантом мы запаслись только на два-три дня, так как предполагалось, что наша поездка дольше не продлится. Выбор провизии мы доверили мистеру Смицу, и он взял с собой мясные консервы, ветчину, олений окорок, бочонок эля, несколько бутылок виски и бренди и достаточное количество хлеба. А свежей воды было сколько угодно в горных ручьях; ведь в это время года часто выпадают ливни.

Само собой разумеется, что мэр Моргантона, страстный охотник, захватил с собой ружье и свою собаку Ниско, которая бежала и прыгала возле коляски. Ниско будет выгонять дичь в лесу и на равнине, но когда мы начнем подниматься в гору, он останется с кучером на Уилдонской ферме. Мы не сможем взять с собой собаку на Грейт-Эйри, – там придется переправляться через расселины и карабкаться на скалы.

Погода стояла ясная, но было еще довольно свежо, – в этой части Америки конец апреля иногда бывает холодным. С широких просторов Атлантического океана дул ветерок и, то усиливаясь, то ослабевая, быстро гнал облака, сквозь которые проскальзывали лучи солнца, освещавшие всю равнину.

К концу первого дня мы доехали до Плезент-Гардена, где рассчитывали переночевать у местного мэра, близкого друга мистера Смита. Я был рад случаю познакомиться с этим округом, где поля сменяются болотами, а болота

– кипарисовыми лесами. Довольно сносная дорога пересекает эти леса или идет вдоль их

опушки, не образуя лишних извилин и поворотов. В болотистых местах растут великолепные кипарисы с высокими и прямыми стволами, слегка утолщенными книзу и покрытыми у основания небольшими выпуклыми наростами коленчатой формы, из которых местные жители делают ульи. Ветерок, посвистывая сквозь их бледно-зеленую листву, трепал длинные серые волокна, так называемые «испанские бороды», спускающиеся с нижних веток до земли.

В этих лесах встречается множество животных. Перед нашей коляской разбежались суслики и полевые мыши, взлетали яркие, оглушительно крикливые попугаи; быстрыми прыжками спасались двуутробки, унося своих детенышей в сумке у себя на брюшке; мириадами разлетались птицы, скрываясь в листве баньянов, латаний и в зарослях рододендронов, местами таких густых, что пробраться сквозь них было невозможно.

Прибыв вечером в Плезент-Гарден, мы удобно устроились там на ночлег. Утром мы собирались отправиться на ферму Уилдон, расположенную у подножья гор.

Плезент-Гарден – небольшой поселок. Мэр любезно принял и щедро угостил нас. Мы весело поужинали в его хорошеньком домике, скрытом под сенью высоких буков. Разговор, естественно, зашел о предстоящей попытке исследовать внутреннюю структуру Грейт-Эйри.

– Вы правы, – заявил наш хозяин. – Пока сельские жители не узнают, что там происходит, что там таится, они не будут спокойны.

– Но ведь с тех пор как над Грейт-Эйри в последний раз появилось пламя, не случилось ничего нового? – спросил я.

– Ничего, мистер Строк. Из Плезент-Гардена хорошо видны верхние очертания горы до самого Блек-Доума, который возвышается над ней. Мы больше не слышали никакого подозрительного шума, не видели никакого огня. И если на Грейт-Эйри поселился легион чертей, то, по видимому, они закончили свою адскую стряпню и отправились в какое-нибудь другое логово в Аллеганских горах!

– Легион чертей! – воскликнул мистер Смит. – Ну что ж! Я надеюсь, что, удирая, они оставили там хоть какие-нибудь следы своего пребывания – кусочек хвоста или кончик рога!.. Посмотрим!

На рассвете следующего дня, 29 апреля, нас уже ждала коляска. Мы с мистером Смитом заняли свои места. Кучер хлестнул лошадей, и они пустились рысью. Это был второй день нашего путешествия. К вечеру мы должны были сделать привал на ферме Уилдон у первых отрогов Голубых гор.

Ландшафт не изменился. Все так же перемежались леса и болота, хотя последние встречались реже, потому что на подступах к горной цепи местность, естественно, повышалась. Становилось все безлюднее. Лишь изредка встречались селенья, затерянные в пышной листве буков, да уединенные фермы, чьи поля обильно орошались ручьями, текущими со склонов гор, – многочисленными притоками реки Сатавбы.

Фауна и флора те же, что накануне; в общем, достаточно дичи, чтобы хорошенько поохотиться.

– Мне, право, хочется взять ружье и свистнуть Ниско! – говорил мистер Смит. – В первый раз я проезжаю здесь, не стреляя по куропаткам и зайцам! Эти славные зверьки перестанут меня узнавать! Правда, мы пока что не нуждаемся в провизии и у нас сейчас на уме другое... охота за тайнами...

– Только бы не вернуться не солоно хлебавши! – добавил я.

Все утро пришлось ехать по бесконечной равнине, где только редкими группами росли кипарисы и латании. Насколько хватал глаз, виделось множества прихотливо разбросанных холмиков, где кишела масса мелких грызунов. Тут жили тысячи белок, из той разновидности, которую в Америке в просторечье называют «степной собачкой». Это вовсе не значит, что они похожи на собак какой-либо породы, – нет, их называли так потому, что они твякают, как собачонки. И в самом деле, пока мы ехали крупной рысью по равнине, приходилось просто затыкать уши.

В Соединенных Штатах нередко можно встретить такие колонии, густо населенные грызу-

нами. Так, например, натуралисты упоминают о «Собачьем городке»: колония с этим выразительным названием насчитывает более миллиона четвероногих обитателей.

«Степные собачки» питаются кореньями, травами, а также кузнечиками, до которых они лакомы; в общем, эти зверьки безобидны, хотя визжат так, что можно оглохнуть.

Погода была такая же хорошая, как накануне, только ветерок немного посвежел. Не следует думать, что в штатах обеих Каролин относительно жаркий климат. На этой широте (тридцать пять градусов) зимы часто бывают суровы. Многие породы деревьев гибнут здесь от холода, и русло Сатавбы нередко затягивается льдом.

После полудня, на расстоянии всего лишь шести миль, перед нами широко развернулась цепь Голубых гор. Их гребень четко вырисовывался на фоне светлого неба, покрытого легкими облаками. У подножья они поросли густым хвойным лесом; отдельные деревья виднелись и выше, на темных утесах причудливой формы. Над ними вздымались странно очерченные вершины; направо, выше всех, поднимался Блек-Доум,² гигантский купол которого весь сверкал, озаренный лучами солнца.

– Взбирались вы когда-нибудь на эту гору, мистер Смит? – спросил я.

– Нет, – ответил он, – говорят, что подъем на нее довольно труден. Впрочем, некоторые туристы побывали на ее вершине, и, по их словам, рассмотреть котловину Грейт-Эйри отсюда нельзя.

– Это верно, – заявил проводник Гарри Горн, – я сам в этом убедился.

– Может быть, погода была неподходящая... – заметил я.

– Напротив, очень ясная, мистер Строк, но края утесов на Грейт-Эйри так высоки, что закрывают вид на котловину.

– Ну что ж, – вскричал Смит, – я не откажусь первым пройти туда, где еще не ступала нога человека!

Так или иначе, но в этот день на Грейт-Эйри все казалось спокойным, отсюда не вырывалось ни паров, ни пламени.

Около пяти часов наша коляска остановилась на ферме Уилдон, работники которой вышли навстречу своему хозяину.

Здесь нам предстояло провести последнюю ночь.

Лошадей тотчас же выпрягли и поставили в конюшню, где их ждал обильный корм, а коляску убрали в сарай. Кучер должен был ждать нашего возвращения. Мистер Смит не сомневался в том, что, когда мы вернемся в Моргантон, наша миссия будет выполнена ко всеобщему удовлетворению.

Уилдонский фермер заверил нас, что в последнее время на Грейт-Эйри не происходило ничего необычного.

Мы поужинали за одним столом с работниками фермы, а потом спокойно проспали всю ночь.

На рассвете следующего дня предстояло начать восхождение. Высота Грейт-Эйри не превышает тысячи восьмисот футов, – высота не такая уж большая, средняя в цепи Аллеганских гор. Поэтому мы надеялись, что не слишком устанем. За несколько часов можно добраться до самой высокой точки. Правда, в пути могут встретиться трудности: придется перебираться через пропасти, обходить препятствия, подниматься по крутым и опасным тропинкам. В этом заключалось неизведанное, риск, на который мы шли. Читателю известно, что проводники ничего не могли сообщить на этот счет. Больше всего меня тревожила ходившая в этих местах молва о неприступности утесов Грейт-Эйри. Но ведь это не было проверенным фактом, и оставалась надежда, что после падения глыбы где-нибудь в толще скалистой стены могла образоваться брешь.

– Наконец-то мы начинаем подъем, – сказал мистер Смит, зажигая первую трубку из тех

² высота 2044 м (прим. авт.)

двадцати, которые он выкуривал за день, – и начинаем неплохо! А сколько это отнимет у нас времени, я, право, не знаю...

– Но ведь мы твердо решили довести наше расследование до конца, мистер Смит? – спросил я.

– Конечно, мистер Строк!

– Мой начальник поручил мне вырвать у этой ведьмы Грейт-Эйри ее тайны.

– И мы вырвем их силой, если она не захочет открыть их добровольно, – отозвался мистер Смит, жестом призывая небо в свидетели, – вырвем, даже если бы нам пришлось спуститься за ними в самые недра горы!

– Возможно, что наша экскурсия не закончится в один день, – прибавил я,

– хорошо бы запастись съестными припасами.

– Не беспокойтесь, мистер Строк; у наших проводников на два дня провизии в охотничьих сумках, мы идем не с пустыми руками. К тому же хоть я и оставил славного Ниско на ферме, но все-таки захватил с собой ружье. В лесах и ущельях между отрогами гор, должно быть, уйма дичи. А чтобы зажарить эту дичь, стоит только развести костер. Если там наверху уже не зажгли костер без нас...

– Костер, мистер Смит?

– А почему бы и нет, мистер Строк? Помните это пламя, это великолепное пламя, которое так напугало наших фермеров!.. Кто знает, остыл ли там очаг и не тлеет ли еще огонек под золой? Если в ущелье есть костер, значит есть и вулкан, а разве бывает так, чтобы вулкан совершенно погас и в нем не осталось бы ни уголька?.. Право, плох тот вулкан, у которого не хватит огня, чтобы сварить яйцо или испечь картошку! Ну, ладно, поживем, увидим!

Что до меня, то, признаюсь, я еще не составил себе определенного мнения на этот счет. Я получил приказ проникнуть в тайну Грейт-Эйри! Если котловина не скрывает в себе никакой опасности, ну что ж! Тогда все узнают об этом, и местные жители успокоятся. Но в глубине души – разве это не естественно для человека, которым владеет демон любопытства? – я был бы счастлив, если бы вершина Грейт-Эйри оказалась центром необычайных явлений, причину которых открыл бы именно я! Вот тогда я был бы удовлетворен! И какую известность доставила бы мне моя поездка!

Наше восхождение началось в следующем порядке: впереди оба проводника, которые выбирали путь, за ними Элиас Смит и я, то рядом, то друг за другом, в зависимости от ширины тропинки.

Сначала Гарри Горн и Джеймс Брук повели нас по узкому отлогому ущелью. По обеим сторонам его поднимались довольно крутые откосы, где переплетались, образуя непроходимую чашу, какие-то кусты с плодами наподобие шишек и с темными листьями, большие папоротники, дикая смородина.

Множество птиц оживляло эти лесные заросли своим пением. Самые шумные из них, попугаи, тараторя без умолку, оглашали воздух пронзительными криками. Из-за них почти не было слышно, как сновали в кустах белки, хотя эти зверьки водились здесь в изобилии.

След горного ручья, которому это ущелье служило руслом, прихотливо извивался, спускаясь с одной из вершин. В дождливые месяцы или после какой-нибудь сильной грозы этот ручей, вероятно, низвергался пенистым водопадом. По-видимому, он питался только дождем и снегом; сейчас он совсем иссяк, и это ясно указывало на то, что истоки его были не на вершине Грейт-Эйри, так как в противном случае вода струилась бы непрерывно.

Через полчаса ходьбы подъем сделался так крут, что пришлось сворачивать то вправо, то влево и удлинять путь бесконечными обходами. Идти по ущелью становилось решительно невозможно. Приходилось цепляться за траву, ползти на коленях, и при таких условиях немыслимо было успеть взобраться на вершину до захода солнца.

– Честное слово, – воскликнул мистер Смит, переводя дух, – теперь я понимаю, почему ни один турист не поднимался на Грейт-Эйри!..

– Да, – ответил я, – хлопот будет много, а чего мы добьемся, еще неизвестно! И если бы у

нас не было особых причин во что бы то ни стало довести нашу попытку до конца...

– Верно, – согласился Гарри Горн. – Мы с товарищем несколько раз взбирались на вершину Блек-Доум, но никогда не встречали таких трудностей, как здесь.

– Эти трудности могут превратиться в непреодолимые препятствия, – добавил Джеймс Брук.

Теперь нам надо было решить, с какой стороны искать обходный путь. Справа и слева поднимались густые чащи кустов и деревьев. Конечно, правильнее всего было поискать менее крутых склонов. Может быть, если мы минуем опушку, нам легче будет идти по лесистым откосам? Во всяком случае, нельзя брести наугад. К тому же не следовало забывать, что восточные склоны Голубых гор неприступны на всем протяжении, так как они спускаются под углом около пятидесяти градусов.

Самое лучшее было положиться на опыт наших проводников, в особенности на чутье Джеймса Брука. Этот славный малый в ловкости не уступал обезьяне, а в проворстве – пиренейской серне. К сожалению, мы с Элиасом Смитом не всегда могли бы отважиться пролезть там, где пролезал этот смельчак.

Впрочем, я надеялся не отстать от него, так как привык лазить и люблю физические упражнения. Я твердо решил, что пройду всюду, где пройдет Джеймс Брук, хотя бы мне пришлось несколько раз сорваться. Иначе обстояло дело с мэром Моргантона, – он был постарше, менее вынослив и чувствовал себя не так уверенно. До сих пор он изо всех сил старался не отставать, но временами начинал пыхтеть, как тюлень, и я заставлял его перевести дух.

Короче говоря, мы убедились, что подъем на Грейт-Эйри потребует больше времени, чем можно было ожидать. Мы предполагали добраться до верхних утесов часам к одиннадцати, а теперь нам стало ясно, что даже в полдень мы будем от них на расстоянии нескольких сот футов.

Около десяти часов, после неоднократных попыток отыскать более сносный путь, после многочисленных обходов и возвращений, один из проводников подал нам знак остановиться. Мы достигли верхней границы лесистого пояса, и деревья, которые росли здесь реже, теперь не закрывали от глаз первую скалистую гряду, окружавшую Грейт-Эйри.

– Фу! – отдувался мистер Смит, прислонившись к толстому стволу латании.

– Право, я бы не прочь остановиться ненадолго, немного отдохнуть и даже перекусить.

– Но не больше чем на часок, – ответил я.

– Да, наши ноги и легкие хорошо поработали, теперь очередь за желудком!

Мы все согласились с этим: нужно было восстановить свои силы. Скалистая гряда, по которой предстояло взбираться на Грейт-Эйри, не представляла ничего утешительного. Над нами возвышался один из тех голых склонов, которые местные жители называют «лысынами». Между отвесными скалами не было заметно никакой тропинки. Наши проводники призадумались.

– Подниматься будет нелегко, – сказал Гарри Горн своему товарищу.

– Если это вообще возможно, – ответил Джеймс Брук.

Такое предположение сильно меня раздосадовало. Если придется вернуться, даже не добравшись до Грейт-Эйри, значит моя миссия потерпит полную неудачу, не говоря уже о том, что я не смогу удовлетворить свое любопытство, и мне просто стыдно будет показаться на глаза мистеру Уорду!

Открыв охотничьи сумки, мы подкрепились холодным мясом и хлебом и отпили немного из фляжек. Окончив завтрак, который продолжался не более получаса, мистер Смит поднялся, готовый продолжать путь.

Джеймс Брук пошел первым, а мы последовали за ним, стараясь не отставать.

Продвигались медленно. Наши проводники не скрывали своего замешательства, и Гарри Горн пошел вперед, чтобы выбрать направление.

Он отсутствовал минут около двадцати. Вернувшись, он указал на северо-запад, и мы отправились дальше. С этой стороны на расстоянии трех-четырех миль возвышался Блек-Доум. Подниматься на эту вершину, как уже говорилось, было бы бесполезно, потому что рассмотреть оттуда котловину Грейт-Эйри нельзя даже в сильную подзорную трубу.

Мы шли с трудом, медленно пробираясь по скользким откосам, кое-где поросшим редкой травой и кустарником. На высоте около двухсот футов наш вожак остановился перед глубокой выбоиной: почва здесь была разрыта, кругом валялись вывороченные корни, поломанные ветви, раздробленные камни, как будто по этому склону низвергалась лавина.

– По-видимому, именно здесь скатилась огромная скала, обвалившаяся с Грейт-Эйри, – заметил Джеймс Брук.

– Несомненно, – ответил мистер Смит, – и я думаю, что лучше всего идти по следу, который она проложила при своем падении.

Мы выбрали этот путь, и правильно сделали. Нога опиралась на неровности, прорытые глыбой. Подниматься стало легче: мы шли теперь почти по прямой линии и около половины двенадцатого достигли верхней границы «лысины».

Всего лишь в сотне шагов от нас, но на высоте около ста футов, вздымались утесы, образующие скалистые стены Грейт-Эйри.

С этой стороны очертания их были очень причудливы: некоторые скалы образовывали пики, другие – острые шпили; странный силуэт одного из утесов напоминал огромного орла, готового улететь в небесный простор. Было очевидно, что по крайней мере в восточной своей части эта стена неприступна.

– Отдохнем немного, – предложил мистер Смит, – а потом посмотрим, нельзя ли обойти вокруг Грейт-Эйри.

– Так или иначе, – заметил Гарри Горн, – обвал, как видно, произошел здесь, а между тем в этой части стены незаметно никакого пролома...

Он был прав, и все-таки скала несомненно сорвалась именно с этой стороны.

После десятиминутного отдыха проводники встали. Поднявшись вместе с ними по крутой, довольно скользкой тропинке, мы добрались до края плато. Теперь оставалось только пройти вдоль подножья скал, которые на высоте около пятидесяти футов выступали вперед, образуя как бы стенки корзины. Но даже при помощи длинных лестниц мы не смогли бы подняться до верхнего гребня утесов.

Не скрою, Грейт-Эйри становилась в моих глазах чем-то фантастическим. Я бы не удивился, узнав, что ее ревниво охраняют драконы, химеры и другие мифические чудовища.

Между тем мы продолжали обход скалистой стены, до того похожей на правильный крепостной вал, что она казалась творением рук человеческих, а не созданием природы. И в этой сплошной стене нигде ни одной расселины, через которую можно было бы проскользнуть. Повсюду хребет высотой в сотню футов, – перелезть через него невозможно.

Потратив на обход плоскогорья полтора часа, мы вернулись к месту привала.

Я не мог скрыть своей досады, и мистер Смит был, по-видимому, разочарован не меньше меня.

– Тысяча чертей! – воскликнул он. – Значит, мы так и не узнаем, что там внутри этой проклятой Грейт-Эйри и есть ли там кратер вулкана...

– Есть там кратер или нет, – заметил я, – но оттуда не доносится никакого подозрительного шума, не выходит ни дыма, ни пламени, ничего, что указывало бы на близость извержения!

В самом деле, и по эту сторону скал и за ними все было спокойно. Темные пары не поднимались над горой. Ничего похожего на зарево в небе, по которому неслись облака, гонимые восточным ветром. Земля была так же спокойна, как воздух. Мы не слышали подземного гула, не ощущали под ногами никаких толчков. Царила глубокая тишина, какая бывает только на больших высотах.

Судя по времени, потраченному нами на обход, Грейт-Эйри имела в окружности тысячу двести или тысячу пятьсот футов; при этом нужно учесть, что по краю узкого плато, мы не могли продвигаться быстро. Что же касается площади котловины, то как ее вычислить, если неизвестна толщина окружающей ее скалистой стены?

Само собой разумеется, окрестности были совершенно пустынными, – вокруг ни одного живого существа, за исключением нескольких крупных хищных птиц, паривших над «Орлиным

гнездом».

Было уже три часа, и мистер Смит с досадой воскликнул:

– Даже если мы стоим тут до вечера, мы больше ничего не узнаем! Нужно возвращаться, мистер Строк, если мы хотим засветло попасть в Плезент-Гарден.

И так как я не отвечал и не трогался с места, он подошел «о мне»:

– Что же вы молчите, мистер Строк? Разве вы не слышали, что я сказал?

По правде говоря, мне нелегко было заставить себя повернуть назад, не исполнив данного мне поручения. Меня не покидало непреодолимое желание добиться Цели, а мое неудовлетворенное любопытство еще удвоилось.

Но что же делать? В моих ли силах было пробить эту толстую стену, взобраться на эти высокие скалы?..

Пришлось покориться обстоятельствам, и бросив последний взгляд на Грейт-Эйри, я последовал за своими спутниками, которые уже начали спускаться вниз по «лысине».

Спуск прошел без особых трудностей, и мы не слишком устали. Еще не было пяти часов вечера, когда мы миновали последние отлогие склоны и прибыли на ферму Уилдон, где нас ждали прохладительные напитки и сытный ужин.

– Итак, вам не удалось проникнуть в котловину? – спросил фермер.

– Нет, – ответил мистер Смит, – и право, я начинаю думать, что тайна Грейт-Эйри существует только в воображении наших добрых фермеров!

В половине девятого вечера наша коляска остановилась в Плезент-Гардене, перед домом мэра, где мы должны были переночевать.

Я долго не мог уснуть и все думал, не остаться ли мне на несколько дней в поселке, не организовать ли новое восхождение? Но мог ли я надеяться, что оно будет удачнее первого?

Благодарнее всего было вернуться в Вашингтон и посоветоваться с мистером Уордом. Поэтому, приехав на следующий день вечером в Моргантон, я расплатился с проводниками, попрощался с мистером Смитом и отправился на вокзал, откуда отходил скорый поезд на Роли.

4. ГОНКИ АВТОМОБИЛЬНОГО КЛУБА

Представится ли когда-нибудь случай проникнуть в тайну Грейт-Эйри? Это покажет будущее. Но действительно ли так уж важно раскрыть эту тайну? Несомненно, – от этого зависит, быть может, безопасность жителей целого округа Северной Каролины.

Как бы то ни было, недели две спустя, когда я уже вернулся в Вашингтон, всеобщее внимание было привлечено другим происшествием – совсем иного порядка. Оно осталось таким же загадочным, как и явления, недавно имевшие место на Грейт-Эйри.

В середине мая газеты штата Пенсильвания сообщили своим читателям о следующем факте, наблюдавшемся в разных районах этого штата.

С некоторых пор на дорогах, лучами расходящихся от его столицы – Филадельфии, иногда появлялся необыкновенный экипаж, развивавший такую бешеную скорость, что невозможно было ни разглядеть, какая это машина, ни определить ее форму и даже размеры. Все единодушно утверждали, что это был автомобиль. Но какой мотор приводил его в движение? На этот счет создавались более или менее приемлемые гипотезы, а когда люди дают волю своему воображению, то поставить ему пределы невозможно.

В то время скорость самых усовершенствованных автомобилей любой системы, двигались ли они посредством пара, керосина, спирта или электричества, не превышала ста тридцати километров в час, что составляет около тридцати лье, считая лье за четыре километра, или два с небольшим километра в минуту, – это максимальная скорость курьерских поездов на лучших железнодорожных линиях Америки и Европы.

Что же касается машины, о которой идет речь, то она двигалась по меньшей мере с удвоенной скоростью.

Разумеется, такая скорость была чрезвычайно опасна как для других средств передвиже-

ния, так и для пешеходов. Эта стремительно мчащаяся масса приближалась с быстротою молнии, оглашая воздух устрашающим ревом и разрезая его с такой силой, что ломались ветви придорожных деревьев, в страхе разбежался пасшийся на лугах скот, а птицы разлетались во все стороны, уносимые вихрем пыли, поднятым бешено мчавшейся машиной.

Было еще одно странное обстоятельство, которое особенно привлекало внимание газет: на шоссе не оставалось никакой колеи, образующейся обычно после проезда тяжелых экипажей, – виднелся лишь едва заметный отпечаток, как будто колеса почти не касались дороги. Пыль поднималась только из-за необычайной скорости движения.

«По-видимому, – замечал „Нью-Йорк геральд“, – быстрота перемещения компенсирует вес!»

Не удивительно, что жители различных округов Пенсильвании стали протестовать. Как можно было терпеть такую бешеную езду на машине, угрожавшей опрокинуть на своем пути все экипажи и раздавить пешеходов? Но каким образом остановить ее? Ведь никто не знал, кому она принадлежит, откуда появилась, куда направлялась. Ее замечали только в тот миг, когда она проносилась с головокружительной скоростью артиллерийского снаряда. Попробуйте-ка поймать пушечное ядро в момент его вылета из ствола орудия!

Повторяю, не было никаких признаков, указывавших на систему двигателя этой машины. Для всех было ясно одно: он не выделял ни дыма, ни пара, никакого запаха керосина или другого минерального масла. Отсюда следовало, что эта машина приводилась в движение электричеством и аккумуляторы ее, неизвестного типа, заключали в себе, так сказать, неиссякаемые запасы энергии.

Но возбужденное воображение публики увидело в этом загадочном автомобиле нечто совсем иное: это была сверхъестественная колесница и управлял ею призрак, таинственный шофер, явившийся из преисподней, выходец с того света, чудовище, вырвавшееся из какого-то адского зверинца, словом, дьявол собственной персоной, Вельзевул, Астарот, который презирал человеческое вмешательство, обладая непонятной и безграничной сатанинской силой.

Однако даже сам дьявол не имеет права ездить с такой скоростью по дорогам Соединенных Штатов без специального разрешения, без номера и удостоверения, выписанного по всей форме! И, конечно, ни одно муниципальное управление не могло позволить ему делать по двести пятьдесят километров в час. Итак, из соображений общественной безопасности нужно было придумать способ обуздать фантазию этого таинственного шофера.

И не только Пенсильвания служила ареной для его эксцентрических спортивных упражнений. Полицейские отчеты не замедлили сообщить о появлении машины и в других штатах: в Кентукки – возле Франкфорта, в Огайо

– в окрестностях Колумбуса, в Миссури – близ Джефферсона, в Теннесси – возле Нашвилла, наконец, в Иллинойсе – на дорогах, ведущих в Чикаго.

Теперь, когда повсюду подняли тревогу, муниципальным властям надлежало принять меры против угрожающей всем опасности. Остановить машину, несущуюся с такой скоростью, разумеется, было невозможно. Самый верный способ – устроить на дорогах прочные барьеры, о которые рано или поздно она разобьется вдребезги.

– Как бы не так! – твердили скептики. – Этот отчаянный шофер сумеет объехать препятствия...

– А то и перепрыгнет через барьеры! – прибавляли другие.

– А если это дьявол, то у него, как у бывшего ангела, должны быть крылья, и ему ничего не стоит полететь!

На такие пересуды, конечно, не следовало обращать внимания. К тому же если у этого владыки преисподней есть пара крыльев, то почему он так упрямо едет по земле, рискуя раздавить прохожих, а не носится вольной птицей по воздушным просторам?

Дальше так продолжаться не могло, и вашингтонский департамент полиции, всерьез озабоченный, решил покончить с этим недопустимым положением вещей.

Но вот в последних числах мая произошло событие, позволявшее думать, что Соединенные

Штаты избавились от «чудовища», которое до сих пор оставалось неуловимым. Появилась даже надежда, что этот сумасбродный и опасный автомобилист никогда больше не покажется не только в Новом, но и в Старом Свете.

Как раз в это время различные газеты Соединенных Штатов опубликовали сенсационное сообщение такого содержания (легко вообразить, какими комментариями встретила его публика).

Автомобильный клуб организовал состязания в штате Висконсин, административным центром которого является Мэдисон. Дорога, где должен был происходить пробег, представляла собой превосходную трассу длиной в двести миль;³ она шла от Прейри-ду-Шин, городка, расположенного на западной границе, пересекала Мэдисон и далее, немного выше Милуоки, подходила к берегу Мичигана. Только в Японии между Никко и Намоде есть еще лучшая дорога; обсаженная гигантскими кипарисами, она тянется по прямой линии на восемьдесят два километра.

На состязания ожидалось прибытие множества автомобилей лучших марок, и решено было допустить к пробегу машины с моторами всех систем. Даже мотоциклам было дано право оспаривать призы у автомобилей. В соревнованиях приняли участие следующие фирмы: Хартер и Дитрих, Гоброн и Брийе, Братья Рено, Ришар-Бразье, Дековиль, Даррак, Адлер, Клеман-Байар, Шенар и Уокер, ожидалось автомобили Джиллет-Форест, Гарвард-Уотсон, тяжелые машины Морс, Мерседес, Шаррон-Жирардо-Вуа, Гочкис, Панар-Левассер, Дион-Бутон, Гарднер-Серполе, Тюрка-Мэри, Гиршлер и Лобано и другие – всех национальностей и стран. Разыгрывалось несколько призов на значительные суммы, в общем не менее чем на пятьдесят тысяч долларов. Разумеется, борьба за эти призы обещала быть упорной. Как мы видели, лучшие фабриканты отзывались на призыв Автомобильного клуба, послав на пробег свои самые усовершенствованные модели. Насчитывалось около сорока машин разных систем, с паровыми, керосиновыми, спиртовыми, электрическими двигателями; все они уже не раз успели отличиться во многих достопамятных спортивных гонках.

Учитывая максимальную скорость машин, а именно от ста тридцати до ста сорока километров в час, этот международный пробег на дистанцию в двести миль должен был продолжаться не более трех часов. Во избежание столкновений висконсинские власти запретили на утренние часы 30 мая всякое движение транспорта и пешеходов между Прейри-ду-Шин и Милуоки.

Итак, несчастных случаев бояться было нечего, они могли угрожать только самим участникам пробега, борющимся за призы. Ну что ж, риск, как говорят, благородное дело. Пешеходы же и экипажи благодаря разумно принятым мерам были вне опасности.

Публики собралось необычайно много, и присутствовали не только висконсинцы. Тысячи любопытных прибыли из соседних штатов – из Иллинойса, Мичигана, Айовы, Индианы, даже из штата Нью-Йорк.

Само собой разумеется, что среди этих любителей спорта было много иностранцев – англичане, французы, немцы, австрийцы, – и, вполне естественно, каждый желал победы своим соотечественникам.

Так как состязания происходили в Соединенных Штатах, на родине страстных любителей биться об заклад, немедленно было заключено множество самых разнообразных пари, и притом на громадные суммы. Их регистрировали специальные агентства. За последнюю неделю мая сумма ставок на Новом Материке значительно выросла и исчислялась уже в сотнях тысяч долларов.

В восемь часов утра по хронометру был дан сигнал к старту. Чтобы избежать скопления машин и возможных в связи с этим несчастных случаев, автомобили выезжали на дорогу один за другим через каждые две минуты. По обеим сторонам шоссе чернела масса зрителей.

Главный приз предназначался автомобилю, которому удастся в кратчайшее время покрыть расстояние от Прейри-ду-Шин до Милуоки.

³ около 370 км (прим. авт.)

Первые десять машин отошли от старта между восемью и двадцатью минутами девятого. Если в дороге с ними ничего не случится, они, конечно, придут к финишу до одиннадцати часов. Остальные автомашины следовали в порядке, установленном по жребию. Через каждые полмили у дороги были расставлены полицейские. Любопытные рассеялись вдоль шоссе; в Мэдисоне, средней точке пути, их было не меньше, чем возле старта, а в Милуоки, конечном пункте пробега, собралась большая толпа.

Прошло полтора часа. Из Прейри-ду-Шин выехала последняя машина. Через каждые пять минут по телефону передавали о том, что делается на трассе и в каком порядке следуют участники состязаний. На полпути между Мэдисоном и Милуоки, впереди всех, неслась машина Братьев Рено, на шинах марки Мишлен, с четырехцилиндровым мотором в двадцать лошадиных сил; за ней мчались два автомобиля, Гарвард-Уотсон и Дион-Бутон. Уже произошло несколько аварий, некоторые моторы работали плохо, машины останавливались в пути, и, по-видимому, не больше двенадцати шоферов имели шансы достигнуть цели. Однако среди пострадавших не было ни одного тяжело раненного. Впрочем, даже если бы кто-нибудь и погиб, это не имело бы значения в такой необыкновенной стране, как Америка.

Понятно, что по мере приближения к Милуоки любопытство и страсти разгорались особенно сильно. На западном берегу озера Мичиган, у финиша, стоял столб, разукрашенный флагами всех стран.

Короче говоря, к десяти часам стало ясно, что главный приз – двадцать тысяч долларов – оспаривают друг у друга только пять автомобилей, вырвавшихся далеко вперед, – два американских, два французских и один английский; другие же соперники, потерпев аварии, значительно отстали. Легко себе представить, с каким азартом заключались последние пари, как возбуждено было национальное самолюбие. Агентства едва успевали записывать ставки, и они росли с лихорадочной быстротой. Сторонники фирм, машины которых шли впереди, готовы были броситься врукопашную; еще немного, и они пустили бы в ход револьверы и ножи.

– Отвечаю в тройном, – Гарвард-Уотсон!

– Отвечаю в двойном, – Дион-Бутон!

– Отвечаю в ординаре, – машина Братьев Рено!

По мере того как распространялись сообщения, полученные по телефону, такие крики стали раздаваться по всему шоссе.

Внезапно, когда часы на городской площади в Прейри-ду-Шин пробили половину десятого, за две мили от этого городка раздался ужасный шум: что-то катилось в густом облаке пыли, с ревом, похожим на вой морской сирены.

Хорошо, что любопытные успели посторониться, иначе могли быть раздавлены сотни людей. Облако пыли пронеслось, словно смерч, и зрители едва различили в нем машину, мчавшуюся с невероятной скоростью.

Можно утверждать, не преувеличивая, – она делала не меньше двухсот сорока километров в час!

Она исчезла в одно мгновение, подняв длинную полосу белой пыли, похожую на ленту пара, которая тянется за паровозом курьерского поезда.

Очевидно, это был автомобиль, приводимый в движение каким-то необыкновенным двигателем. Если в течение часа скорость его не уменьшится, то он догонит идущие впереди машины, он перегонит их, так как несется вдвое быстрее, и первым придет к финишу.

Хотя зрители, столпившиеся вдоль дороги, были вне всякой опасности, все начали кричать:

– Это та самая адская машина, о которой писали две недели тому назад!

– Да! Ее видели в Иллинойсе, в Огайо, в Мичигане, и полиция не могла ее остановить!

– К счастью, о ней давно ничего не было слышно!

– Все думали, что она погибла, разбилась, исчезла навсегда!

– Да! Это и есть та повозка дьявола... в ее топке бушует адское пламя, и управляет ею сам сатана!

Разумеется, это был не дьявол. Но кто же в самом деле таинственный шофер, ведущий с

такой устрашающей скоростью эту не менее таинственную машину?..

Одно во всяком случае не вызывало сомнения: автомобиль, промчавшийся только что по направлению к Мэдисону, был тот самый, который уже привлек общественное внимание и чьих следов не могли обнаружить полицейские агенты. Если полиция предполагала, что она больше никогда не услышит об этой машине, значит полиция ошиблась, – это случается и в Америке.

Когда ошеломленные зрители пришли в себя, те, кто был понаходчивей, бросились к телефону, чтобы предупредить расположенные впереди станции об опасности, угрожавшей участникам пробега: ведь сейчас на них, как ураган, может налететь эта несущаяся с сокрушительной скоростью машина, управляемая неведомым шофером. Они будут раздавлены, смяты, уничтожены, а он, наверное, выйдет из этой ужасной катастрофы целым и невредимым.

Впрочем, он так ловок, этот необыкновенный шофер, у него такой верный глаз, такая твердая рука, что он, конечно, сумеет избежать столкновения! Так, значит, распоряжение висконсинских властей о том, чтобы на шоссе не было никого, кроме участников международного пробега, все-таки оказалось нарушенным!

Вот что сообщили гонщики, предупрежденные по телефону и вынужденные прервать борьбу за главный приз Автомобильного клуба. По их словам, скорость этого диковинного автомобиля в тот момент, когда он обогнал их, была так велика, что они едва успели заметить форму машины, – нечто вроде веретена, кажется, не длиннее десяти метров. Колеса вертелись так стремительно, что спицы сливались в сплошной круг. И при этом машина не оставляла за собой ни пара, ни дыма, ни запаха.

Что же касается шофера, скрытого внутри автомобиля, то его невозможно было рассмотреть, и он остался таким же загадочным, как в то время, когда впервые пронесся по дорогам Соединенных Штатов.

В Милуоки дали знать по телефону о приближении непροщенного гостя. Легко себе представить, какое волнение вызвала такая новость. Прежде всего возникла мысль остановить этот «снаряд», устроить поперек дороги барьер, о который он разбился бы вдребезги. Но хватит ли на это времени? Автомобиль может показаться с минуты на минуту... Да и зачем? Ведь волею-неволей ему придется остановиться, поскольку дорога обрывается у озера Мичиган, и двигаться дальше машина сможет, разве только превратившись в моторную лодку.

Так думали собравшиеся близ Милуоки зрители, держась из предосторожности на почтительном расстоянии, чтобы не быть опрокинутыми приближавшимся смерчем.

Здесь, так же как в Прейри-ду-Шин и в Мэдисоне, стали строить самые невероятные гипотезы. Даже те, кто не хотел верить, что таинственный шофер это сам дьявол, готовы были признать в нем какое-то чудовище, вырвавшееся из фантастических бездн Апокалипсиса.

Любопытные ждали теперь появления необыкновенного автомобиля уже не с минуты на минуту, а каждую секунду!

Еще не было одиннадцати часов, когда послышался отдаленный гул и на дороге вихрем закружилась пыль. Пронзительные свистки раздирали воздух, требуя, чтобы народ посторонился на пути чудовища. Оно не замедлило ход... Но ведь до озера Мичиган оставалось только полмили, и загадочный автомобиль легко мог с разбега врезаться в воду!.. Неужели шофер потерял возможность управлять машиной?..

Скоро на этот счет не осталось никаких сомнений. С быстротой молнии автомобиль поровнялся с Милуоки. Вот он уже миновал город... Но куда же он исчез? Неужели погрузился в воды Мичигана?

Так или иначе, он скрылся за поворотом дороги, и через секунду от него не осталось и следа.

5. У ПОБЕРЕЖЬЯ НОВОЙ АНГЛИИ

Эти факты были опубликованы в американских газетах лишь спустя месяц после того, как я вернулся в Вашингтон.

Сразу по приезде я явился к моему начальнику, но не застал его: он был в отъезде по семейным делам и должен был приехать только через несколько недель. Я не сомневался в том, что мистер Уорд уже знает о неудаче моей экспедиции. Различные газеты Северной Каролины напечатали подробные отчеты о моем восхождении на Грейт-Эйри в обществе мэра Моргантона.

Легко понять, какое горькое разочарование почувствовал я после этой бесплодной попытки, не говоря уже о терзавшем меня неудовлетворенном любопытстве. Я не мог примириться с мыслью, что ничего не узнаю и в дальнейшем. Как! Неужели я так и не проникну в тайну Грейт-Эйри? Нет! Я разгадаю ее, хотя бы мне пришлось десять, двадцать раз возобновлять свою экспедицию, пусть даже с риском для жизни!

В сущности, для того чтобы открыть доступ в «Орлиное гнездо», совсем не нужно сверхчеловеческих усилий. Построить леса, довести их до гребня скалистой стены или пробить проход сквозь эту толстую стену, – тут нет ничего невозможного. Наши инженеры ежедневно справляются и с более трудными задачами. Но чтобы проникнуть в котловину Грейт-Эйри, нужно затратить большие суммы, быть может, непропорциональные ожидаемым результатам. Расходы должны исчисляться в несколько тысяч долларов, а в конце концов, что даст эта дорогостоящая работа? Ведь если в той части Голубых гор обнаружится вулкан, потушить его все равно не удастся, а если округу угрожает извержение, предотвратить его невозможно. Таким образом, вся эта затея ни к чему не приведет, разве только удовлетворит всеобщее любопытство.

Во всяком случае, как ни велик был мой интерес к этому делу и как мне ни хотелось попасть в котловину Грейт-Эйри, мои личные средства были слишком ничтожны, чтобы затевать подобное предприятие, и мне оставалось только повторять про себя:

«Вот чем стоило бы соблазниться кому-нибудь из наших американских миллиардеров!.. Вот дело, которым могли бы заняться Гульды, Асторы, Вандербилты, Рокфеллеры, Макеи, Пирпонт-Морганы!.. Да где там! Такие крупные предприниматели и не подумают об этом, у них совсем другое на уме.

Конечно, если бы за скалистой стеной скрывалась богатая золотая или серебряная жила, вот тогда бы они зашевелились... Но такое предположение было невероятно! Ведь Аппалачские горы не в Калифорнии, не на Клондайке, не в Австралии, не в Трансваале, – ни в одной из этих «счастливых» стран, куда стремятся золотоискатели!

Наконец, утром 15 июня, мистер Уорд принял меня в своем кабинете. Он уже знал о неудаче порученного мне следствия и тем не менее встретил меня приветливо.

– А, вот и бедняга Строк! – воскликнул он, увидев меня. – Как ему не повезло!

– В самом деле, не повезло, мистер Уорд! – ответил я. – С одинаковым успехом я мог бы по вашему поручению произвести расследование на поверхности Луны. Правда, мы встретились только с материальными препятствиями, но в тех условиях они были непреодолимы!

– Верю, Строк, охотно верю! Итак, вы не узнали, что творится в котловине Грейт-Эйри?..

– Нет, мистер Уорд.

– А при вас не появлялось пламя?

– Нет, не появлялось.

– И вы не слышали подозрительного шума?

– Ни малейшего.

– Так, может быть, там и нет вулкана.

– Вполне возможно, мистер Уорд, а если он даже существует, надо полагать, что он погружен в глубокий сон.

– Да, но, как знать, не проснется ли он в один прекрасный день! – возразил мистер Уорд. – Видите ли, Строк, недостаточно, чтобы вулкан опал, нужно, чтобы он потух! Если все, о чем рассказывают, не плод воображения жителей Каролины...

– Не думаю, мистер Уорд, – ответил я. – Мистер Смит, мэр Моргантона, и его приятель, мэр Плезент-гардена, вполне определенно утверждают, что все это правда. Над Грейт-Эйри появлялось пламя! Оттуда доносился необъяснимый шум! Реальность этих явлений неоспорима!

– Хорошо, – заявил мистер Уорд. – Допустим, что мэры и население не ошиблись! Но, как

бы то ни было, мы не разгадали загадки Грейт-Эйри.

– Если уж необходимо узнать ее, мистер Уорд, то нужно ассигновать на это известную сумму, произвести необходимые затраты, и тогда заступ и порох преодолют эти скалы.

– Так-то оно так, но это не к спеху, и лучше будет подождать, – ответил мистер Уорд. – В конце концов природа, быть может, сама выдаст нам свою тайну.

– Поверьте, мистер Уорд, я очень жалею о том, что мне не удалось выполнить поручение, которое вы мне доверили.

– Ничего! Не огорчайтесь, Строк, смотрите на свою неудачу философски! Нам часто не везет в нашем деле, и полицейские расследования не всегда кончаются успешно! Посмотрите, например, сколько уголовных преступников ускользает от нас. Скажу больше, нам не удалось бы арестовать ни одного, если бы они были умнее, и в особенности – осторожнее, если бы они не попадались так глупо! Они сами выдают себя своею болтовней! По-моему, нет ничего легче, как подготовить преступление, убийство или воровство и совершить его, не возбуждив подозрений. Вы, конечно, понимаете, Строк, не мое дело учить ловкости и осторожности господ преступников! А все-таки, повторяю, многих из них полиция так и не могла разыскать!

Я вполне разделял мнение своего начальника: больше всего глупцов встречается как раз среди злоумышленников.

Однако, должен признаться, меня удивляло то, что власти, муниципальные и другие, до сих пор не сумели пролить свет на события, происходившие недавно в некоторых штатах. И когда мистер Уорд в беседе со мной затронул эту тему, я не скрыл от него своего крайнего изумления.

Речь шла о неуловимом автомобиле, который в последнее время носился по дорогам, представляя большую-опасность для пешеходов, лошадей и экипажей. Читатель знает, с какой скоростью он мчался и как он побил все рекорды автомобильного спорта. Власти, предупрежденные в первый же день, отдали приказ привлечь к ответственности этого ужасного изобретателя и положить конец его опасным фантазиям. Он возникал неизвестно откуда, он появлялся и исчезал с быстротою молнии! За дело взялось множество расторопных агентов, но им не удалось нагнать нарушителя общественного порядка. А ведь еще недавно, между Прейри-ду-Шин и Милуоки, во время пробега, организованного Автомобильным клубом, он меньше чем за два часа покрыл расстояние в двести миль!.. И затем никаких известий о том, что случилось с этой машиной! Доехав до конца дороги, она не смогла остановиться на ходу и, увлекаемая силой инерции, должно быть, утонула в водах Мичигана... Неужели шофер погиб вместе со своим автомобилем и никто больше никогда его не увидит? Это было бы лучше всего, но публика отказывалась верить такой развязке, и все ожидали, что он снова появится, как ни в чем не бывало.

Понятно, что это происшествие казалось мистеру Уорду необычайным, и я разделял его мнение. Если дьявольский шофер больше не покажется, то его появление придется отнести к области тайн, проникнуть в которые не дано человеку.

Я уже думал, что наш разговор закончен, когда, пройдясь взад и вперед по своему кабинету, мой начальник сказал:

– Да! То, что произошло на дороге в Милуоки во время международного пробега, в высшей степени странно... Но вот это не менее удивительно!

И мистер Уорд подал мне донесение, только что присланное ему бостонской полицией: речь шла об одном факте, который газеты должны были опубликовать в тот же вечер.

Пока я читал, мистер Уорд вернулся к своему письменному столу, чтобы закончить письмо, начатое до моего прихода. Сидя у окна, я с величайшим вниманием познакомился с этим донесением.

Вот уже несколько дней в водах Новой Англии, в виду берегов Мэна, Коннектикута и Массачусетса наблюдалось одно явление, сущность которого никто не мог понять.

На расстоянии двух-трех миль от побережья, на поверхности воды внезапно появлялась движущаяся масса; она быстро маневрировала, затем удалялась и, скользя по воде, вскоре исчезала в открытом море.

Так как эта масса перемещалась с огромной скоростью, за ней трудно было уследить даже

Жюль Верн

в самую сильную подозрную трубу. Длина ее, вероятно, не превышала тридцати футов. Она имела форму веретена; ее зеленоватая окраска сливалась с цветом морской воды. Чаще всего ее наблюдали с того отрезка американского побережья, который простирается от мыса Северного, в штате Коннектикут, до мыса Сейбл, расположенного у крайней западной точки Новой Шотландии.

В Провиденсе, в Бостоне, в Портсмуте, в Портленде паровые катера неоднократно пытались приблизиться к этому движущемуся телу и даже поохотиться за ним. Но это им не удалось. Впрочем, вскоре все убедились, что преследовать его бесполезно. В несколько секунд оно исчезало из вида.

Разумеется, сложились самые различные предположения о том, что собой представляет этот предмет. Но ни одна из гипотез не была достаточно обоснована, и даже моряки, не говоря уже об остальных жителях, терялись в догадках.

Сначала матросы и рыбаки решили, что это какое-то млекопитающее из семейства китов. Как известно, эти животные через определенные промежутки времени ныряют и, пробыв несколько минут под водой, снова появляются на поверхности, выбрасывая сквозь водометные отверстия струю воды, смешанной с воздухом. Но животное, о котором шла речь (если только это было животное), никогда не ныряло, опасаясь от преследования, никогда не уходило под воду, и никто ни разу не слышал его мощного дыхания.

Итак, если оно не принадлежит к породе морских млекопитающих, то, быть может, это какое-то неведомое чудовище, поднявшееся из глубин океана, вроде тех, что встречаются в древних легендах?.. Не относится ли оно к разряду спрутов, драконов, левиафанов, знаменитых морских змей, нападение которых так опасно?

Во всяком случае, мелкие суда и рыбацьи шлюпки не осмеливались даже выходить в открытое море с тех пор, как это чудовище, каково бы оно ни было, стало появляться в водах Новой Англии.

Как только морякам сообщалось о его появлении, они торопились вернуться в ближайшую гавань. Этого несомненно требовала осторожность, и раз неведомое животное могло напасть на суда, – лучше было с ним не встречаться.

Что же касается парусных судов дальнего плавания и больших пароходов, то им нечего было бояться чудовища, будь то кит или что-либо другое. Правда, их матросы не раз замечали диковинное животное на расстоянии нескольких миль. Но как только суда пытались к нему приблизиться, оно удалялось с такой быстротой, что поровняться с ним было невозможно. Однажды из Бостонского порта вышел даже небольшой военный катер, который хотел если не догнать его, то по крайней мере послать ему вдогонку несколько снарядов. В одно мгновение животное оказалось вне пределов досягаемости, и попытка не удалась. Впрочем, до сих пор оно как будто не имело намерения нападать на рыбацьи шлюпки.

На этом месте я прервал чтение и обратился к мистеру Уорду:

– В сущности пока что чудовище никому не причинило вреда. Оно бежит от больших кораблей. Оно не нападает на мелкие суда. Жителям побережья нечего особенно волноваться.

– Но они все же волнуются, Строк, и свидетельством служит это донесение.

– Однако же, мистер Уорд, по-видимому, это животное не опасно. Впрочем, одно из двух: или оно уйдет из этих широт, или его рано или поздно поймут, и мы увидим его в музее в Вашингтоне.

– Ну, а если это не морское чудовище?.. – возразил мистер Уорд.

– А что же тогда это может быть? – спросил я, несколько удивленный вопросом.

– Читайте дальше! – сказал мистер Уорд.

Я продолжал читать, и вот что я узнал из второй части донесения, по которому уже прошелся красный карандаш моего начальника.

Вначале никто не сомневался в том, что это морское чудовище. Все думали, что если организовать усиленное преследование, то в конце концов удастся от него избавиться. Но вскоре общее мнение изменилось. Наиболее догадливые люди высказали предположение, что, быть мо-

Жюль Верн

жет, это было вовсе не животное, а какой-то мореходный аппарат, маневрировавший у берегов Новой Англии. Если так, то это была на редкость усовершенствованная машина. Возможно, что изобретатель, прежде чем открыть секрет своего изобретения, хотел привлечь к нему общественное внимание и даже нагнать страху на моряков. Столь необычная надежность управления, быстрота маневрирования, легкость, с которой машина ускользала от преследования, все это, конечно, не могло не возбудить любопытства!

К этому времени в деле усовершенствования судовых двигателей были уже достигнуты большие успехи. Скорость трансатлантических пароходов позволяла им за пять дней покрывать расстояние между Старым и Новым Светом. А ведь инженеры еще не сказали своего последнего слова.

Военный флот тоже не отставал. Крейсера, миноносцы, контрминоносцы могли соперничать с самыми быстроходными торговыми и пассажирскими пароходами Атлантического, Тихого и Индийского океанов.

Во всяком случае, если это и было судно нового типа, то пока еще никому не удалось его разглядеть. Его двигатель, конечно, намного превосходил своей мощностью самые усовершенствованные моторы. Определить же, паровой это двигатель или электрический, было невозможно. Парусов у судна не было,

– значит, ветер здесь не использовался, труба отсутствовала, – следовательно, это было не паровое судно.

Тут я еще раз прервал чтение и стал размышлять.

– О чем вы думаете, Строк? – спросил меня начальник.

– Вот о чем, мистер Уорд: я вспомнил о том фантастическом автомобиле, который так больше и не появлялся со времени гонок Автомобильного клуба. Ведь двигатель у этого самого судна такой же мощный и тоже никому неизвестен.

– А, вот до чего вы додумались, Строк!

– Ну да, мистер Уорд!..

И мы невольно пришли к следующему выводу: если таинственный шофер исчез, если он погиб вместе со своей машиной в водах Мичигана, нужно во что бы то ни стало завладеть тайной хотя бы этого, столь же загадочного, мореплавателя, прежде чем он унесет ее с собой в морскую пучину. Да разве не в интересах самого изобретателя обнародовать свое изобретение? Разве Америка или любая другая страна не заплатят ему за него столько, сколько он потребует?

К несчастью, изобретателю этого автомобиля всегда удавалось сохранить инкогнито, и можно было опасаться, что создатель мороккой машины тоже захочет остаться неизвестным. Допустим даже, что первый еще существует, – но ведь о нем больше ничего не слышно. А вдруг и со вторым произойдет то же самое? Испытав свой аппарат близ Бостона, Портсмута или Портленда, быть может, он тоже исчезнет, не оставив после себя никаких следов?

Это предположение подтверждалось тем, что со времени присылки донесения в Вашингтон, то есть вот уже в течение двадцати четырех часов, береговые семафоры больше не сигнализировали о появлении в море необыкновенной машины.

Добавлю, что она не появлялась и в других широтах. Правда, утверждать, что она исчезла окончательно, было бы по меньшей мере преждевременно.

Все же нужно отметить одно важное обстоятельство: мысль о том, что это кит, спрут, дракон, словом, морское животное, кажется, была теперь окончательно отброшена. В тот день различные газеты Соединенных Штатов, обсуждая это происшествие, решили, что существует какая-то мореходная машина, обладающая совершенно необычайными маневренностью и скоростью. Все предполагали, что она, вероятно, приводится в движение электрическим мотором, но никто не мог догадаться, от какого источника питается этот двигатель.

Однако пресса еще не обратила внимания публики на одно странное совпадение (в дальнейшем она не замедлила это сделать). Мистер Уорд указал мне на это совпадение как раз в тот момент, когда я и сам его заметил.

Действительно, ведь нашумевшее судно появилось только после исчезновения не менее

нашумевшего автомобиля. И обе эти машины обладали невероятной скоростью движения. Если они покажутся снова, одна на земле, другая на море, одинаковая угроза нависнет над судами, пешеходами, экипажами. И тогда, конечно, потребуются вмешательство полиции, которая должна будет тем или иным способом обеспечить общественную безопасность на суше и на море!

Вот что сказал мне мистер Уорд, и он был совершенно прав. Но как добиться этой безопасности?

Наконец, после довольно продолжительного разговора, я уже собрался уйти; но мистер Уорд остановил меня:

– Обратили ли вы внимание. Строч, на странное сходство в характере движения лодки и автомобиля?

– Конечно, мистер Уорд!

– А что, если существуют не две машины, а всего лишь одна?..

6. ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Расставшись с мистером Уордом, я вернулся к себе домой, на Лонг-стрит.

Здесь я мог спокойно предаваться размышлениям, никто не мешал мне, так как у меня нет ни жены, ни детей. В доме была только старушка, которая жила еще у моей матери, и вот уже пятнадцать лет служила у меня.

Два месяца тому назад я получил отпуск. До конца его остается еще две недели; правда, мне могут помешать какие-нибудь непредвиденные обстоятельства, какое-нибудь неотлагательное поручение. Читателю известно, что однажды мой отпуск уже был прерван на три дня, как раз из-за поездки на Грейт-Эйри.

Не дадут ли мне теперь поручение расследовать события, происшедшие на дороге в Милуоки и в море на широте Бостона? Посмотрим... Но как напасть на след пресловутого автомобиля и пресловутого судна? Несомненно, в интересах публики, в целях безопасности водных путей и дорог, расследование произвести необходимо. Но что же делать, раз эта машина или эти машины не показываются? А если даже они и появятся, как захватить их на ходу?

Дома, позавтракав, я закурил трубку и развернул газету. Признаться, политика и вечная борьба между республиканцами и демократами мало меня интересовали. Я сразу принялся за отдел происшествий.

Не удивительно, что прежде всего я посмотрел, нет ли каких-либо известий из Северной Каролины по поводу событий в Грейт-Эйри. Может быть, есть сообщения из Моргантона или Плезент-Гардена? Впрочем, мистер Смит твердо обещал держать меня в курсе дела. Он немедленно телеграфировал бы мне, если бы над «Орлиным гнездом» показалось пламя. Я думаю, мэр Моргантона не меньше меня жаждал проникнуть по ту сторону утесов, окружающих котловину, и с радостью повторил бы нашу попытку, если бы представился случай. Однако со времени моего отъезда я не получал никакой телеграммы.

Из газеты я не узнал ничего нового. Она выпала у меня из рук, и я, не обратив на это внимания, сидел, погруженный в раздумье...

Из головы у меня не выходила догадка мистера Уорда: а что если автомобиль и судно – нечто единое? Тогда вполне вероятно, что аппарат этот

– дело рук одного человека. И конечно, такая исключительная скорость, вдвое превосходящая последние рекорды, поставленные в морских и сухопутных соревнованиях, достигается двигателем одного и того же типа.

– Тот же изобретатель!.. – повторял я.

В самом деле, это предположение казалось вполне правдоподобным. Оно до известной степени подтверждалось и тем обстоятельством, что обе машины никогда не показывались одновременно.

«Сначала тайна Грейт-Эйри, теперь – тайна Бостонской бухты! – думал я.

– Неужели вторая будет так же непроницаема, как и первая? Неужели не удастся разгадать

ни ту, ни другую?»

Следует заметить, что это новое дело, поскольку оно угрожало общественной безопасности, получило значительную огласку. Если бы началось извержение вулкана или землетрясение, то пострадали бы только жители округа, прилегающего к Голубым горам. Но автомобиль мог внезапно показаться на любом шоссе Соединенных Штатов, судно могло появиться в любых широтах Америки, а вместе с их появлением возникла бы вполне реальная опасность для всех граждан.

Казалось, что в самую спокойную погоду вас угрожал поразить удар грома!

Каждый человек, выйдя из своего дома, рисковал быть внезапно настигнутым бешено мчавшейся машиной. Попробуйте-ка выйти на улицу, на дорогу, обстреливаемую снарядами! Вот так рассуждали тысячи газет, на которые с жадностью набрасывалась публика.

Нет ничего удивительного, что подобные сообщения сильно действовали на многих людей, и больше всех была встревожена моя старая служанка Грэд, очень легковверная, когда дело касалось каких-нибудь рассказней о сверхъестественных явлениях.

В этот день, убирая со стола после обеда, Грэд остановилась с графином в одной руке и с тарелкой в другой и, посмотрев на меня в упор, спросила:

– Ну что, сударь, ничего нет нового?

– Ничего, – ответил я, легко догадавшись, о чем она спрашивает.

– Автомобиль больше не появлялся?

– Нет, Грэд.

– А лодка?..

– И лодка тоже... Об этом ничего не говорится даже в самых осведомленных газетах!

– А у вас в полиции ничего не знают?

– Полиция знает не больше всех остальных...

– Тогда, сударь, скажите пожалуйста, зачем же она существует?

– Этот вопрос я и сам задавал себе во многих случаях.

– Вот так так! Значит, в один прекрасный день этот проклятый шофер вдруг появится в Вашингтоне, помчится по Лонг-стрит и, пожалуй, передавит всех прохожих...

– О, на этот раз, Грэд, есть надежда, что его остановят.

– Ну нет, сударь, это вам не удастся!

– А почему?

– Да потому, что шофер этот – сам дьявол, а дьявола остановить нельзя!

«Ну, конечно, – подумал я, – дьявол все стерпит; должно быть, он и выдуман только для того, чтобы помогать добрым людям объяснять необъяснимое! Это он зажег костер на Грейт-Эйри! Он побил рекорд скорости на большой дороге в штате Висконсин! Он курсирует в морских широтах Коннектикута и Массачусетса!»

По оставим в стороне вмешательство злого духа: ведь это не что иное, как измышление иных малоразвитых людей. Несомненно одно: какой-то человек располагает теперь одним или двумя аппаратами для передвижения, бесконечно превосходящими все самые усовершенствованные машины, которые когда-либо ходили по земле или по морю.

Но в таком случае возникает вопрос: почему он исчез?

Должно быть, он боится, что его в конце концов схватят и откроют секрет изобретения, который он, конечно, хочет сохранить? А быть может, пав жертвой несчастного случая, он уже унес свою тайну на тот свет? Такое заключение казалось всем наиболее вероятным. Но если он погиб в водах Мичигана или Новой Англии, как тогда разыскать его след?.. Неужели он промелькнул, как метеор, как комета, и через тысячу лет его приключения превратятся в легенду во вкусе добрых старушек Грэд тридцатого века?

В течение некоторого времени американские, а за ними и европейские газеты обсуждали это событие. Был напечатан целый ворох статей – одно ложное известие сменялось другим. Поток хлынули всевозможные толки. Публика Старого и Нового Света страшно интересовалась всем этим, что, впрочем, было вполне понятно. Кто знает, не позавидовали ли разные государ-

ства Европы тому, что изобретатель избрал полем действия для своих опытов именно Америку? Если он американец, то, быть может, столь гениальным изобретением он принесет большую пользу своей стране? Ведь обладание таким аппаратом – отдаст ли он его безвозмездно, из чувства патриотизма, или уступит за любую цену – обеспечило бы Соединенным Штатам неоспоримое превосходство над другими странами!

Наконец 10 июня газета «Нью-Йорк» впервые опубликовала по этому поводу громкую статью. Сравнивая скорость самых быстроходных крейсеров военного флота со скоростью нового мореходного аппарата, эта статья доказывала, что если бы Америка завладела секретом изобретения, ее суда благодаря такой скорости могли бы в три дня покрывать расстояние до Европы, тогда как европейским судам, чтобы достичь Америки требуется целых пять дней.

Если полиция сделала попытку выяснить природу явлений, имевших место на Грейт-Эйри, то она не в меньшей степени стремилась узнать что-нибудь об этом шофере, который больше не подавал признаков жизни.

Мистер Уорд охотно возвращался к этой теме. Вовсе не желая огорчить меня, мой начальник намекал иногда на неудачу моей поездки в Каролину, прекрасно, впрочем, понимая, что она произошла не по моей вине. Ведь если стены слишком высоки, то, очевидно, перебраться через них невозможно... разве что, пробив их насквозь... Это не мешало мистеру Уорду повторять мне иногда:

– Ну что ж, мой бедный Строк, вы потерпели неудачу, не так ли?

– Конечно, мистер Уорд, как и всякий другой потерпел бы ее на моем месте... Здесь вопрос в деньгах... Согласны вы на затраты?..

– Ничего, Строк, ничего, надеюсь, что нашему славному инспектору представится случай взять реванш!.. Вот, например, этот вопрос с автомобилем и судном... Как мы будем довольны и какая честь выпадет на вашу долю, если вам удастся пролить на него свет!

– Конечно, мистер Уорд, и если только мне прикажут взяться за это...

– Как знать, Строк? Подождем... подождем!

Так обстояло дело, когда 15 июня Грэд подала мне письмо, которое пришло с утренней почтой. Это было заказное письмо, и мне пришлось расписаться в его получении.

Я посмотрел на адрес. Почерк был незнакомый. На конверте стоял штемпель Моргантонского почтового отделения. Судя по дате, письмо было отправлено третьего дня.

Из Моргантона?.. Я не сомневался, что это письмо от мистера Элиаса Смита.

– Да, – сказал я своей старой служанке, – это мне пишет мистер Смит. Больше некому. Кроме него, у меня нет знакомых в Моргантоне. А раз уж он мне пишет, как мы договорились, значит ему нужно сообщить что-то важное.

– Из Моргантона?.. – повторила Грэд. – Не то ли это место, где черти зажигали свой адский огонь?

– Совершенно верно, Грэд.

– Надеюсь, сударь, вы больше туда не поедете?

– А почему бы и нет?..

– Потому что в конце концов вы останетесь в этом котле, на Грейт-Эйри, а я вовсе не хочу, чтобы вы, сударь, там остались!

– Успокойтесь, Грэд. Узнаем сначала, в чем дело.

Я сломал красные восковые печати на конверте, сделанном из очень толстой бумаги. Эти печати изображали нечто вроде щита, украшенного тремя звездами.

Я вытащил письмо из конверта. Это был листок бумаги, сложенный вчетверо и исписанный только с одной стороны.

Прежде всего я взглянул на подпись.

Но подписи не было; вместо нее под последней строчкой стояли две прописные буквы.

– Это не от мэра Моргантона, – проговорил я.

– А от кого же? – спросила Грэд (как всякая женщина, и притом еще старая, она была очень любопытна).

Разглядывая инициалы, стоявшие вместо подписи, я думал: «Ни в Моргантоне, да и нигде в другом месте я не знаю никого, к кому бы могли относиться эти инициалы».

В письме было всего строк двадцать, написанных энергичным почерком, с характерными толстыми и тонкими штрихами. К моему величайшему изумлению, оно было помечено таинственной Грейт-Эйри. Привожу текст этого письма, которое по вполне понятным причинам я тщательно сохранил.

«Грейт-Эйри, Голубые горы, Северная Каролина, 13 июня.

Мистеру Строку, главному инспектору полиции, Лонг-стрит, 34, Вашингтон.

Милостивый государь!

Вам было дано поручение проникнуть за утесы Грейт-Эйри.

28 апреля вы явились туда в сопровождении мэра Моргантона и двух проводников.

Вы поднялись до скалистой стены и обошли ее кругом, но она оказалась слишком высокой, и взобраться на нее вы не смогли.

Вы искали пролома, но не нашли его.

Знайτε же: вход в котловину запрещен; тот, кто войдет в нее, уже никогда оттуда не выйдет.

Не вздумайте повторить свою попытку: она не удастся во второй раз, как не удалась и в первый, и будет иметь для вас серьезные последствия.

Итак, воспользуйтесь предостережением, или вам несдобровать!

В.М.»

7. ТРЕТЬЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

Признаюсь, письмо так поразило меня, что, прочитав его, я не удержался и ахнул от изумления. Старая служанка смотрела на меня, не зная, что подумать.

– Вы получили дурные вести, сударь?

Я ничего не скрывал от Грэд и вместо ответа прочитал ей письмо от первой строки до последней.

Грэд слушала, глядя на меня с неподдельной тревогой.

– Наверное, это пишет какой-то мистификатор, – сказал я, пожимая плечами.

– А может быть, и сам дьявол; ведь письмо-то из этого дьявольского места! – добавила Грэд, всегда и во всем видевшая козни нечистой силы.

Оставшись один, я еще раз прочел неожиданное письмо, и после некоторого раздумья решил, что это дело рук какого-нибудь злого шутника. Иначе и быть не могло. Мои приключения получили широкую огласку. В газетах подробно описывалась наша поездка в Северную Каролину и попытка проникнуть в котловину Грейт-Эйри. Все знали, почему мы с мистером Смитом потерпели неудачу. И вот какой-то шутник, из тех, которые встречаются всюду, даже в Америке, взялся за перо и, чтобы посмеяться надо мной, написал мне это угрожающее послание.

В самом деле, если предположить, что пресловутое «Орлиное гнездо» служит притоном шайки преступников, которые, конечно, боятся, чтобы полиция не обнаружила их убежище, то ни один из них не допустил бы подобной неосторожности и не открыл бы своего местопребывания. Ведь они заинтересованы в том, чтобы никто не знал, где они скрываются. Такое письмо послужило бы поводом для полицейских агентов продолжать расследования в этой части Голубых гор. Если бы дело шло о том, чтобы арестовать шайку подозрительных лиц, до них уж сумели бы добраться!.. Скалистую стену взорвали бы мелинитом или динамитом... Но как сами эти злоумышленники могли попасть в котловину? Возможно, впрочем, что там есть проход, которого нам не удалось обнаружить... Как бы то ни было, даже если это предположение справедливо, ни один из них никогда не совершил бы такой неосторожности – не прислал бы мне этого письма.

Итак, оставалось только одно объяснение: письмо было написано каким-то мистификатором или сумасшедшим, и я решил, что вся эта история не стоит того, чтобы беспокоиться или

даже просто думать о ней.

У меня было мелькнула мысль рассказать обо всем мистеру Уорду, но потом я раздумал. Он, конечно, не придаст этому письму никакого значения. Однако я не уничтожил его и на всякий случай положил в свой письменный стол. Если поступят еще послания в таком же роде и с теми же инициалами, я спрячу их вместе с первым и тоже не буду принимать всерьез.

Прошло несколько дней. Я, как обычно, ходил в департамент полиции. Мне нужно было закончить несколько отчетов, и я был далек от мысли, что скоро мне придется уехать из Вашингтона. Впрочем, в нашей профессии никогда нельзя быть уверенным в завтрашнем дне... Всегда может подвернуться какое-нибудь дело, из-за которого вам придется ездить по Соединенным Штатам от Орегона до Флориды и от Мэна до Техаса!..

И я часто думал о том, что, если мне дадут новое поручение и меня постигнет такая же неудача, как в деле Грейт-Эйри, мне останется только одно; подать в отставку и бросить службу!

Что же касается истории с шофером или с шоферами, то о ней ничего больше не было слышно. Я знал, что правительство приказало наблюдать за дорогами, реками, озерами и всеми водными путями Америки. Но как осуществить наблюдение в огромной стране, простирающейся от шестидесятого до сто двадцать пятого меридиана и от тридцатого до сорок пятого градуса широты! С одной стороны – Атлантический океан, с другой – Тихий; обширный Мексиканский залив, омывающий южные берега, – разве не представляет все это громадных просторов для действий неувливаемого судна?

Но, повторяю, никто больше не видел ни автомобиля, ни судна, а ведь известно, что изобретатель обоих аппаратов в последнее время вовсе не искал уединенных мест, а появлялся на шоссе в Висконсине во время гонок и в прибрежных водах близ Бостона, где беспрестанно снуют тысячи судов.

Значит, если изобретатель не погиб, что вполне допустимо, то он находится теперь за пределами Америки (быть может, в морях Старого Света) или скрывается в каком-нибудь ему одному известном убежище, и если случай не...

«Да! – думал я иной раз, – если ему нужно убежище, столь же неведомое, как и недоступное, то вершина Грейт-Эйри подошла бы этому фантастическому существу как нельзя лучше. Правда, лодке туда не попасть, и автомобилю тоже. Только хищные птицы – орлы или кондоры – могут искать там приют!»

Кстати, со времени моего возвращения в Вашингтон в том округе все было спокойно: пламя больше не появлялось. Мистер Элиас Смит ничего не писал мне по этому поводу, и я с полным основанием мог считать, что там не происходит ничего необычного. Все позволяло думать, что оба события, вызвавшие повсюду такое страстное любопытство и тревогу, скоро будут окончательно преданы забвению.

Девятнадцатого июня, выйдя из дому, чтобы отправиться на службу, я заметил двух человек, которые смотрели на меня как-то особенно пристально. Так как они не были мне знакомы, я не обратил на это внимания и не вспомнил бы об этих людях, если бы старая Грэд не заговорила со мной о них, когда я вернулся домой.

Оказывается, уже несколько дней тому назад моя старая служанка заметила, что два незнакомца как будто поджидают меня на улице. Они ходят взад и вперед перед моим домом и даже следуют за мной, когда я иду по Лонг-стрит, направляясь в департамент полиции.

– Вы в этом уверены? – спросил я.

– Да, сударь, еще вчера, когда вы возвращались, эти люди шли за вами по пятам и исчезли, как только вы закрыли за собой дверь!

– Послушайте, Грэд, а вы не ошибаетесь?

– Нет, сударь.

– Если бы вы встретили этих людей, узнали бы вы их?

– Узнала бы.

– Ну, Грэд, – возразил я смеясь, – я вижу, у вас нюх настоящего полисмена! Придется записать вас в полицейскую бригаду.

Жюль Верн

– Смейтесь, сударь, смейтесь! У меня еще пока хорошие глаза, и я могу без очков узнавать людей. Завами шпионят, уж это верно, и вы хорошо сделаете, если направите по следам этих шпионов нескольких агентов!

– Обещаю вам это, Грэд, – ответил я, чтобы успокоить старушку. – Я пошлю кого-нибудь из моих сыщиков и сразу узнаю, что это за подозрительные личности.

В действительности я не принял это сообщение всерьез, но все же добавил:

– Теперь, выходя на улицу, я буду внимательно наблюдать за прохожими.

– Осторожность не мешает, сударь!

Впрочем, не много было нужно, чтобы встревожить Грэд, потому-то я и не придавал значения ее словам.

– Если, сударь, я их увижу еще раз, – продолжала она, – я вас предупрежу до того, как вы выйдете из дому.

– Отлично!

И я прервал разговор, предвидя, что если мы будем продолжать его, Грэд станет меня уверять, будто за мной шпионит сам Вельзевул с одним из своих помощников.

В течение двух следующих дней, выходя на улицу и возвращаясь домой, я убедился, что никто за мной не следит, и решил, что Грэд ошиблась.

Однако утром 22 июня, поднявшись по лестнице так быстро, как только позволял ее возраст, Грэд распахнула дверь моей комнаты и, запыхавшись, проговорила:

– Сударь... сударь...

– Что случилось, Грэд?

– Они здесь.

– Кто? – спросил я, думая о другом, а совсем не о тех странных людях, которые будто бы следили за мной.

– Шпионы...

– Ах, опять эти знаменитые шпионы!

– Они самые... на улице... против ваших окон... Наблюдает за домом, ждут, когда вы выйдете!

Я подошел к окну и, незаметно приподняв занавеску, так, чтобы никого не спугнуть, увидел на тротуаре двух незнакомцев.

Да, их было двое; оба среднего роста, крепкие, широкоплечие, лет тридцати пяти – сорока. Одеты они были как деревенские жители: на голове широкополая войлочная шляпа, штаны из плотной шерстяной материи, сапоги на толстой подошве, в руке палка.

Без сомнения, они упорно рассматривали дверь и окна моей квартиры. Время от времени, перекинувшись несколькими словами, они прохаживались взад и вперед и затем снова возвращались на свой наблюдательный пост.

– Вы уверены, Грэд, – спросил я, – что это те самые субъекты, которых вы заметили раньше?

– Те самые, сударь!

Теперь уж не приходилось сомневаться в том, что моя старая служанка была права, и я решил выяснить, в чем тут дело. Но я не собирался сам следить за этими людьми, – они сразу узнали бы меня, – да и зачем стал бы я обращаться прямо к ним? Сегодня же я поставлю возле своего дома агента, и если они опять появятся вечером или завтра утром, за ними проследят, пойдут за ними всюду, куда им вздумается пойти, и в конце концов их личность будет установлена.

Но зачем они меня ждут? Не собираются ли идти за мной до департамента полиции? Что ж, если они это сделают, может быть представится случай оказать им такое гостеприимство, за которое они нас не поблагодарят.

Я взял шляпу и, пока Грэд караулила у окна, спустился по лестнице, открыл дверь и вышел на улицу.

Незнакомцев уже не было.

Однако их внешность прочно запечатлелась у меня в памяти.

Сколько я ни смотрел, я нигде не мог их обнаружить.

С этого дня ни я, ни Грэд уже не видели этих людей перед домом, и я больше не встречал их на лестнице.

В конце концов даже если допустить, что объектом их слежки был именно я, то, возможно, теперь, увидев меня собственными глазами, они узнали обо мне все, что им хотелось. Мало-помалу я перестал придавать значение этому происшествию и думал о нем не больше, чем о письме с инициалами «В.М.».

Однако новые и действительно необыкновенные события вскоре возбудили всеобщее любопытство.

Мы уже говорили, что явления на Грейт-Эйри больше не повторялись, и газеты перестали о них упоминать. Точно так же они обходили молчанием и автомобиль и судно, чьих следов не могли отыскать наши лучшие агенты. Наверное, все эти события были бы преданы забвению, если бы о них не напомнили новые происшествия.

Двадцать четвертого июня тысячи читателей могли познакомиться со статьей, опубликованной в «Вечерней звезде» и на следующий день перепечатанной всеми газетами Соединенных Штатов:

«Озеро Кирдол, находящееся в Канзасе, в восьмидесяти милях к западу от Топики, столицы этого штата, не пользуется большой известностью. Однако это озеро представляет интерес, и, конечно, о нем скоро заговорят, потому что благодаря совершенно особым обстоятельствам к нему теперь привлечено всеобщее внимание.

Это озеро, окруженное со всех сторон горами, как видно, совсем не связано с гидрографической сетью штата. Вода, испаряющаяся с его поверхности, полностью возмещается дождями, которые обильно выпадают в этой части Канзаса.

Площадь озера Кирдол равна семидесяти пяти квадратным милям, а уровень его, по видимому, несколько выше уровня моря. Со всех сторон оно окружено горами, и подойти к нему нелегко, – дорога проходит по узким ущельям. Однако по берегам его кое-где разбросаны деревушки. Рыба в озере водится в изобилии, и его поверхность всегда покрыта множеством рыбацких лодок.

Добавим, что глубина озера не везде одинакова. У берегов она не меньше пятидесяти футов. По краям этого обширного бассейна поднимаются почти отвесные скалы. Волны, гонимые ветром, порой с бешенством бьются о них и, подобно грозовому ливню, обдают прибрежные дюмки мириадами брызг. Глубина, значительная даже у берегов, к середине еще увеличивается; в некоторых местах измерения логом показали до трехсот футов.

Вода в озере прозрачная и пресная. Конечно, в нем нет морской рыбы, но щуки, окуни, форели, карпы, пескари, угри водятся там в громадном количестве и достигают необыкновенных размеров.

Понятно, что рыбная ловля в Кирдоле процветает, так как это очень выгодное занятие. Там насчитывается не одна тысяча рыбаков и сотни рыбацких судов. К этой флотилии нужно прибавить еще штук двадцать небольших парусных шхун и паровых катеров, которые регулярно ходят по озеру и поддерживают связь между различными селениями. За горной цепью действует целая сеть железных дорог, – по ним продукция этого промысла вывозится в Канзас и в соседние штаты.

Это описание Кирдола необходимо для понимания фактов, которые будут изложены ниже».

И вот что сообщала далее «Вечерняя звезда» в этой сенсационной статье:

«С некоторых пор рыбаки заметили, что на озере происходит какое-то необъяснимое волнение. Временами поверхность воды вздымается, как бы под напором подводной волны. Даже в тихую погоду, при полном безветрии, вода в этом месте кипит и пенится. Рыбачьи суда одновременно подвергаются килевой и бортовой качке и не могут держаться правильного направления. Они сталкиваются друг с другом, чуть ли не переворачиваются и в результате терпят серьезные аварии.

Установлено, что описанное волнение идет из глубинных слоев Кирдола, и причину его пытались объяснить по-разному.

Во-первых, возникал вопрос, не связано ли это волнение с сейсмическими толчками, изменяющими профиль дна озера под действием вулканических сил. Но такую гипотезу пришлось отбросить, когда выяснилось, что возмущения эти происходят не в одном определенном месте, а распространяются по всей поверхности Кирдола и наблюдаются на востоке и на западе, на севере и на юге, в середине и у берегов, последовательно, можно даже сказать регулярно, что исключает всякую мысль о землетрясении или каком-либо ином явлении вулканического порядка.

Тогда возникла другая гипотеза. Не появилось ли в озере какое-нибудь морское чудовище и не его ли присутствием объясняются эти сильные возмущения в водах Кирдола?.. Но если упомянутое чудовище не родилось в самом озере, не выросло в нем до гигантских размеров, что допустить трудно, приходится предположить, что оно каким-то образом проникло туда извне. Однако Кирдол не сообщается ни с какими другими водными бассейнами. Что же касается существования подземных каналов, питаемых реками Канзаса, то это объяснение не выдерживает серьезной критики. Если бы еще этот штат находился близ побережья Атлантического или Тихого океана, или же Мексиканского залива!.. Но нет! Канзас расположен в центре страны, на большом расстоянии от американских морей.

Словом, разрешить этот вопрос не так-то просто. Гораздо легче опровергнуть явно неверные гипотезы, чем открыть истинную причину явления.

Однако, если доказано, что присутствие чудовища в Кирдоле невозможно, не правильнее ли будет предположить, что в глубине озера курсирует подводная лодка? Ведь в наше время существует много судов подобного рода! Так, например, в Бриджпорте, в штате Коннектикут, несколько лет тому назад появился аппарат под названием «Протектор», который мог плавать и на воде и под водой, а также передвигаться по земле. Построенная изобретателем по фамилии Лейк, эта машина имела два двигателя: один электрический, мощностью в семьдесят пять лошадиных сил, с двумя спаренными винтами, и второй, работающий на керосине, в двести пятьдесят лошадиных сил; кроме того, она была снабжена чугунными колесами диаметром в один метр, позволявшими ей передвигаться как по дорогам, так и по морскому дну.

Все это так; но если допустить, что причиной замеченного волнения была подводная лодка системы Лейка, пусть даже доведенная до самой высокой степени совершенства, все же остается неясным вопрос: как она могла попасть в озеро Кирдол, по какому подземному ходу она туда проникла? Повторяем, озеро это, со всех сторон окруженное горами, столь же недоступно для подводной лодки, как и для морского чудовища.

Такое возражение оспаривать трудно. И все-таки единственная приемлемая гипотеза состоит в том, что подобный аппарат, который, кстати сказать, еще ни разу не появлялся на поверхности, курсирует в водах Кирдола.

Впрочем, после того, что произошло 20 июня, сомневаться в этом больше не приходится.

В тот день шхуна «Маркель», шедшая на всех парусах в северо-западном направлении, вдруг наскочила на какое-то плившее под водой тело. А между тем в этом месте нет подводных рифов, и измерения лотом показывают там глубину от восьмидесяти до девяноста футов.

Шхуне, получившей удар в левый борт, грозила опасность за несколько минут наполниться водой и пойти ко дну. Впрочем, пробоину удалось заделать, и судно подошло к ближайшей пристани, в трех милях от места происшествия.

Когда после разгрузки шхуну «Маркель» вытащили на берег, повреждение осмотрели как снаружи, так и изнутри. Оказалось, что оно произошло от удара тараном в корпус.

Описанный случай окончательно подтверждает тот факт, что в глубинах Кирдола с необычайной скоростью движется подводная лодка.

Но тут возникает новый вопрос: допустим, что аппарат такого рода каким-то образом попал в озеро; но с какой же целью он проник туда? Разве Кирдол подходящее место для подобных опытов? Далее, почему этот аппарат никогда не выходит на поверхность, какие у него причины скрываться?»

Статья «Вечерней звезды» заканчивалась следующим, действительно странным, сопоставлением:

«Сначала таинственный автомобиль, затем таинственное судно.

После таинственного судна – таинственная подводная лодка.

Не значит ли это, что все три машины – творение одного и того же изобретателя и что существует не три аппарата, а всего лишь один?»

8. ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Эта статья была как гром среди ясного неба и произвела грандиозное впечатление. Все единодушно согласилось с «Вечерней звездой». Так как люди вообще склонны верить во все необычное, часто даже немислимое, то теперь ни у кого не осталось сомнений. Да, все три машины созданы одним и тем же изобретателем, и, более того, существует не три аппарата, а только один.

Однако как может практически осуществиться превращение автомобиля в судно, а затем в подводную лодку? Как может одна и та же машина ходить по земле, по воде и под водой? Отчего бы ей тогда не летать по воздуху!

Во всяком случае, даже если верить только тому, что уже было известно и установлено, если считаться только с фактами, неопровержимо подтвержденными показаниями многочисленных свидетелей, то и тогда все это могло показаться совершенно необычайным. Не удивительно, что публика, которой уже наскучили толки о прежних событиях, с удвоенным рвением накинулась на новые сообщения.

Прежде всего газеты справедливо заметили следующее: если действительно существуют три различных аппарата, то по всему видно, что они приводятся в движение мотором, значительно более мощным, чем все известные до сих пор двигатели. Этот мотор уже представил неоспоримое доказательство своей мощности, выдержал испытание, и с каким успехом! Ведь машина развивала скорость до полутора миль в минуту!

Ясно, что следует за любую цену купить у изобретателя этот его двигатель! Применяется ли он к трем обособленным машинам, или к одной и той же, способной двигаться в столь различных условиях, – это не играет роли. Необходимо приобрести мотор, дающий такие замечательные результаты, получить его в полную собственность.

Разумеется, другие государства тоже не посчитаются ни с чем, чтобы завладеть столь ценной как для армии, так и для флота машиной. Ведь ясно, какие преимущества на суше и на море получила бы нация, имеющая ее в своем распоряжении! Как бороться с разрушительной силой машины, которую невозможно догнать? Нужно приобрести ее, не жалея миллионов, и для Америки это было бы лучшим применением ее богатств.

Так рассуждали и в официальных кругах и среди широкой публики. В газетах непрерывно печатались статьи по этому животрепещущему вопросу. И, конечно, Европа не отставала здесь от Соединенных Штатов.

Но чтобы купить изобретение, необходимо прежде всего разыскать изобретателя, а в этом-то и заключалась главная трудность.

Напрасно обшарили лотом все озеро Кирдол вдоль и поперек! Очевидно, подводная лодка уже не курсировала в его глубинах. В таком случае как же она вышла из озера? И каким путем она туда проникла? Неразрешимый вопрос!.. Больше она нигде не показывалась; автомобиль тоже перестал появляться на дорогах Соединенных Штатов; исчезло и судно, замеченное в американских водах!

Когда я бывал у мистера Уорда, мы несколько раз беседовали об этом деле, которое, по-прежнему очень его занимало. Стоило ли агентам продолжать поиски, если до сих пор они не дали никаких результатов?

И вот утром 27 июня меня вызвали в департамент полиции. Едва я вошел в кабинет, как мистер Уорд обратился ко мне со словами:

– Ну, Строк, вам представляется прекрасный случай взять реванш за свою неудачу!..

– Неудачу с Грейт-Эйри?

– Вот именно.

– Какой же случай?.. – спросил я, еще сомневаясь, не шутит ли мой начальник.

– Вот что, – сказал он, – не хотите ли вы заняться поисками изобретателя этой машины тройного действия?

– Конечно, хочу, мистер Уорд, – ответил я. – Только прикажите начать, и я сделаю все возможное, чтобы добиться успеха! Правда, это, пожалуй, будет нелегко...

– Разумеется, Строк, и, может быть, даже труднее, чем проникнуть в котловину Грейт-Эйри!

Мистер Уорд, конечно, снова подшучивал надо мной по поводу моей последней поездки. Однако он делал это добродушно и скорее с намерением подзадорить меня. Впрочем, он знал меня и был уверен в том, что я отдал бы все на свете за возможность повторить неудавшуюся попытку. Я с нетерпением ждал новых указаний.

Мистер Уорд продолжал дружеским тоном:

– Я знаю, Строк, вы сделали все, что от вас зависело, и мне не в чем вас упрекнуть. Но теперь речь идет уже не о Грейт-Эйри. Если правительство действительно захочет, чтобы наши люди проникли в котловину, пусть только не пожалеет на это средств, пусть затратит несколько тысяч долларов, и тогда все будет в порядке.

– Я тоже так думаю.

– Однако, – добавил мистер Уорд, – по-моему, важнее было бы поймать фантастического изобретателя, который беспрестанно от нас ускользает. Это уж дело полиции, и хорошей полиции!

– В донесениях о нем больше ничего не говорится?

– Нет, и хотя есть все основания верить тому, что он курсировал под водами Кирдола, снова напасть на его след не удалось. Уж не обладает ли он способностью становиться невидимкой, этот механик-Протей!

– Ну, если даже он и не владеет таким даром, то, по-видимому, он показывается только тогда, когда считает это удобным, – возразил я.

– Совершенно верно, Строк, и, по-моему, есть лишь одно средство покончить с этим чудачком: надо предложить ему такую цену за его машину, чтобы он не мог отказаться ее продать!

Мистер Уорд был прав. Именно с этой целью правительство и собиралось вступить в переговоры с «героем дня». И, кажется, никогда еще ни одно человеческое существо не имело большего права на подобный эпитет! С помощью прессы можно будет сообщить этому необыкновенному изобретателю, чего от него хотят. Он узнает об исключительном вознаграждении, которое ему предлагают за открытие этой тайны.

– В самом деле, как сможет он использовать свое изобретение для себя лично? – сказал мистер Уорд. – Разве он не заинтересован в том, чтобы получить от него какую-то выгоду? Ведь нет никаких оснований думать, что этот незнакомец – преступник и что при помощи своей машины он спасается от преследования!

Однако, по словам моего начальника, в высших сферах решено было действовать и другими средствами. Множество агентов вели наблюдение за дорогами, реками, протоками, озерами и прибрежной полосой океана, но это не дало никаких результатов. Если только изобретатель не погиб вместе со своей машиной во время какого-нибудь опасного испытания, что в конце концов вполне возможно, значит, он не хочет показываться. Со времени случая со шхуной «Маркель» на озере Кирдол в департамент полиции больше не поступало никаких донесений, и дело не подвинулось ни на шаг. Об этом говорил мне мистер Уорд, не скрывая своего разочарования.

Да, мы испытывали разочарование и досаду. Обеспечивать общественную безопасность становилось все труднее и труднее. Попробуйте-ка преследовать злоумышленников, если они станут неуловимыми на суше и на море!.. Попробуйте преследовать их под водой!.. А когда дирижабли достигнут высшей степени совершенства, попробуйте преследовать преступников в

Жюль Верн

воздухе! И в конце концов я начал думать, что придет день, когда я и мои коллеги окажемся совершенно бессильными и всем полицейским чиновникам придется подать в отставку, так как они не будут приносить никакой пользы.

Тут я вспомнил о письме, полученном мною дней десять тому назад, об этом письме, написанном на Грейт-Эйри и угрожавшем моей свободе и даже жизни, если бы я повторил свою попытку. С тех пор я не получал подобных писем. Мне вспомнилось также, как за мной шпионили два незнакомца. Больше я нигде не встречал их. Бдительная Грэд, которая всегда была начеку, тоже в последнее время не видела их перед домом.

Может быть, стоило рассказать обо всем этом мистеру Уорду? Но ведь, собственно говоря, дело Грейт-Эйри уже не представляло интереса. Даже воспоминания о нем изгладились, с той поры как на первый план выдвинулось «другое». Вероятно, жители того округа перестали думать о напугавших их явлениях: теперь все было тихо и ничто не мешало им заниматься повседневными делами.

Я решил, что скажу своему начальнику о письме только в том случае, если в дальнейшем это окажется необходимым. К тому же он, наверное, подумал бы, что это выходка какого-нибудь шутника.

Между тем мистер Уорд продолжал прерванный на несколько минут разговор:

– Мы попытаемся связаться с этим изобретателем и договориться с ним. К сожалению, сейчас он исчез, но вполне возможно, что на днях он снова будет обнаружен и нам сообщат о его появлении где-нибудь на американской территории... Мы выбрали вас. Строк, и вы должны быть готовы отправиться по первому зову, не теряя ни минуты. Не отлучайтесь из дому никуда, кроме департамента полиции, где вы получите последние инструкции в случае надобности.

– Я к вашим услугам, мистер Уорд, – ответил я, – и по первому приказанию буду готов выехать из Вашингтона куда угодно. Но позволю себе задать вам один вопрос: должен ли я действовать один или целесообразнее будет дать мне помощников?

– Разумеется, – прервал меня мистер Уорд. – Выберите двух агентов, которым вы вполне доверяете.

– Это нетрудно, мистер Уорд. Ну, а что я должен делать, если рано или поздно окажусь лицом к лицу с этим человеком?

– Прежде всего не упускайте его больше из виду, а в случае надобности даже задержите его, – у вас будет ордер на арест...

– Полезная предосторожность, мистер Уорд! А если он вскочит в свой автомобиль и умчится! Попробуйте-ка поймать молодчика, который отмахивает по двести сорок километров в час!

– Вот почему и не нужно допускать, чтобы он мог умчаться, Строк, а как только вы его арестуете, немедленно телеграфируйте мне. Остальное уж наше дело.

– Положитесь на меня, мистер Уорд. Я буду готов выехать со своими агентами во всякое время дня и ночи. Благодарю вас за то, что вы доверили мне это дело: в случае удачи оно принесет мне большую славу.

– И большую выгоду, – добавил мой начальник, прощаясь со мной.

Вернувшись домой, я вместе с Грэд занялся приготовлениями к поездке, которая могла занять не мало времени. Быть может, славная старушка вообразила, что я опять собираюсь на Грейт-Эйри, а мы ведь знаем ее мнение об этом преддверии ада. Однако она ничего мне не сказала, а я предпочел не посвящать ее в свои дела, хотя и был уверен, что она не проболтается.

Что же касается агентов, которые должны были сопровождать меня, то я уже заранее выбрал их. Оба состояли в осведомительной бригаде; одному было тридцать, другому тридцать два года; они уже много раз действовали под моим начальством и при различных обстоятельствах доказали свою выносливость, сообразительность и смелость. Первый был Джон Харт из Иллинойса, второй – Нэб Уокер из Массачусетса. Я не мог сделать более удачного выбора.

Прошло несколько дней. Никаких известий ни об автомобиле, ни о судне, ни о подводной лодке. Правда, в департамент полиции поступили какие-то сведения, но их признали ложными, и

они были оставлены без внимания. Что до газет, то их рассказы ничего не стоили; да это и не удивительно, – ведь даже самые осведомленные газеты часто публикуют непроверенные сообщения.

Однако в двух случаях не могло быть сомнения, что «герой дня» действительно появлялся снова, – сначала на дорогах Арканзаса в окрестностях Литл-Рока, затем в южной части Верхнего озера.

Но вот что было совершенно необъяснимо: в первый раз его видели после полудня 26 июня, второй – вечером того же дня. Расстояние между этими двумя пунктами не меньше восьмисот миль. Если, принимая во внимание его невероятную скорость, автомобиль и мог покрыть это расстояние в такое короткое время, то его должны были заметить, когда он пересекал Арканзас, Миссури, Айову и Висконсин. Ведь шофер мог совершить это путешествие только по земле, а между тем никто не видел, как он проезжал.

Это было уж совсем загадочно, и действительно никто ничего не понимал.

Впрочем, после появления машины на дороге в Литл-Рок и у берегов Верхнего озера она больше не показывалась. Поэтому мне и моим помощникам все еще приходилось ждать.

Как известно, правительство намеревалось вступить в переговоры с этим таинственным изобретателем. Но от мысли арестовать его следовало отказаться: надо было добиваться цели другими средствами. Публику особенно волновал такой вопрос: станут ли Соединенные Штаты единственным владельцем аппарата, который обеспечил бы им неоспоримое превосходство над другими странами, главным образом в случае войны. Так как изобретатель показывался только на американской территории, можно было думать, что он американец и, вероятно, предпочтет договориться с Америкой.

Третьего июля все газеты Соединенных Штатов опубликовали следующее объявление, составленное в самой официальной форме:

«В течение апреля текущего года по дорогам Пенсильвании, Кентукки, Огайо, Тенесси, Миссури, Иллинойса разъезжал автомобиль. Этот автомобиль появлялся также 27 мая во время соревнований Автомобильного клуба и затем исчез.

В первых числах июня в водах Новой Англии, между мысами Северным и Сейбл, чаще всего на широте Бостона, курсировало судно, которое двигалось с большой скоростью, и затем исчезло.

Во второй половине того же месяца в глубине озера Кирдол, в штате Канзас, маневрировала подводная лодка; вскоре она исчезла.

Есть все основания предполагать, что эти машины построены одним и тем же изобретателем, и даже, что это один и тот же аппарат, способный передвигаться и по суше, и по воде, и под водой.

Кто бы ни был этот изобретатель, ему предлагают продать его машину.

Его просят назвать себя, назначить цену, за которую он согласился бы открыть свое изобретение американскому правительству, и как можно скорее послать ответ в Вашингтонский департамент полиции, округ Колумбия, Соединенные Штаты Америки».

Таково было объявление, напечатанное в газетах крупным шрифтом. Разумеется, оно не могло не попасть на глаза заинтересованному лицу, где бы это лицо ни находилось. Изобретатель прочтет объявление и несомненно откликнется так или иначе, – а впрочем, почему бы ему и не согласиться на такое предложение?

Теперь оставалось только ждать ответа.

Легко вообразить, какое волнение охватило публику! С утра до вечера любопытная и шумная толпа теснилась перед департаментом полиции, поджидая прибытия письма или телеграммы. Репортеры дежурили непрерывно. Какая честь, какая выгода для газеты, которая прежде других опубликует потрясающую новость! Наконец-то все узнают, кто такой этот неуловимый незнакомец, узнают, согласен ли он вступить в переговоры с федеральным правительством! Уж, конечно, Америка не постоит за ценой. У нее хватит миллионов, а если понадобится, миллионеры широко распахнут свои неистощимые сейфы!

Прошли сутки. Скольким нервным и нетерпеливым людям эти сутки показались длиннее двадцати четырех часов, а каждый час длиннее шестидесяти минут!

Никакого ответа. Ни письма, ни телеграммы. В течение ночи – ничего нового. И так продолжалось трое суток.

Тогда произошло то, что можно было предвидеть. Европа узнала по телеграфу о предложениях Америки. Многие государства Старого Света тоже пожелали извлечь выгоду из нового изобретения. Почему бы не попытаться перехватить у Соединенных Штатов аппарат, обладание которым дает такие важные преимущества? Почему не броситься в эту битву миллионов?

И действительно, все великие державы – Франция, Англия, Россия, Италия, Австрия, Германия – вступили в эту борьбу. Одни лишь второстепенные государства, боясь расстроить свой бюджет, не рискнули принять в ней участие. Европейская пресса напечатала такие же объявления, какие были опубликованы в Соединенных Штатах. И, право, теперь необыкновенному «шоферу» ничего не стоило стать соперником Гульдов, Морганов, Асторов, Вандербилтов и Ротшильдов Франции, Англии или Австрии!

Но так как этот человек не подавал признаков жизни, то, чтобы побудить его рассеять тайну, которой он себя окружил, ему стали делать вполне определенные предложения. Весь мир превратился в огромный рынок, во всеобщую биржу, в небывалый аукцион. Дважды в день в газетах печатались цифры, предлагаемые суммы непрерывно росли, миллионы нагромождались на миллионы.

В конце концов, после памятного заседания конгресса, Соединенные Штаты ассигновали на покупку изобретения двадцать миллионов долларов, то есть сто миллионов франков.

И что же: среди всех классов американского общества не нашлось ни одного гражданина, который счел бы эту сумму чрезмерной, – такое значение придавали все обладанию чудесным средством передвижения. И я первый не переставал повторять своей доброй Грэд, что «оно окупит себя с лихвой».

По-видимому, остальные нации были другого мнения, так как они не пытались превзойти эту сумму. И тут начались измышления побежденных соперников. Изобретатель не объявится... Он никогда не существовал... Это мошенник крупного масштаба!.. К тому же он, вероятно, давно погиб вместе со своей машиной, свалился в какую-нибудь пропасть, утонул в морской пучине... Европейская печать не скупилась на такие предположения.

К сожалению, время шло. Никаких известий, никакого ответа от нашего героя. Он нигде больше не появлялся. Со времени его маневров на Верхнем озере его никто не видел.

Я не знал, что думать, и уже начал терять всякую надежду разобраться в этом странном деле.

И вот утром 15 июля в почтовом ящике департамента полиции нашли письмо без всякого штемпеля.

После того как с ним ознакомились власти, его факсимиле опубликовали в вашингтонских газетах, выпустивших по этому случаю специальный номер.

Вот это письмо.

9. ВТОРОЕ ПИСЬМО

«На борту „Грозного“, 15 июля сего года.

Старому и Новому Свету.

На предложения, сделанные мне различными государствами Европы, а также Соединенными Штатами, я могу дать лишь один ответ:

Я решительно и бесповоротно отказываюсь от тех денег, которые мне предлагают в уплату за мой аппарат.

Это изобретение не станет ни французским, ни немецким, ни австрийским, ни русским, ни английским, ни американским.

Аппарат – моя собственность, и я буду пользоваться им по своему усмотрению.

Он дает мне неограниченную власть над всем миром, и никакая человеческая сила ни при каких обстоятельствах не сможет ему противостоять.

Пусть никто не пытается завладеть им. Он недосыгаем, и таким он будет всегда. Если мне захотят причинить зло, я воздам за него сторицей.

Что касается денег, которые мне предлагают, то я презираю их, я в них не нуждаюсь. К тому же в тот день, когда мне заблагорассудится обладать миллионами или миллиардами, мне достаточно будет протянуть руку, чтобы взять их.

Так пусть знают все: Старый и Новый Свет против меня бессильны, моя же власть над ними беспредельна.

И это письмо подписываю я, Властелин мира».

10. ВНЕ ЗАКОНА

Таково было содержание письма, адресованного правительству Соединенных Штатов и доставленного в департамент полиции без посредничества почты. Но человека, который принес это письмо в ночь с 14 на 15 июля, никто не видел.

А между тем и в эту ночь, вплоть до самой утренней зари, множество любопытных продолжало осаждать здание департамента полиции. Впрочем, как им было заметить подателя, а может быть и самого автора письма в тот момент, когда он, затерявшись в толпе, опускал его в ящик для корреспонденции? Ведь ночь была темная, безлунная; с одной стороны улицы нельзя было разглядеть, что делается на другой.

Я уже сказал, что факсимиле этого письма немедленно появилось в газетах, которым власти передали его буквально в первый же час. Но не подумайте, что публика приняла его за чью-то неуместную шутку. Ничуть не бывало. Правда, такое именно впечатление создалось у меня самого пять недель тому назад, когда я получил письмо с Грейт-Эйри. Но, говоря откровенно, теперь даже и о нем я склонен был думать по-иному, и моя первоначальная уверенность несколько поколебалась.

Да, как в Вашингтоне, так и во всей Америке письмо «Властелина мира» приняли всерьез, что было, в сущности говоря, вполне естественно, и если бы кому-нибудь вздумалось расценивать его иначе, огромное, большинство читателей газет возразило бы: «Нет, это не мистификация! Письмо действительно написано самим изобретателем неуловимого аппарата, — это не подлежит сомнению».

Итак, благодаря какому-то странному, но вместе с тем понятному настроению умов вопрос этот был, по-видимому, для всех совершенно ясен, и все удивительные факты, к разгадке которых не было ключа, получили теперь вполне определенное толкование.

Вот к чему оно сводилось.

Действительно, изобретатель на какое-то время исчез, но теперь он снова подал признаки жизни. Он не стал жертвой несчастного случая, а просто укрылся в убежище, недоступном для преследования полиции. Там он и написал ответ на предложение правительства, но, не желая отправлять этот ответ по почте, что могло бы открыть его местопребывание, он явился в столицу Соединенных Штатов и, как это было сказано в официальном извещении, сам принес письмо с здание департамента полиции.

Что ж, если этот человек рассчитывал таким образом наделать шуму и в Старом и в Новом Свете, то он добился своего. В тот день миллионы людей, читая и перечитывая газету, «не верили своим глазам», если употребить столь банальное выражение.

Почерк письма, которое я не переставал разглядывать, был резкий, с энергичным нажимом пера. Графологи непременно увидели бы в этих строчках признак бурного темперамента и трудного характера.

И вдруг у меня вырвался возглас, которого, к счастью, не слышала моя старая Грэд. Как это я сразу не заметил сходства между этим почерком и почерком письма, присланного мне из Моргантона?!

Кроме того (и это совпадение было еще более многозначительно), инициалы, заменявшие подпись, являлись, видимо, начальными буквами слов: «Властелин мира»... И где же он писал это письмо? На борту «Грозного». Очевидно, так назывался аппарат тройного действия, управляемый таинственным капитаном!

Так значит, эти строчки принадлежат ему, как и строчки первого письма, которое под страхом смерти запрещало мне возобновлять расследование на Грейт-Эйри!

Я встал, вынул из ящика письменного стола письмо от 13 июня, сравнил его со снимком, помещенным в газете... Сомнений не оставалось: тот же характерный почерк, та же рука!

Мозг мой продолжал усиленно работать, пытаюсь сделать выводы из этого известного мне одному сходства, из этого графического тождества обоих писем, автором которых мог быть только командир «Грозного». Страшное, но вполне заслуженное название!..

Я спрашивал себя, не позволит ли это совпадение возобновить поиски с более определенными данными, не сможем ли мы направить наших агентов по более верному следу, который, наконец, и приведет их к цели?

И я думал: какая же связь существует между «Грозным» и вершиной Грейт-Эйри, что общего между чудесами, наблюдавшимися на Голубых горах, и не менее чудесными появлениями фантастического аппарата?

Не колеблясь более, я положил письмо в карман и помчался в департамент полиции.

Я спросил, у себя ли мистер Уорд.

Получив утвердительный ответ, я бросился к двери, постучался, пожалуй несколько громче, чем это было принято, и, услышав «войдите!», – задыхаясь, ворвался в кабинет.

Мистер Уорд как раз рассматривал письмо, опубликованное в газетах, но не копию, а подлинник, тот самый, который был опущен в ящик департамента полиции.

– Что-нибудь новое, Строк?

– Судите сами, мистер Уорд!..

И я вынул из кармана письмо с инициалами.

Мистер Уорд взял его и, не читая, осмотрел со всех сторон.

– Что это за письмо? – спросил он.

– Как видите, письмо, подписанное инициалами.

– А какой на нем почтовый, штампель?

– Почтовой конторы Моргантона, в Северной Каролине...

– Когда вы его получили?

– Тринадцатого июня, больше месяца назад.

– И что вы тогда подумали об этом письме?

– Что кто-то решил подшутить надо мной.

– А сегодня... сегодня, Строк?

– Сегодня я думаю о нем то же, что несомненно будете думать и вы, мистер Уорд, когда познакомитесь с его содержанием.

Мой начальник снова взялся за письмо и прочитал его от строчки до строчки.

– Оно подписано двумя инициалами... – проговорил он.

– Да, мистер Уорд, и это – инициалы двух слов: «Властелин мира». Им же подписано факсимиле...

– Подлинник которого перед вами, – прервал меня мистер Уорд, вставая.

– Совершенно очевидно, что оба письма написаны одной рукой, – сказал я.

– Да, Строк, одной рукой...

– Видите, чем мне угрожают в случае, если бы я сделал вторичную попытку проникнуть в глубь Грейт-Эйри?

– Да... вам грозят смертью. Но послушайте, Строк, ведь вы получили это письмо уже месяц назад. Почему же вы не показали мне его до сих пор?

– Потому что я не придавал ему никакого значения. Сегодня, после этого послания с «Грозного», я поневоле отнесся к нему более серьезно.

– И правильно сделали, Строк. Ваше сообщение представляется мне крайне важным, и я думаю, что оно может помочь нам напасть на след этого странного человека.

– Я тоже так думаю, мистер Уорд.

– Но какая же все-таки связь может существовать между «Грозным» и Грейт-Эйри?

– Вот уж не могу вам ответить, я и сам все время ломаю над этим голову.

– Нашлось бы, пожалуй, только одно объяснение, – продолжал мистер Уорд,

– но, по правде сказать, оно маловероятно, чтобы не сказать – немыслимо...

– Какое же?

– Не мог ли изобретатель выбрать Грейт-Эйри местом стоянки для своей машины?

– Полноте! – вскричал я. – А каким же способом ему удалось проникнуть туда? Как он выйдет оттуда? Нет, мистер Уорд, после того, что я видел, ваше объяснение неприемлемо.

– Неприемлемо, если...

– Если? – повторил я.

– Если у аппарата этого «Властелина мира» нет крыльев, которые могли помочь ему забраться на Грейт-Эйри!

При мысли о том, что «Грозный» способен соперничать с коршунами и орлами, я не мог удержаться от недоверчивой улыбки, да мистер Уорд и сам не стал настаивать на своей гипотезе. Он взял оба письма и, еще раз сличив при помощи маленькой лупы почерк обоих, установил полнейшее сходство между ними. Они были написаны одной и той же рукой, более того – одним и тем же пером. И потом – это соответствие между инициалами, которыми было подписано первое письмо, и подписью «Властелин мира», которою заканчивалось второе!

Несколько минут мистер Уорд сидел молча, погруженный в глубокое раздумье.

– Я оставляю ваше письмо у себя. Строк, – сказал он наконец. – Знаете, я положительно убежден, что вам суждено сыграть важную роль в этой странной истории... или, вернее, в этих двух историях! Не знаю еще, какие нити их связывают, но какая-то связь существует, – это несомненно. Вы оказались причастны к первой; не будет ничего удивительного, если вы окажетесь причастны и ко второй.

– Охотно, мистер Уорд! Вы ведь знаете, как я любопытен, и не удивитесь, если...

– Решено, Строк! Итак, повторяю: будьте готовы выехать по первому приказанию.

Я вышел из департамента полиции, чувствуя, что моя помощь понадобится очень скоро. И я и оба моих помощника готовы были выехать в любое время, – мистер Уорд вполне мог рассчитывать на нас.

Между тем отказ, которым владелец «Грозного» встретил предложения американского правительства, еще более взволновал умы. Общественное мнение повелевало действовать, – это чувствовали и в Белом Доме и в министерстве. Но каким образом? Где найти этого «Властелина мира», а если он и появится снова, то как его захватить? Многие еще казалось необъяснимым. Его аппарат обладал необычайной скоростью, – это было несомненно. Но как смог он попасть в озеро Кирдол, которое не сообщалось с другими водными системами? Каким образом вышел оттуда?.. А потом его видели на Верхнем озере, хотя, повторяю, никто не заметил, как он покрыл расстояние в восемьсот миль, разделяющее эти два озера.

В самом деле, какой странный случай и сколько тут необъяснимых загадок! Тем больше оснований их разгадать. Миллионы долларов не подействовали, значит надо прибегнуть к силе. Изобретатель не согласился продать свое изобретение, и мы уже знаем, в каких надменных и угрожающих выражениях он высказал свой отказ. Что ж, если так, его следует объявить преступником, и тогда все средства, которые отнимут у него возможность вредить, будут законны. Это необходимо для безопасности не только Америки, но и всего мира. После его нашумевшего письма от 15 июля предположение о том, что он погиб при какой-нибудь катастрофе, отпало. Нет, он был жив и здоров, и жизнь его ежеминутно представляла угрозу общественной безопасности.

Исходя из этих доводов, правительство опубликовало следующее сообщение:

«Поскольку, несмотря на предложенные ему миллионы, командир „Грозного“ отказался

уступить право на свое секретное изобретение, поскольку применение его аппарата представляет для населения опасность, предотвратить которую невозможно, – вышеупомянутый командир объявляется вне закона. Все меры, ведущие к уничтожению его аппарата и его самого, одобряются заранее».

Итак, война, война не на жизнь, а на смерть, была объявлена этому «Властелину мира», который счел себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов целому народу, и притом – американскому народу!

Каждому, кто сумел бы открыть убежище этого опасного изобретателя, захватить этого человека и избавить от него страну, было обещано значительное денежное вознаграждение.

Таково было положение вещей во второй половине июля. И все-таки, рассуждая здраво, вы приходили к выводу, что только случай мог распутать это дело. Ведь прежде всего необходимо было, чтобы этот человек, объявленный вне закона, снова подал признаки жизни, чтобы он был обнаружен и чтобы обстоятельства оказались благоприятными для его ареста. Ведь задержать этот аппарат, – будь то автомобиль на суше, судно на море или подводная лодка в глубине вод, – невозможно. Нет, надо захватить его врасплох, пока он не успел умчаться благодаря своей дьявольской скорости, которой не достигло еще ни одно средство передвижения.

Итак, я находился в боевой готовности, ожидая приказа мистера Уорда о выезде. А приказа все не было, – по той простой причине, что лицо, к которому он должен был относиться, по-прежнему оставалось невидимкой.

Приближался конец июля. Газеты продолжали поддерживать у читателей интерес к таинственному аппарату. От времени до времени появлялись новые сообщения, подстегивавшие любопытство публики; указывались новые следы. В сущности ничего серьезного. Телеграммы летели со всех концов Соединенных Штатов, противоречили одна другой и взаимно исключали одна другую. Впрочем, это и понятно: обещанная денежная награда была приманкой, порождавшей множество ошибочных заявлений, нередко вполне искренних. Сегодня, как вихрь, пронесся автомобиль... На следующий день на одном из многочисленных озер Америки показался катер... Затем промелькнула подводная лодка, маневрировавшая вдоль побережья... В действительности же, все это оказывалось плодом воображения взбудораженных и напуганных людей, которым мерещились к тому же ожидавшие их огромные суммы денег.

Наконец, 29 июля, я получил от моего начальника приказание немедленно явиться к нему.

Двадцать минут спустя я уже был у него в кабинете.

– Вам придется выехать через час, Строк, – сказал он.

– Куда?

– В Толедо.

– Он обнаружен?

– Да. Дальнейшее вы узнаете на месте.

– Через час я с моими агентами буду в дороге.

– Прекрасно, Строк, но помните, что я официально приказываю вам...

– Что, мистер Уорд?

– Добиться успеха... на этот раз добиться успеха!

11. В ПОХОДЕ

Итак, неуловимый капитан вновь появился где-то на территории Соединенных Штатов. За все время он ни разу не показывался ни на дорогах, ни на морях Европы. Ни разу не переплывал через Атлантический океан, хотя мог бы это сделать за неполных четыре дня. Не значит ли это, что местом для своих опытов он избрал одну лишь Америку, и не следует ли отсюда, что он американец?..

Читатель не должен удивляться, если я еще раз заявлю, что подводные лодки способны преодолеть огромное водное пространство, отделяющее Новый Свет от Старого. Не говоря уж о ее быстроходности, могущей сравниться со скоростью самых быстроходных судов Англии,

Жюль Верн

Франции и Германии, подводная лодка обладает еще и тем преимуществом, что она не боится бурь, свирепствующих в этих широтах. Качка для нее не существует. Стоит ей уйти с поверхности воды, и на глубине каких-нибудь двадцати футов она найдет полнейший покой.

Так или иначе, но хозяин этой лодки не сделал попытки переплыть на ней Атлантический океан, и если ему суждено потерять свободу, то, очевидно, это произойдет в Огайо, поскольку Толедо – один из городов этого штата.

Впрочем, департамент полиции и полицейский чиновник, приславший это известие, – тот самый, с которым я должен был вступить в деловые отношения, – строго соблюдали тайну. Ни одна газета (а любая из них дорого заплатила бы за эту новость) ничего не узнала. Чрезвычайно важно было сохранить все в секрете до окончания поисков, и, разумеется, ни я, ни мои помощники ни в коем случае не позволили бы себе проболтаться.

Артур Уэлс – так звали полицейского чиновника, к которому меня направил мистер Уорд, – ждал меня в Толедо.

Как известно, наши приготовления к отъезду, были сделаны заблаговременно. Предвидя, что поездка может затянуться, мы захватили с собой по небольшому чемодану. Джон Харт и Нэб Уокер вооружились револьверами. Я последовал их примеру. Нам следовало быть готовыми ко всему – и к нападению и к самозащите.

Город Толедо расположен на самом берегу озера Эри, воды которого омывают северную часть штата Огайо. Курьерский поезд, где нам были оставлены три места, промчался за ночь через всю восточную Виргинию и Огайо и в восемь часов утра без опоздания прибыл на толедский вокзал.

Артур Уэлс должен был встречать нас на перроне. Он был предупрежден о приезде главного инспектора Строка и, как он сообщил мне об этом позже, ждал меня с таким же нетерпением, с каким я ждал встречи с ним.

Не успел я выйти из вагона, как сразу узнал его по внимательному взгляду, которым он окидывал прибывших пассажиров.

Я подошел к нему.

– Мистер Уэлс? – спросил я.

– Мистер Строк? – ответил он вопросом.

– Он самый.

– К вашим услугам, мистер Строк, – сказал Уэлс.

– Будем ли мы останавливаться в Толедо? – спросил я.

– С вашего позволения, нет, мистер Строк. У вокзала нас ждет экипаж, лошади отличные, и если мы выедем немедленно, то будем на месте еще до вечера.

– Мы готовы, – сказал я, знаком приглашая моих агентов следовать за нами. – А далеко ехать?

– Около двадцати миль.

– Как называется место?

– Бухта Блек-Рок.

Однако, хоть нам и следовало добраться до этой бухты как можно скорее, мы все же решили заехать в гостиницу, чтобы оставить там чемоданы. Найти номер в городе со стотридцатитысячным населением было нелегким делом, но мистер Артур Уэлс помог нам, и, наскоро позавтракав в «Уайт-отеле», мы в десять часов отправились в путь.

Коляска была четырехместная, не считая сидения для кучера. Запасов провизии, уложенных в ее кузове, должно было хватить на несколько дней. Бухта Блек-Рок совершенно пустынна, туда не заходят ни окрестные жители, ни рыбаки, поэтому на еду и ночлег там рассчитывать нельзя. Впрочем, стояли жаркие, июльские дни, солнце палило вовсю, так что нечего было бояться провести одну или две ночи под открытым небом.

К тому же, в случае удачи нашего предприятия, все могло кончиться за несколько часов. Либо командир «Грозного» будет захвачен врасплох, либо он успеет скрыться, и тогда придется отказаться от всякой надежды его поймать.

Артур Уэлс, человек лет сорока, был одним из лучших агентов федеральной полиции. Сильный, смелый, предприимчивый, он никогда не терял самообладания и не раз рисковал жизнью. Начальство ему доверяло и возлагало на него большие надежды. В Толедо он приехал сейчас по другому делу и на след «Грозного» напал совершенно случайно.

Кучер подгонял лошадей, и они быстро бежали по берегу Эри, к юго-западному его краю. Эта широкая водная равнина граничит с территорией Канады на севере и с штатами Огайо, Пенсильвания и Нью-Йорк на юге. Я останавливаюсь на географическом расположении этого озера, на его глубине, длине, питающих его реках и каналах, куда уходит избыток его влаги, лишь потому, что все эти сведения будут иметь значение для дальнейшего хода моего повествования.

Площадь озера Эри – двадцать четыре тысячи семьсот шестьдесят восемь квадратных километров. Оно лежит приблизительно на высоте шестисот футов над уровнем моря. На северо-западе оно сообщается с озерами Гурон и Сент-Клэр, а также с рекой Детройт, которые питают его своими водами; в него вливаются и менее значительные речки, как, например, Роки, Кайахога и Блек. На северо-востоке воды Эри вливаются у озера Онтарио через реку Ниагару, образующую знаменитый Ниагарский водопад.

Наибольшая глубина озера Эри, измеренная лотом, равняется ста тридцати пяти футам. Это показывает, как оно многоводно. Здешние места вообще богаты великолепными озерами, которые тянутся, одно за другим, между территорией Канады и Соединенными Штатами Америки.

Несмотря на то, что эта область находится под сороковым градусом широты, климат здесь зимой очень суров, так как потоки воздуха из Арктики, не встречая на своем пути никаких препятствий, несут с собой страшный холод. Не удивительно поэтому, что в период с ноября по апрель озеро Эри на всем своем протяжении бывает покрыто толстым слоем льда.⁴

Из наиболее крупных городов, разбросанных по берегам этого большого озера, я назову Буффало, принадлежащий к штату Нью-Йорк, и Толедо; первый находится на восточном берегу, второй – на западном; на южном берегу озера расположены Кливленд и Сандаски, принадлежащие к штату Огайо.

Кроме того, на побережье рассыпано множество мелких местечек и селений. Поэтому в окрестностях Эри значительно развита торговля, и ежегодный торговый оборот доходит там до двух миллионов двухсот тысяч долларов.⁵

Наша коляска быстро катилась по извилистой дороге, изгибы которой соответствовали многочисленным излучинам реки.

Кучер подгонял лошадей, а мы беседовали с Артуром Уэлсом, и теперь я узнал от него, чем была вызвана телеграмма, посланная им в департамент вашингтонской полиции.

Сорок восемь часов тому назад, 27 июля, во второй половине дня, Узле отправился верхом в поселок Хирли. За пять миль от поселка, проезжая маленькой рощицей по берегу озера, он вдруг заметил подводную лодку, которая всплывала на поверхность. Он остановился, соскочил с лошади, дошел до опушки и, притаившись за деревьями, своими глазами увидел, как эта подводная лодка подошла к берегу бухты Блек-Рок... Уж не тот ли это неуловимый аппарат, который был замечен в окрестностях Бостона, а потом на озере Кирдол?

Когда подводная лодка оказалась у подножья скал, из нее выскочили на берег два человека... Что, если один из них и был тот самый «Властелин мира», которого никто ни разу не встречал со времени его последнего появления на Верхнем озере? Что, если из глубины озера Эри всплыл таинственный «Грозный»?..

– Я был один, – рассказывал Уэлс, – один – на берегу этой пустынной бухты. Будь там вы с вашими помощниками, мистер Строк, – вчетвером мы могли бы попробовать задержать этих двух молодцов, не дав им сесть в лодку и улизнуть.

⁴ 12 апреля 1867 г., когда автор находился в Буффало, Эри было сплошь покрыто льдом (прим. авт.)

⁵ 11.000.000 франков (прим. авт.)

– Разумеется, – ответил я. – Но вполне возможно, что на борту лодки были и другие люди. Впрочем, это неважно. Если бы в наших руках оказались эти двое, нам, может быть, удалось бы выяснить, с кем мы имеем дело...

– И главное, не является ли один из них командиром «Грозного», – добавил Уэлс.

– Я боюсь только одного, Уэлс, – что эта подводная лодка, кому бы она ни принадлежала, уже успела уйти из бухты.

– Через несколько часов мы все узнаем. Дай-то бог, чтобы мы еще застали ее там! И тогда, как только стемнеет...

– Погодите, – перебил я его, – вы пробыли в этой рощице до вечера?

– Нет, я уехал около пяти часов, а вечером был уже в Толедо, откуда и отправил телеграмму в Вашингтон.

– Ну, а вчера? Ездили вы еще раз в бухту Блек-Рок?

– Да.

– И подводная лодка была еще там?

– На том же месте.

– А те двое?

– Тоже. Я думаю, что в это пустынное место они зашли из-за какой-нибудь аварии.

– Возможно... – ответил я, – и, очевидно, эта авария помешала им добраться до их обычной стоянки. Хорошо, если б это было так!

– Думаю, что так оно и есть. На берегу были разложены какие-то части машины, и, как мне показалось, на борту работали люди. Правда, установить это точно я не мог, так как подойти ближе было опасно.

– И по-прежнему только двое?

– Двое.

– Но неужели этот небольшой экипаж в состоянии управлять такой быстроходной машиной, которая к тому же из катера превращается в автомобиль, а из автомобиля – в подводную лодку?

– Я и сам думаю, что их больше, мистер Строк. Но вчера я видел все тех же двух субъектов. Они несколько раз подходили к рощице, где я притаился, наломали там веток, развели на берегу костер. Эта бухта совершенно пустынна, и, видимо, они чувствовали там себя в полной безопасности.

– Вы бы узнали их при встрече?

– Конечно. Один – среднего роста, плотный, с резкими чертами лица, обросший бородой. Другой – коренастый, чуть пониже. Оттуда я уехал часов в пять, как и на-кануне. В Толедо меня уже ждала телеграмма от мистера Уорда относительно вашего приезда, и утром я поехал на вокзал встречать вас.

Несомненно было одно: в течение тридцати шести часов подводная лодка, видимо из-за необходимости ремонта механизма, не уходила из бухты Блек-Рок, и если нам повезет, мы еще застанем ее там. Что касается появления «Грозного» на озере Эри, то и я и мистер Уэлс объясняли его очень просто. В последний раз аппарат видели на Верхнем озере. Расстояние от этого озера до озера Эри он мог преодолеть либо сушей – по дорогам Мичигана до западного берега озера, – либо водою – по реке Детройт, – а может быть, даже и подводным путем. Во всяком случае, на сухопутных дорогах его не заметили, хотя полиция следила за этим штатом более тщательно, чем за любой другой частью американской территории. Оставалось предположить, что автомобиль превратился в катер или в подводную лодку. Таким способом капитан и его помощники вполне могли попасть в воды Эри, не будучи замеченными.

Ну, а если «Грозный» уже ушел из бухты или если он ускользнет от нас, когда мы сделаем попытку его задержать, – что тогда? Неужели игра будет проиграна? Не знаю. Во всяком случае, шансов на успех останется тогда очень мало.

Мне было известно, что в порту Буффало, на противоположном конце озера Эри, стоят сейчас два миноносца. Мистер Уорд предупредил меня об этом перед моим отъездом из Ва-

шингтона. Достаточно будет телеграфировать командирам этих миноносцев, и они бросятся преследовать «Грозный». Но как догнать эту быстроходную лодку? Что делать, если она превратится в подводную и скроется в водах Эри? Артур Уэлс согласился со мной, что в этой неравной борьбе преимущество оказалось бы не на стороне миноносцев. Итак, если сегодня ночью нас постигнет неудача, кампания будет проиграна.

Уэлс уже говорил мне, что бухта Блек-Рок совершенно безлюдна. Дорога, которая ведет из Толедо к поселку Хирли, расположенному в нескольких милях от бухты, проходит довольно далеко от берега, и-когда наша коляска подъедет к рошице, прикрывающей бухту, то со стороны озера она не будет заметна. Итак, мы легко спрячем ее в лесу, а сами, как только стемнеет, ляжем на опушке, поближе к воде, и будем иметь полную возможность наблюдать.

Уэлс хорошо изучил эту бухту: после своего приезда в Толедо он был в ней несколько раз. Ее окружали почти отвесные скалы, и глубина на всем ее протяжении была не менее тридцати футов, так что «Грозный» мог подойти к берегу и по воде и под водой. В двух-трех местах в этой стене береговых скал были расщелины, и здесь плоский песчаный берег тянулся до самой опушки рошицы, на двести-триста футов.

На полпути мы сделали привал, и в семь часов вечера наша коляска подъехала к опушке. Было еще слишком светло, чтобы подойти к берегу бухты, хотя бы и под прикрытием деревьев. Нас могли заметить, и тогда лодка (разумеется, если она была еще на том же месте и если ремонт был уже закончен) быстро ушла бы от нас на середину озера.

– Где мы остановимся? Здесь? – спросил я Уэлса.

– Нет, мистер Строк, – ответил он. – Лучше нам проехать поглубже в лес. Там мы можем быть спокойны, что нас не выследят.

– Но пройдет ли там экипаж?

– Пройдет, – уверенно заявил Уэлс. – Я исходил эту рошицу вдоль и поперек. В пяти или шести сотнях шагов отсюда есть поляна, где наши лошади найдут себе отличное пастбище. А как только начнет смеркаться, мы спустимся на берег к подножию скал.

Нам оставалось только последовать совету Уэлса, и, ведя лошадей на поводу, все мы пешком отправились в глубь леса.

Неправильными тесными группами стояли здесь сосны, дубы и кипарисы. Под ногами у нас расстился густой ковер из травы и сухих листьев. Наверху пышные кроны деревьев соединялись в сплошную завесу, которая не пропускала последних косых лучей заходящего солнца. Ни дорог, ни даже тропинок не было и следа. Однако – правда, не без толчков – коляска добралась до поляны меньше чем за десять минут.

Эта поляна, окруженная высокой стеной деревьев, образовывала нечто вроде правильного овала и была покрыта изумрудной травой. Здесь было еще светло, до темноты оставалось не меньше часа. Итак, мы располагали временем, чтобы устроить привал и отдохнуть от довольно утомительного путешествия по тряской дороге.

Разумеется, нам не терпелось поскорее дойти до бухты и посмотреть, там ли еще «Грозный», но благоразумие взяло верх. Немного выдержки, и мрак позволит нам добраться до берега без риска быть замеченными. Таково было мнение Уэлса, и я согласился с ним.

Лошадей распрягли и пустили пастись на свободе. На время нашего отсутствия решено было оставить их здесь под присмотром возницы. Джон Харт и Нэб Уокер вынули из кузова провизию и разложили ее на траве у подножья великолепного кипариса, напомнившего мне лесные породы Моргантона и Плезент-Гардена.

В еде и напитках недостатка не было. Утолив голод и жажду, мы закурили трубки и стали ждать той минуты, когда можно будет отправиться в путь.

Вечерело. В лесу царил глубокая тишина. Птицы умолкли. Ветер постепенно утих, только самые верхушки деревьев чуть трепетали. После захода солнца небо быстро потемнело, и на смену сумеркам пришел мрак.

Я посмотрел на часы. Стрелки показывали половину девятого.

– Не пора ли, Уэлс?

– Я готов, мистер Строк.

– В таком случае пойдёмте.

Вознице был отдан строгий приказ не выпускать лошадей с поляны.

Уэлс пошел вперед. Я подвигался за ним, а за мной следовали Джон Харт и Нэб Уокер. Если бы не Уэлс, который служил нам проводником, нам было бы очень трудно найти дорогу в этой темноте.

Но вот мы и на опушке. Перед нами песчаный откос, простирающийся до самой бухты Блек-Рок.

Вокруг безмолвие и пустыня. Мы можем подойти к берегу, ничем не рискуя. Если «Грозный» еще не ушел, то он, очевидно, там, – стоит на якоре за выступом скалы.

Но там ли он еще?.. Вот главный, вот единственный вопрос, и признаюсь, по мере того как я приближаюсь к развязке этого увлекательного приключения, сердце начинает сильнее биться у меня в груди.

Уэлс делает знак, и мы следуем за ним... Прибрежный песок скрипит у нас под ногами... Еще двести шагов, еще несколько минут, и вот мы у выхода в бухту.

Ничего. Решительно ничего!

Место, где Уэлс оставил лодку двадцать четыре часа назад, теперь пусто. «Властелин мира» покинул бухту Блек-Рок.

12. БУХТА БЛЕК-РОК

Человек всегда склонен к иллюзии. Казалось бы, что удивительного, если подводная лодка, которую мы жаждали увидеть (допустим, что подводная лодка, всплывшая на глазах у Уэлса 27 июля, и была тем самым аппаратом, за которым мы охотились), что удивительного, если она ушла из бухты Блек-Рок? Это можно было объяснить очень просто. Очевидно, какое-то повреждение в тройной системе управления судна, помешав ему достигнуть, сушей или водою, обычной стоянки, вынудило его зайти в эту бухту. И, должно быть, по окончании ремонта оно возобновило свой путь и ушло из озера Эри.

Однако, несмотря на всю реальность этих предположений, мы ни за что не желали им верить. Ведь в течение всего дня мы не допускали никаких сомнений как в том, что это был именно «Грозный», так и в том, что он по-прежнему стоит на якоре у подножия скал, – там, где его обнаружил Уэлс...

Тем сильнее было наше разочарование, скажу больше – наше отчаяние! Весь наш поход свелся к нулю. Если «Грозный» и плавает еще на озере Эри или в глубине его, то найти, догнать, захватить его уже не в наших силах, да и – к чему обманывать себя? – вообще не в силах человека.

Подавленные, мы с Уэлсом остановились у выхода в бухту, а Джон Харт и Нэб Уокер, раздосадованные не меньше нас, отправились на разведку вокруг бухты.

А между тем мы так тщательно подготовились, у нас были все шансы на успех. Если быте два человека, которых заметил Уэлс, оказались сейчас на берегу, мы вполне могли бы подползти и схватить их, не дав им времени добраться до лодки. Если же они сидели бы в лодке, за этими скалами, то мы бы дождались, пока они выйдут на берег, и здесь без труда отрезали бы им путь. Ведь, судя по тому, что и в первый день и во второй Уэлс видел только этих двух людей, можно было предположить, что они и составляли весь экипаж «Грозного».

Вот как мы рассуждали, вот как мы стали бы действовать... Но, к несчастью, лодка исчезла.

Мы стояли с Уэлсом у выхода в бухту и почти не разговаривали. Да и нужны ли нам были слова? Мы и так понимали друг друга. После горечи разочарования нас понемногу охватывал гнев. Потерпеть такую неудачу, ощущать свое бессилие и невозможность повторить эту попытку!..

Прошло около «часа, а мы все еще стояли на том же месте, вглядываясь в густой мрак.

Время от времени слабый огонек вспыхивал и трепетал на воде; потом он гаснул, и вместе с ним гасла вспыхнувшая на миг надежда. Порою нам чудилось также, что мы Увидим на воде какой-то темный силуэт, как бы неясные очертания подплывающей во мгле лодки. А порою какие-то круги разбегались вдруг по воде. Казалось, в глубине бухты происходит волнение. Потом все это исчезало. То был лишь обман чувств, плод нашего возбужденного воображения.

Но вот к нам подошли наши спутники.

– Есть что-нибудь новое? – спросил я.

– Ничего, – ответил Джон Харт.

– Вы обошли всю бухту?

– Всю, – сказал Нэб Уокер, – и не заметили никаких частей машины, ничего того, что видел мистер Уэлс.

– Подождем, – предложил я, так как все еще не мог решиться уйти обратно в лес.

И вдруг, в эту самую минуту, поверхность озера опять как будто заволновалась, мелкие волны побежали к подножью скал.

– Это что-то вроде прибоя, – заметил Уэлс.

– Да, – прошептал я, инстинктивно понижая голос. – Но откуда ему взяться? Ветер совершенно утих... Как вы думаете, это волнение происходит только на поверхности озера или...

– Или в глубине его? – продолжил за меня Уэлс, наклоняясь, чтобы лучше слышать.

В самом деле, уж не направлялось ли к берегам бухты какое-нибудь судно? Возможно, что его мотор и вызвал эти волны.

Затаив дыхание, не шевелясь, мы старались проникнуть взглядом в густой мрак; волны между тем все сильнее бились о прибрежные скалы.

Харт и Уокер взобрались на высокую скалу справа, я же, спустившись к самой воде, наблюдал за прибоем; он отнюдь не уменьшался, напротив, стал еще сильнее, и вскоре послышался какой-то звук, похожий на шум вращающегося винта.

– Сомнения нет! – заявил Уэлс, нагибаясь ко мне. – Это приближается лодка.

– Безусловно, – согласился я, – если только в Эри не водятся киты и акулы...

– Нет! Это лодка, – повторил Уэлс. – Но где она хочет пристать? В устье бухты или где-нибудь подальше?

– Но ведь в прошлые два раза вы видели ее здесь?

– Да, мистер Строк, здесь.

– В таком случае, если только это та самая лодка, – а я убежден, что это именно она, – почему бы ей не вернуться на прежнее место?

– Смотрите! Смотрите! – прошептал Уэлс, указывая рукой на вход в бухту.

К этому времени подошли уже и наши товарищи. Все четверо, мы полулежали теперь на берегу, у самой воды, и смотрели в направлении, указанном Уэлсом.

Какой-то неясный черный силуэт двигался во мраке. Он приближался очень медленно, с северо-востока, и, по-видимому, от него до нас было пока не менее одного кабельтова. Теперь мы уже не слышали шума мотора: возможно, что его выключили, и лодка шла только по инерции.

Так, значит, лодка снова проведет ночь в бухте, как и накануне! Почему же она ушла с этой стоянки? Зачем снова возвращается сюда? Возможно, что какие-нибудь новые повреждения помешали ей выйти в открытое море? Или, может быть, что-нибудь вынудило ее уйти из бухты до того, как были закончены ремонтные работы? Почему она возвращается именно сюда? Что помешало ей превратиться в автомобиль и умчаться по дорогам Огайо?

Все эти вопросы приходили мне на ум, но, разумеется, разрешить их я был не в состоянии.

Впрочем, наши рассуждения, и мои и Уэлса, были основаны на полной уверенности в том, что эта лодка принадлежала «Властелину мира», что это был тот самый «Грозный», на борту которого он писал свой ответ на предложения правительства.

А между тем эта уверенность покоилась на одних лишь догадках. Так или иначе, но лодка все приближалась, и, должно быть, капитан ее превосходно знал фарватер бухты Блек-Рок, если

Жюль Верн

решался входить сюда в полном мраке. Ни одного фонаря не было на борту, ни одного луча света не пробивалось сквозь иллюминаторы. Сейчас уже отчетливо доносился шум мягко работавшего мотора. Плеск воды стал еще слышнее. Через несколько минут лодка подойдет к «пристани».

Я не случайно употребляю здесь слово «пристань». В самом деле, скалы в этом месте образуют в пяти или шести футах над уровнем озера удобную площадку, словно нарочно созданную для причала.

– Давайте уйдем отсюда! – шепнул Уэлс, схватив меня за руку.

– Вы правы, – ответил я, – здесь нас могут заметить. Надо подняться наверх, спрятаться в одной из расщелин и ждать.

– Так пойдете.

Нельзя было терять ни минуты. Лодка подходила все ближе, и вот на палубе, которая слегка возвышалась над водой, показались силуэты двух мужчин.

Неужели там действительно только двое?

Уэлс, я, Джон Харт и Нэб Уокер снова вошли в проход между скалами и вскарабкались наверх. В скалах, там и сям, виднелись углубления. Мы с Уэлсом спрятались в одном из них, наши помощники выбрали другое.

Если люди с «Грозного» выйдут на берег, они нас не заметят, а мы сможем следить за ними и будем действовать сообразно обстоятельствам.

Со стороны озера донесся какой-то шум, послышалась английская речь, – лодка, очевидно, пристала к берегу. Почти одновременно на то самое место, откуда мы только что ушли, упал якорный канат.

Проскользнув к самому краю обрыва, Уэлс увидел, что канат тянет один из моряков, спрыгнувших на берег; слышно было, как якорь царапает по земле.

Через несколько минут песок заскрипел под чьими-то ногами.

Двое мужчин взобрались на крутой берег и направились к опушке рощицы; один из них нес фонарь.

Что им там нужно? Быть может, бухта Блек-Рок является для «Грозного» обычным местом стоянки? Быть может, его капитан устроил здесь склад провианта, необходимых материалов, и теперь, когда прихоть забрасывает «Властелина мира» в эту часть территории Соединенных Штатов, он приплывает сюда, чтобы пополнить свои запасы? Видимо, он знает, что это место совершенно пустынно, безлюдно, и чувствует себя здесь в полной безопасности.

– Что делать? – спросил Уэлс.

– Пусть эти люди вернуться обратно, и тогда...

Но тут слова вдруг замерли у меня на губах: один из незнакомцев – они находились в эту минуту шагах в тридцати от нас – внезапно обернулся, и свет фонаря, который он нес, упал ему прямо на лицо.

Я узнал его. Это был один из двух субъектов, подстерегавших меня возле моего дома на Лонг-стрит. Я не мог ошибиться. Я узнал его так же хорошо, как узнала бы его и моя старушка служанка. Это был он, несомненно это был он, один из тех шпионов, след которых я так долго разыскивал. Значит, и письмо, написанное тем же почерком, что письмо «Властелина мира», принесли эти шпионы, – теперь я был в этом уверен! И, значит, оно тоже было написано на борту «Грозного»! Правда, угрозы, содержащиеся в нем, касались Грейт-Эйри. И я еще раз задал себе вопрос: какая же связь могла существовать между «Грозным» и Грейт-Эйри?

В нескольких словах я посвятил Уэлса в курс дела.

– Это просто необъяснимо! – прошептал он.

Между тем двое мужчин продолжали свой путь и вскоре дошли до опушки.

– Только бы они не обнаружили нашу коляску! – пробормотал Уэлс.

– Этого не случится, если они не вздумают зайти поглубже в лес.

– Ну, а если все-таки они ее увидят?

– Тогда они побегут обратно к лодке, и мы успеем преградить им путь.

Со стороны озера, с того места, где причалила лодка, не доносилось ни звука. Я вышел из расщелины, прошел между скалами и остановился возле якоря, глубоко зарывшегося в песок.

Лодка спокойно стояла на воде, придерживаемая канатом. Ни одного огонька на борту, ни одного человека на палубе и на берегу. Не следует ли воспользоваться благоприятным моментом? Прыгнуть на борт и дожидаться возвращения тех двоих?

– Мистер Строк! Мистер Строк!

Это был голос Уэлса.

Я поспешил на зов и присел на корточки рядом с ним.

Видимо, время для захвата лодки было уже упущено. А может быть, в лодке были еще люди, и тогда наша попытка все равно потерпела бы неудачу. Так или иначе, но человек с фонарем и его спутник уже показались на опушке и теперь шли к берегу. Они не заметили ничего подозрительного, – это было ясно. Каждый из них нес по тюку. Подойдя к самому берегу, они остановились.

– Эй, капитан! – крикнул один из них.

– Здесь! – послышалось в ответ.

– Их трое! – прошептал Уэлс, нагибаясь к моему уху.

– А может быть, и четверо, – возразил я, – может быть, пятеро, шестеро,

– кто знает?

Положение усложнялось. Что нам делать, если экипаж слишком многочислен? Малейшая неосторожность может дорого обойтись нам. Что теперь предпримут эти двое? Должно быть, сядут со своими тюками в лодку? А что же будет с лодкой? Снимется она с якоря и уйдет из бухты или останется в ней до восхода солнца? Но ведь если она уйдет, то будет потеряна для нас. Где искать ее снова? Из озера Эри она может уйти через реку Детройт, которая приведет ее в озеро Гурон. А кроме того, в ее распоряжении все дороги соседних штатов. И вряд ли представится случай снова увидеть ее когда-нибудь в бухте Блек-Рок.

– Пора! – сказал я Уэлсу. – Я, вы, Харт, Уокер – нас ведь четверо. Они не ждут нападения, и мы застигнем их врасплох. «С божьей помощью вперед!»

– как говорят моряки.

Я уже хотел позвать моих помощников, как вдруг Уэлс схватил меня за руку.

– Тише! – прошептал он.

В это время один из незнакомцев притягивал лодку канатом; лодка подходила к скалам.

И вот какой разговор произошел между капитаном и его людьми:

– Все ли там в порядке?

– Все, капитан.

– Значит, там остались еще два тюка?

– Два.

– Сможете вы перенести их на «Грозный» за один прием?

«Грозный»!.. Значит, перед нами действительно был аппарат «Властелина мира»!

– Сможем, – ответил один из моряков.

– Хорошо. Мы выйдем завтра с восходом солнца.

Итак, судя по всему, на лодке их только трое – капитан и два матроса.

Матросы сейчас уйдут, чтобы забрать последние тюки. Затем они вернутся и улягутся спать в своих каютах. Вот когда мы нападём на них – они и опомниться не успеют!

Услышав из уст самого капитана, что он не собирается отплывать до рассвета, мы с Уэлсом успокоились и решили подождать: пусть его люди вернутся из леса, заснут, и тогда «Грозный» будет в наших руках!

Но почему же все-таки капитан ушел вчера со стоянки, не закончив погрузку? Что вынудило его вторично зайти в бухту? Вот этого я не мог понять. Так или иначе, для нас это счастливая случайность, и мы сумеем воспользоваться ею.

Часы показывали половину одиннадцатого. В эту минуту песок снова заскрипел под чьи-то шагами. Человек с фонарем и его спутник опять вышли на берег и зашагали к лесу. Как

только они дошли до опушки, Уэлс пошел предупредить наших помощников, а я подполз к самому краю обрыва.

«Грозный» стоял на прежнем месте. Насколько можно было разглядеть в темноте, это было продолговатое, веретенообразной формы судно без трубы, без мачт и без снастей, очень похожее на то, которое маневрировало у берегов Новой Англии.

Проверив наши револьверы, – они могли нам понадобиться, – мы снова спрятались в расщелинах скал.

С тех пор как люди с «Грозного» исчезли в лесу, прошло уже пять минут, и они вот-вот должны были показаться со своими тюками. Сейчас они сядут в лодку, мы выждем не менее часа, пока капитан и его спутники крепко заснут, и тогда только прыгнем на борт. Но надо, чтобы судно не успело отойти от берега или уйти под воду, – иначе оно и нас утащит с собой.

Нет, никогда-за все время моей службы я не испытывал подобного нетерпения! Мне казалось, что эти люди не случайно задерживаются в лесу так долго, что там что-то случилось.

Вдруг на опушке раздался шум, и мы услышали конский топот. Это наши лошади, испугавшись чего-то, мчатся с поляны к берегу.

Почти сразу вслед за ними показались люди. На этот раз они бегут со всех ног.

Вполне понятно, что присутствие наших лошадей с коляской не могло не возбудить у них подозрения. Они поняли, что в лесу – засада полиции. Их выследили, подстерегли, им грозит опасность! И вот они несутся к проходу между скалами, чтобы поскорее вытащить якорь и прыгнуть на борт... Сейчас «Грозный» умчится с быстротой молнии, и наше дело будет проиграно навсегда!

– Вперед! – крикнул я.

И мы скатились на берег, чтобы отрезать этим людям путь к лодке.

Увидев нас, они сейчас же бросают свои тюки и стреляют из револьверов. Джон Харт ранен в ногу.

Мы тоже стреляем, но менее удачно. Наши противники невредимы, они продолжают бежать к лодке. Добежав до берега, не успев даже выдернуть якорь, они бросаются в воду и в несколько взмахов подплывают к борту «Грозного».

Капитан стоит на носу с револьвером в руке. Он стреляет, и его дуля слегка задевает Уэлса.

Мы с Нэбом Уокером хватаем якорный канат и стараемся притянуть лодку к берегу. Но ведь стоит только обрубить его с борта, и «Грозный» уплывет.

Вдруг якорь вырывается из песчаного грунта, опрокидывает Уокера, а меня зацепляет лапой за пояс и тащит в воду, несмотря на все мое сопротивление.

В ту же секунду на «Грозном» включают мотор, лодка делает скачок и несется к выходу из бухты.

13. НА БОРТУ «ГРОЗНОГО»

Когда я пришел в себя, было уже светло. Бледные лучи пробивались сквозь толстое стекло иллюминатора тесной каюты, где я лежал. Сколько часов прошло с тех пор, как меня сюда положили, – этого я не знал, но, насколько я мог судить по косым лучам солнца, оно еще не очень высоко поднялось над горизонтом.

Я лежал на узкой койке, покрытый одеялом. Моя одежда висела в углу и, по-видимому, была высушена. Пояс, почти совершенно разорванный якорем, валялся на полу.

Ранен я не был, но чувствовал себя совершенно разбитым. Если я на некоторое время потерял сознание, то не от слабости, – я отчетливо сознавал это. Дело в том, что, когда канат тащил меня по поверхности озера, голова моя иногда погружалась в воду, и, как видно, меня вовремя втащили на палубу, не то я бы непременно захлебнулся.

Неужели я теперь один с капитаном и его помощниками на борту «Грозного»?

Да, очевидно, это так. Вчерашняя сцена вновь и вновь встает перед моими глазами. Харт, раненый, лежит на песке; Уэлс тоже задет револьверной пулей; Уокер падает навзничь в ту са-

мую минуту, когда якорь зацепляет меня за пояс. И, разумеется, мои спутники считают меня погибшим в водах Эри...

Однако каким образом движется сейчас «Грозный»? Возможно, что, превратив свою лодку в автомобиль, капитан мчится по дорогам, граничащим с озером Эри? Если это так и если я пролежал без сознания несколько часов, то машина, набрав скорость, могла уйти очень и очень далеко. А может быть, снова став подводной лодкой, «Грозный» продолжает свой путь в глубине озера?

Впрочем, нет, «Грозный», очевидно, плыл по широкой водной глади. В каюту проникал свет – значит, аппарат не ушел под воду. С другой стороны, я не чувствовал и толчков, обычных при езде на автомобиле. Следовательно, «Грозный» не на суше.

Но где он сейчас – все еще на озере Эри или уже покинул его? Ведь это страна озер, и лодка, поднявшись по реке Детройт, могла выйти либо в озеро Гурон, либо в Верхнее озеро. Впрочем, установить это мне было трудно.

Я решил подняться на палубу, где, конечно, скорее можно было все разузнать. Встав с койки, я взял свое платье и оделся, хотя вполне могло оказаться, что каюта заперта.

Я попробовал приподнять крышку люка, вделанную в потолок над моей головой.

Крышка поддалась, и я наполовину высунулся наружу.

Прежде всего я поспешил осмотреться по сторонам.

Кругом широкая водная пелена. Берегов не видно. Небо да вода, ничего больше! Что это – озеро или море?

Я не замедлил получить ответ на этот вопрос. Лодка плыла быстро, и брызги волн, рассекаемых форштевнем, перелетая через корму, попадали мне в лицо. Вода оказалась пресной, – судя по всему, это было озеро Эри.

С того момента, как «Грозный» вышел из бухты Блек-Рок, прошло не более семи или восьми часов, – я узнал это потому, что солнце стояло сейчас на полпути к зениту, и, следовательно, это было утро 31 июля.

Озеро Эри имеет около двухсот двадцати миль в длину и около пятидесяти миль в ширину. Поэтому я несколько не удивился, не видя берегов, ни восточного – штата Нью-Йорк, ни западного – канадского.

На палубе было сейчас два человека; один стоял на носу, наблюдая за ходом судна, а другой находился на корме, за рулем, и, насколько я мог судить по положению солнца, держал курс на северо-восток.

Первый был тот самый человек, в котором я еще вчера, когда он взбирался на берег бухты Блек-Рок, признал одного из двух субъектов, шпионивших за мной на Лонг-стрит. Второй был его вчерашний спутник: он-нес фонарь, когда они направлялись в лесок.

Я тщетно искал глазами третьего, того, кого они называли вчера «капитаном», подойдя к лодке. Его не было видно.

Все поймут, как велико было мое желание встретиться с создателем этой диковинной машины, с командиром «Грозного», с фантастическим персонажем, заинтересовавшим и взволновавшим весь мир, с дерзким изобретателем, не побоявшимся бросить вызов всему человечеству и провозгласить себя «Властелином мира»!..

Я подошел к человеку, стоявшему на носу, и после минутного молчания спросил у него:

– Где капитан?

Он взглянул на меня из-под полуопущенных век, словно не поняв моего вопроса, – но ведь я сам слышал накануне, как он говорил по-английски.

Впрочем, он, по-видимому, ничуть не встревожился, увидав меня на палубе, и, повернувшись ко мне спиной, продолжал свои наблюдения.

Тогда я прошел на корму, решив обратиться с тем же вопросом к рулевому, но тот попросту отстранил меня рукой и тоже ничего не ответил.

Итак, мне оставалось одно – ждать появления человека, который так «приветливо» встретил меня и моих спутников револьверными пулями в тот момент, когда мы пытались притянуть

«Грозный» канатом к берегу.

Я мог теперь рассмотреть на досуге внешнее, устройство аппарата, уносившего меня неведомо куда.

Палуба и борта судна были сделаны из неизвестного мне металла. В центре, под приподнятой крышкой люка, виделось помещение, где равномерно и почти бесшумно работали машины. Как я уже сказал, ни мачт, ни снастей на судне не было. Не было даже флагштока на корме. Возле носа возвышалась верхушка перископа, позволявшего «Грозному» ориентироваться под водой.

К бокам судна были пригнаны дощатые приспособления вроде тех, какие бывают на некоторых голландских галеотах: назначение их было мне непонятно.

На носу находилась крышка другого люка, который, видимо, вел в каюту, где в свободное время отдыхали эти два матроса.

Такой же люк на корме вел, очевидно, в каюту капитана, который все еще не показывался.

Крышки всех этих люков благодаря резиновым прокладкам прилегали герметически, так что во время подводного плавания вода не могла просочиться внутрь.

Что касается двигателя, сообщавшего аппарату такую изумительную скорость, то я не видел его; не видел и гребного винта, пропеллера или турбины. Я заметил только, что эта быстроходная лодка оставляла за кормой длинную плоскую струю. Необыкновенно узкий обвод судна позволял ему уклоняться от напора волн даже и во время шторма.

И, наконец, я решительно заявляю, что машина приводилась в движение не водяным паром, не парами керосина, спирта или других веществ, которые выдают себя запахом и обычно применяются для автомобилей и подводных лодок. Должно быть, она действовала при помощи электрической энергии необычайно высокого напряжения, источник которой, по-видимому, находился здесь же, на судне.

Но в таком случае возникал другой вопрос: откуда получалось здесь электричество – из гальванических батарей, из аккумуляторов? И каким образом они заряжаются – эти аккумуляторы, эти батареи? Откуда черпают свою энергию? Где находится та электрическая станция, которая ее вырабатывает? Уж не извлекают ли здесь электричество из окружающего воздуха или из воды, применяя способы, донныне никому, неизвестные?..

И я спрашивал себя, удастся ли мне раскрыть все эти тайны в тех условиях, в каких я находился сейчас.

Я думал также о моих спутниках, оставшихся там, на песчаном берегу бухты Блек-Рок. Один из них, Харт, ранен; быть может, ранены и двое других

– Уэлс и Уокер. Они видели, как якорный канат утащил меня в воду. Могут ли они предположить, что меня взяли на борт «Грозного»? Разумеется, нет! Мистер Уорд получил, должно быть, телеграмму из Толедо с известием о моей смерти. Кто же отважится теперь предпринять новый поход против «Властелина мира»?

Так раздумывал я в ожидании капитана.

Но капитан все не появлялся на палубе.

Между тем я почувствовал, что сильно проголодался. Это было вполне понятно: ведь после нашего вчерашнего завтрака я ничего не ел, а с тех пор прошло уже около двадцати четырех часов. Хорошо еще, если этот завтрак был действительно вчера, – судя по пустоте, которую я ощущал в желудке, я склонен был думать, что мое пребывание на «Грозном» длилось уже двое суток, а то и больше...

К счастью, вопрос о том, будут ли меня кормить и какова будет моя пища, разрешился очень быстро.

Матрос, стоявший на носу, спустился вниз, потом снова поднялся на палубу. Он молча поставил передо мной несколько тарелок и снова ушел на свое место.

Мясные консервы, вяленая рыба, морские сухари, кружка эля, до того крепкого, что пришлось разбавить его водой, – таков был завтрак, которому я отдал должное. Матросы позавтракали, очевидно, когда я был еще у себя в каюте, и не составили мне компанию.

Потеряв надежду чего-либо от них добиться, я снова предался своим размышлениям.

«Чем-то кончится мое приключение? – спрашивал я себя. – Увижу ли я, наконец, этого невидимку-капитана и отпустит ли он меня на свободу?. Удастся ли мне бежать, если он не захочет отпустить меня? Конечно, это будет зависеть от обстоятельств... Если „Грозный“ вздумает все время держаться вдали от берегов или плыть под водой, – уйти с него невозможно. Хорошо, если лодка превратится в автомобиль. Если нет, – прядется, видимо, отказаться от всякой попытки к бегству».

К тому же, сознаюсь откровенно, я просто не мог покинуть «Грозный», не раскрыв ни одной из его тайн! Ведь хотя до сих пор я не мог похвалиться успехами в этой моей последней операции (она едва не стоила мне жизни) и хотя будущее сулило мне больше дурного, нежели хорошего, – дело все-таки удалось сдвинуть с мертвой точки! Да, но что будет, если я не смогу установить связь с внешним миром, если, подобно «Властелину мира», оказавшемуся «вне закона», я окажусь «вне человечества»?..

«Грозный» по-прежнему плыл к северо-востоку, то есть вдоль озера Эри. Он шел теперь со средней скоростью. Следуя полным своим ходом, он достиг бы северо-восточного берега озера за каких-нибудь несколько часов.

В этой точке у озера Эри нет другого выхода, кроме реки Ниагары, которая соединяет его с озером Онтарио. Но милях в пятнадцати ниже Буффало, одного из крупнейших городов штата Нью-Йорк, эта река преграждается знаменитыми водопадами. «Грозный» не пошел по реке Детройт, значит теперь он сможет выйти из озера только одним способом – превратившись в автомобиль.

Солнце стояло уже прямо над головой. День был ясный, жаркий, но зной смягчался благодаря легкому, освежающему ветерку. Берегов все еще не было видно – ни канадского, ни американского.

Что же это, неужели капитан решил совсем не показываться? Может быть, у него есть причины прятаться от меня? Не означает ли эта предосторожность, что вечером, когда «Грозный» достигнет берега, он намеревается выпустить меня на свободу? Нет, это невероятно.

Но вот часов около двух дня послышался легкий стук, крышка центрального люка открылась, и тот, кого я так нетерпеливо ждал, появился на палубе.

Должен признаться, что он обратил на меня не больше внимания, чем его помощники. Он подошел к рулевому и занял на корме его место. Они вполголоса обменялись несколькими словами, после чего рулевой спустился в машинное отделение.

Окинув взглядом горизонт, капитан посмотрел на компас, стоявший перед штурвалом, слегка изменил курс, и скорость «Грозного» возросла.

Этому человеку было на вид лет пятьдесят с небольшим. Среднего роста, широкоплечий, он держался еще очень прямо. У него была большая голова, коротко остриженные волосы, с проседью, но не седые, лицо бритое, без усов и бакенбард, только с густой бородкой по-американски; мускулистые ноги и руки, массивная челюсть, широкая грудь; постоянно сдвинутые брови выдавали человека сильного характера. Да, это был человек могучего сложения и железного здоровья; горячая кровь пульсировала под его загорелой кожей, – это чувствовалось с первого взгляда.

Он был одет так же, как и его спутники: непромокаемый плащ поверх куртки, на голове шерстяной берет.

Я внимательно смотрел на него. Он не избегал моего взгляда, но вместе с тем выказывал по отношению ко мне какое-то странное равнодушие, словно у него на борту и не было постороннего человека.

Надо ли мне добавлять, что в командире «Грозного» я узнал второго из двух знакомцев, подстерегавших меня возле моего дома на Лонг-стрит!

И уж если я узнал его, то, вне всякого сомнения, он тоже узнал во мне главного инспектора Строка, которому поручено было проникнуть в котловину Грейт-Эйри.

По мере того как я разглядывал его, мне начало казаться (эта мысль не приходила мне в го-

Жюль Верн

лову прежде, в Вашингтоне), что я уже где-то видел эту характерную физиономию. Где же? Не то в картотеке бюро расследования, не то в витрине какого-то фотографа.

Но это воспоминание было так смутно... Нет, должно быть, меня просто обмануло сходство.

Что ж, если его спутники были столь неучтивы, что не ответили на мои вопросы, быть может, он окажется любезнее? Я не был уверен в том, что он мой соотечественник – американец, но ведь мы говорим с ним на одном языке. Только бы он не притворился, что не понимает меня, – это самый легкий способ избежать необходимости отвечать.

Что же он думает со мной сделать? Может быть, он хочет избавиться от меня и ждет лишь наступления темноты, чтобы выбросить меня за борт? Ведь и то небольшое, что я о нем знаю, может сделать меня опасным свидетелем в его глазах. Да, но в таком случае, не лучше ли ему было оставить меня висеть на конце якорного каната? Это избавило бы его от лишних хлопот.

Я перешел на корму и остановился перед ним.

Он устремил на меня свой сверкающий, свой огненный взгляд.

– Вы командир? – спросил я.

Молчание.

– Это судно – «Грозный»?

Никакого ответа.

Тогда я подошел ближе и хотел схватить его за руку.

Он слегка оттолкнул меня, но в его движении я почувствовал незаурядную физическую силу.

Я снова подошел к нему.

– Что вы намерены со мной сделать? – спросил я уже более резким тоном.

Мне показалось, что с губ его, дрогнувших от раздражения, готовы были, наконец, сорваться какие-то слова. Но, словно желая удержать их, он отвернулся и положил руку на регулятор.

В ту же минуту лодка ускорила ход.

Меня охватил гнев, и, потеряв самообладание, я чуть было не крикнул ему: «Хорошо! Продолжайте молчать! Все равно я знаю, кто вы, знаю, что это за судно. Оно было обнаружено в Мэдисоне, в Бостоне, на озере Кирдол. Да, это тот самый аппарат, который носится по дорогам, плавает по поверхности морей и озер, ходит под водою! Эта лодка – „Грозный“, а вы – ее командир. Это вы написали письмо правительству, вы вообразили себя достаточно сильным, чтобы вступить в единоборство с целым светом. Вы – „Властелин мира“!..»

Да и как бы он мог отрицать это? Я только что заметил на рукоятке регулятора пресловутые инициалы: «В.М.».

К счастью, мне удалось овладеть собой, и, отчаявшись получить ответ на свои вопросы, я снова уселся у входа в каюту.

В течение долгих часов я без устали всматривался вдаль, надеясь наконец-то увидеть землю.

Ожидание... Вот все, что мне оставалось! Не может же быть, чтобы к концу дня «Грозный», при его неуклонном курсе на северо-восток, не оказался, наконец, в виду берегов Эри!

14. НИАГАРА

Время шло, а положение не изменялось. Рулевой вернулся к рулю, капитан ушел вниз, где он, видимо, наблюдал за машинами. Повторяю, даже при ускорении хода мотор работал все так же бесшумно, с поразительной ритмичностью. Ни одного из тех перебоев, которые неизбежны при работе цилиндров и поршней. Из этого я заключил, что движение «Грозного», при любом из его превращений, осуществляется с помощью машин вращательного движения. Однако удостоверить в этом я не мог.

Я заметил также, что направление лодки оставалось неизменным. Мы по-прежнему шля на

северо-восток, а следовательно, в сторону Буффало.

«Почему капитан следует именно этим путем? – спрашивал я себя. – Не собирается же он стать на якорь в этом порту среди целой флотилии торговых и рыбачьих судов! Если он намерен выйти из озера Эри, то Ниагара не пропустит его, – ведь водопады непроходимы даже и для такого судна, как „Грозный“! Единственный путь – это река Детройт, а между тем мы явно удаляемся от нее».

Тут мне пришла в голову другая мысль.

Быть может, для того чтобы подойти к одному из берегов Эри, капитан ждет наступления темноты? Тогда лодка превратится в автомобиль и быстро пронесется через соседние штаты. И уж если мне не удастся бежать даже и тогда, когда мы будем на земле, я должен буду оставить всякую надежду на освобождение.

Зато в конце концов я узнаю, где находится убежище «Властелина мира», убежище, такое надежное, что до сих пор его никто не мог обнаружить, – да, узнаю, если... если он не высадит меня тем или иным способом. Что я подразумеваю под словом «высадить», надо полагать, не требует объяснений.

Северо-восточный берег озера Эри хорошо мне знаком: я часто бывал в той части штата Нью-Йорк, которая расположена между Олбани – столицей штата – и городом Буффало. Года три назад, в связи с одним служебным делом, я и-мел возможность хорошо изучить берега Ниагары, выше и ниже ее водопадов, вплоть до Висячего моста, посетил два главных острова между Буффало и поселком Ниагара-Фоле, а также побывал на острове Нэви и острове Гоат, отделяющем американский водопад от канадского.

Так что, если представится случай бежать, я окажусь в знакомых местах. Но представится ли он, этот случай, да и захочу ли я воспользоваться им? Сколько тайн скрывается еще в этом приключении, с которым – не знаю, на счастье или на беду, – так тесно связала меня судьба!..

Впрочем, нечего и рассчитывать, что мне удастся попасть на один из берегов Ниагары. «Грозный» не решится войти в эту реку, откуда нет выхода; вряд ли он подойдет к берегу Эри. В случае надобности он уйдет под воду и поднимется по реке Детройт, а потом, превратившись в автомобиль, помчится по дорогам Соединенных Штатов.

Вот какие мысли теснились в моей голове, пока взгляд мой тщетно вопрошал горизонт.

И все те же неотступные, неразрешимые вопросы... Почему капитан написал мне угрожающее письмо, о котором читатель уже знает? Зачем ему понадобилось следить за мной в Вашингтоне? И, наконец, какая связь существует между этим человеком и Грейт-Эйри? Он мог подземными каналами проникнуть в озеро Кирдол, допустим... Но перебраться через неприступную каменную гряду, – нет, этого он сделать не мог!

Принимая во внимание быстроту хода «Грозного», с одной стороны, и его направление, с другой, часа в четыре пополудни мы, по-видимому, были уже не более чем в пятнадцати милях от Буффало, который должен был вот-вот показаться на северо-востоке.

За время нашего плавания мы видели несколько судов, но они проходили на большом расстоянии от нас, и капитан отнюдь не стремился к ним приблизиться. Впрочем, «Грозный» был мало заметен на поверхности озера, и его нельзя было различить уже на расстоянии мили.

Но вот за Буффало показались береговые возвышенности, образующие своеобразную воронку, черед которую Эри выливает свои воды в русло Ниагары. Направо виднелись песчаные холмы, там и сям чернели группы деревьев. Вдали проходило множество торговых судов, парусных рыбачьих шлюпок, пароходов. Местами небо темнело от грязных клубов дыма, быстро уносимых легким восточным ветерком.

О чем же думает капитан, направляясь к порту? Неужели он не понимает, что ему нельзя подходить ближе? С минуты на минуту я ждал, что он прикажет рулевому повернуть штурвал и направит судно к западному берегу озера. Впрочем, может быть, он намерен погрузиться в глубь Эри и провести ночь под водой?

Но нет, с непонятным упорством он все еще держит курс на Буффало.

Вдруг рулевой, пристально смотревший на северо-восток, сделал своему товарищу какой-

то знак. Тот встал, подошел к центральному люку и спустился в машинное отделение.

Почти тотчас же на палубу поднялся капитан; он подошел к рулевому и вполголоса заговорил с ним.

Протянув руку в сторону Буффало, рулевой показывал на две черные точки, видневшиеся по правому борту «Грозного», на расстоянии пяти или шести миль.

Капитан внимательно посмотрел туда, потом пожал плечами и уселся на корме, не меняя хода лодки.

Четверть часа спустя я увидел на северо-востоке два столба дыма. Мало-помалу черные точки выросли и приняли определенную форму: это были два судна, вышедшие из порта Буффало и быстро двигавшиеся нам навстречу.

И вдруг мне пришло в голову, что это те самые миноносцы, о которых мне говорил мистер Уорд и которым было поручено наблюдение за этой частью озера, – миноносцы, на чью помощь я вполне мог рассчитывать.

Эти миноносцы, новейшего образца, принадлежат к числу самых быстроходных судов Соединенных Штатов. Они обладают наиболее усовершенствованными мощными машинами и при испытаниях добились скорости в двадцать семь миль в час.

Правда, «Грозный» ходит значительно быстрее, и, в случае если неприятель подойдет так близко, что отступление окажется невозможным, он всегда может скрыться под водой, где будет в полной безопасности от любого преследования.

Вот если бы эти миноносцы тоже обладали способностью погружаться в воду, они, может быть, имели бы некоторые шансы на успех в борьбе с «Грозным», да и то неизвестно, кто из них оказался бы сильнее.

Я уже не сомневался в том, что командиры миноносцев были предупреждены: должно быть, Уэлс телеграфировал им, как только возвратился в Толедо.

Судя по всему, они заметили лодку и теперь шли на всех парусах ей наперерез. И все-таки наш капитан, словно не замечая их, продолжал держать курс на Ниагару.

Что предпримут миноносцы? Очевидно, они сманеврируют таким образом, чтобы, отеснив «Грозный» от Буффало, загнать его в угол Эри, откуда нет выхода, – ведь пройти Ниагарой он не сможет.

Теперь капитан сам взялся за руль. Один из его людей стоял на носу, другой спустился в машинное отделение.

Я опасался, что сейчас мне прикажут уйти в каюту.

К великому моему удовольствию, этого не случилось, и, говоря откровенно, никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

Итак, я с живейшим волнением наблюдал за приближавшимися миноносцами. Они были уже менее чем в двух милях от нас и сохраняли между собой определенное расстояние, стремясь держать лодку между двух огней.

Что до «Властелина мира», то на лице его отражалось лишь глубочайшее презрение. Ведь он знал, что эти миноносцы ничего не смогут с ним сделать,

– достаточно ему отдать приказ, и «Грозный» уйдет от них, несмотря на всю их быстроходность. Несколько оборотов двигателя, и судно будет вне пределов досягаемости их пушек. И уж, конечно, не в глубине озера Эри настигнут его их снаряды!..

Еще через десять минут нас отделяла от наших преследователей всего какая-нибудь миля.

Капитан подпускал их все ближе. Но вот он нажал на рукоятку сигнального прибора, и скорость судна резко увеличилась – оно так и подпрыгнуло на поверхности озера. Словно издеваясь над миноносцами, «Грозный» и не подумал повернуть назад, – нет, он продолжал мчаться вперед. Что, если он пройдет между ними и будет увлекать их за собой до тех пор, пока темнота не вынудит преследователей прекратить эту напрасную погоню?

Город Буффало уже вырисовывался на берегу. Я отчетливо различал его дома, колокольни, элеваторы. Немного дальше на северо-запад, милях в четырех или пяти, начиналась Ниагара.

Что мне предпринять в этих условиях? Плаваю я хорошо. Когда мы будем проходить мимо

миноносцев, или, вернее сказать, между ними, не представится ли мне случай прыгнуть в воду, – случай, который, пожалуй, никогда больше не повторится?.. Капитан немедленно прикажет вытащить меня, но, может быть, если я нырну, мне удастся от него ускользнуть. Меня заметят либо с одного, либо с другого миноносца. Если их командиры предупреждены о том, что я могу находиться на борту «Грозного», они вышлют мне навстречу шлюпку.

Шансов на успех было бы, конечно, больше, если бы «Грозный» вошел в Ниагару. Берега острова Нэви мне хорошо знакомы. Однако допустить, что капитан рискнет войти в эту низвергающуюся водопадами реку, я все-таки не мог. Итак, подожду приближения миноносцев, а там... там будет видно.

Ибо, должен сознаться откровенно, я все еще не решил, как поступить. Нет, я не мог покориться необходимости бежать и потерять тем самым всякую возможность проникнуть в тайну. Инстинкт полицейского громко заговорил во мне. Ведь стоит только протянуть руку, и этот человек, поставленный вне закона, окажется в моей власти! Нет, я не убегу. Это значило бы признать игру проигранной. Но, с другой стороны, что меня ждет, если я останусь на борту «Грозного», и куда он меня умчит?

Было четверть седьмого. Миноносцы приближались к нам, держась на расстоянии двенадцати – пятнадцати кабельтовых друг от друга. Если «Грозный» не ускорит ход, то сейчас один из них окажется от нас по левому, а другой – по правому борту.

Я не покидал своего места рядом с матросом, стоявшим на носу.

Неподвижно стоя за рулем, со сверкающими глазами и сдвинутыми бровями, капитан, видимо, ждал подходящего момента для последнего решительного маневра.

Вдруг с левого миноносца раздался пушечный выстрел. Снаряд, почти касаясь поверхности воды, пролетел перед самым носом «Грозного» и исчез за кормой правого миноносца.

Я вздрогнул. Матрос, стоявший рядом со мной, не спускал глаз с капитана, видимо, ожидая какого-то знака.

Но капитан даже головы не повернул, и мне никогда не забыть глубокого презрения, отражавшегося на его лице...

Внезапно кто-то втолкнул меня в люк, крышка над моей головой захлопнулась, со стуком захлопнулись и другие люки. Через минуту лодка погрузилась в воду и исчезла в глубине озера.

Раздалось еще несколько пушечных выстрелов – их заглушенный грохот смутно донесся до меня. Потом все смолкло. Неясный полусвет проникал сквозь иллюминатор моей каюты. Не испытывая ни бортовой, ни килевой качки, подводная лодка бесшумно скользила в водных глубинах Эри.

Читатель видел, с какой быстротой, с какой легкостью совершилось это превращение «Грозного». Должно быть, не менее быстро и не менее легко он превращается и в автомобиль, мчащийся по дорогам.

Что же предпримет теперь «Властелин мира»? Весьма вероятно, что он изменит курс, если только не собирается выйти на сушу и превратить лодку в автомобиль. Однако, поразмыслив хорошенько, я решил, что, сбив миноносцев со следа, он пойдет на запад, к устью реки Детройт. В воде он, очевидно, пробудет столько времени, сколько понадобится, чтобы уйти за пределы досягаемости орудийного огня, а темнота естественным образом положит конец этому преследованию.

Однако события развернулись по-иному. Не прошло и десяти минут, как в лодке началось необычное движение. Из машинного отделения до меня донеслись голоса и шум мотора. Я решил, что произошла какая-то авария и теперь «Грозный» вынужден будет всплыть на поверхность озера.

Я не ошибся. Через несколько секунд полумрак в моей каюте сменился ярким светом. Лодка всплыла наверх. На палубе слышались шаги, все люки открылись, открылся и мой.

Капитан снова занял свое место у руля, между тем как оба его помощника были еще заняты в машинном отделении.

Видны ли еще миноносцы? Да, всего лишь в четверти мили. Заметив нашу лодку, они сей-

час же погнались за ней, но на этот раз – по направлению к Ниагаре.

Признаюсь, действия капитана были мне совершенно непонятны. Загнанная в тупик, лодка не может теперь, вследствие случившейся аварии, погрузиться в воду; не может она и повернуть назад, так как путь ей преграждают миноносцы. По-видимому, она попытается пристать к берегу, а там превратится в автомобиль и скроется либо в штате Нью-Йорк, либо на территории Канады.

Теперь «Грозный» был впереди миноносцев всего на полмили. Миноносцы неслись за ним полным ходом, но, правда, не могли пока уловить подходящий момент, чтобы взять его под прицел. «Грозный» довольствовался тем, что сохранял эту дистанцию, хотя вполне мог бы увеличить ее, а с наступлением темноты повернуть к западному берегу.

Очертания Буффало справа постепенно исчезали, а в начале восьмого часа показался вход в Ниагару. Если капитан, зная, что выхода из реки нет, все-таки направит в нее судно, значит он сошел с ума. Впрочем, разве человек, который провозгласил себя «Властелином мира» и сам верил в это, и без того не был безумцем?

Я смотрел на него: спокойный, невозмутимый, он даже головы не поворачивал, чтобы взглянуть на миноносцы.

Эта часть озера совершенно пустынна. Судов, поддерживающих сообщение между поселками, расположенными на берегах Ниагары, очень мало, и сейчас ни одного из них не было видно. Даже ни одной рыбацкой лодки я не заметил в эту минуту на пути «Грозного». Так или иначе, скоро преследующие его миноносцы должны будут остановиться.

Я уже сказал, что Ниагара берет свое начало между берегами Америки и Канады. На одной стороне – Буффало, на другой – форт Эри. Ширина реки равняется приблизительно трем четвертям мили, но по мере приближения к водопадам она суживается. В длину, от Эри до Онтарио, Ниагара имеет около пятнадцати лье, и, неся свой поток на север, она приводит в Онтарио воды нескольких озер – Верхнего, Мичигана и Гурона. Озеро Эри лежит выше озера Онтарио на триста сорок футов, а высота водопада – не менее ста пятидесяти футов. По форме своей он напоминает подкову, отсюда и его название – «Подкова». Индейцы-назвали его «Водяным громом», и в самом деле это настоящий гром: он грохочет непрерывно, и раскаты его слышны за несколько миль.

Между Буффало, и поселком Ниагара-Фоле реку разделяют два острова: остров Нэви, расположенный на одно лье выше Подковы, и остров Гоат, отделяющий американский водопад от канадского. На вершине острова Гоат стояла некогда знаменитая «Черепашья башня», смело возвышавшаяся над самым потоком на краю бездны. Ее пришлось снести, так как при постоянном смещении русла поток все равно увлек бы ее в пучину.

Следует упомянуть о двух поселках, расположенных в верхней части Ниагары: это Шлоссер на правом берегу и Чиппева – на левом, как раз по обе стороны острова Нэви. Именно здесь ложе реки становится все более покатым, течение делается быстрее и образует двумя милями ниже знаменитый Ниагарский водопад.

«Грозный» прошел мимо форта Эри. Диск солнца почти касался канадского горизонта, а из тумана выплывала полная луна. Темнота должна была наступить не раньше чем через час.

Миноносцы развивали максимальную скорость, но расстояние между нами не уменьшалось. Уютные деревянные домики мелькали на тенистых зеленых берегах.

Теперь «Грозный» уже не мог повернуть назад, – это было несомненно. Миноносцы неминуемо потопили бы его. Правда, их командиры не знали того, что знал я, – что лодка всплыла на поверхность только из-за повреждения в механизме и больше не могла скрыться под водой. Тем не менее они продолжали идти вперед и, судя по всему, готовы были идти так до конца.

Но если я не мог понять упорства наших преследователей, то поведение «Грозного» тоже казалось мне необъяснимым. Меньше чем через полчаса путь его будет прегражден водопадом. Как ни совершенна конструкция аппарата, он не сможет пройти Подкову, и если его подхватит поток, он исчезнет в ставосьмидесятифутовой пропасти, которую вырыла вода у подножья водопада. Впрочем, он может еще пристать к берегу и, превратившись в автомобиль, умчаться со

скоростью двухсот сорока километров в час!

На что же мне решиться? Не попробовать ли добраться вплавь до острова Нэви? Надо воспользоваться этим случаем. Ведь «Властелин мира» никогда не вернет мне свободу, – я слишком многое знаю из его тайн!..

Но тут я понял, что о бегстве не приходится и думать. Правда, я не был заперт в каюте, но за мной, оказывается, зорко следили. Пока капитан стоял у руля, его спутник, находившийся рядом со мной, не спускал с меня глаз. При первом моем движении меня схватят, запрут... Отныне судьба моя неразрывно связана с судьбой «Грозного».

Между тем расстояние, отделявшее нас от миноносцев, сократилось теперь до нескольких кабельтовых. Должно быть, из-за повреждения механизма «Грозный» не мог развить большую скорость. Капитан, однако, не обнаруживал ни малейших признаков беспокойства и, видимо, не собирался поворачивать к берегу.

С миноносцев уже доносился свист пара, который вырывался из клапанов и вместе с черными клубами дыма поднимался к небу. Но я слышал также и другой звук – рев водопада, до которого оставалось теперь менее трех миль.

«Грозный» плыл по левому рукаву Ниагары вдоль острова Нэви, который вскоре остался позади. Спустя четверть часа появились первые деревья острова Гоат. Течение становилось все быстрее. Если «Грозный» не остановится, миноносцы вынуждены будут прекратить преследование! Ведь если этот проклятый капитан вздумает броситься в бушующий поток водопада Подковы, не станут же они прыгать в пропасть вслед за ним!

В самом деле, раздалась гудки, и миноносцы остановились: они были уже в пятистах или шестистах футах от водопада. Затем прогремели выстрелы, и несколько снарядов пролетели вдоль «Грозного», не задев его.

Солнце только что закатилось, наступили сумерки, к на небе возшла луна, посылая на север свои лучи. Скорость лодки, к тому же удвоенная быстрым течением, была теперь просто невероятной. Еще секунда, и мы ринемся в черную бездну канадского водопада!

Я с ужасом смотрел на крутые берега острова Гоат, на группу островков Трех сестер, окутанных водяной пылью бурного потока.

Я встал. Я уже хотел было броситься в реку, чтобы поплыть к острову...

Но руки стоявшего рядом со мной человека тяжело опустились на мои плечи.

Внезапно в машинном отделении что-то загрохотало, широкие плавники, висевшие по бортам лодки, развернулись в огромные крылья, и «Грозный», готовый уже ввергнуться в бездну, взмыл в воздух и перелетел через ревущий водопад, освещенный спектром лунной радуги!

15. «ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО»

Когда я очнулся на следующее утро после какого-то тяжелого сна, «Грозный» стоял на месте. Я тотчас почувствовал, что он уже не движется ни по земле, ни по воде; ни под водой, ни по воздуху. Не значит ли это, что его изобретатель достиг таинственного убежища, куда до него не ступала нога человека?

И может быть, раз уж он до сих пор не отделался от моей особы, теперь мне удастся, наконец, выведать его тайну?

Читатель, наверное, удивился, узнав, что я мог так крепко спать во время этого воздушного путешествия. Я был удивлен и сам. Вполне возможно, что к моему последнему ужину подмешали какое-нибудь снотворное; очевидно, командир «Грозного» не хотел, чтобы я увидел, где он опустится на землю. Мне запомнилось только ужасное ощущение, которое я испытал, когда лодка, толкаемая двигателем, вместо того чтобы ринуться в пучину водопада, вдруг взлетела, словно птица, в воздух, быстро взмахивая своими широкими и могучими крыльями.

Итак, этот аппарат имеет четыре назначения: он является одновременно автомобилем, судном, подводной лодкой и летательной машиной. Земля, вода, воздух – ему подвластны все эти три стихии, он может передвигаться повсюду, и притом с какой мощью, с какой быстротой! Не-

скольких минут ему достаточно для всех этих чудесных превращений. Один и тот же механизм управляет всеми четырьмя способами передвижения! И я сам был очевидцем этих метаморфоз! Но я пока так и не знал, – хотя, может быть, мне еще предстояло открыть это, – какой источник энергии питает механизм «Грозного» и кто же, наконец, гениальный изобретатель, который, создав этот хитроумный аппарат, управляет им с равным искусством и дерзновением.

В тот момент, когда «Грозный» поднялся над канадским водопадом, я сидел, прислонившись к крышке люка моей каюты. Вечер был светлый, и я имел возможность наблюдать за направлением полета авиатора.⁶ Он летел над рекой и пронесся над Висячим мостом, перекинутым тремя милями ниже водопада Подкова. Здесь начинаются непроходимые пороги Ниагары, которая в этом месте поворачивает к озеру Онтарио.

Пролетев над порогами, аппарат, как мне показалось, стал уклоняться к востоку.

Капитан по-прежнему стоял на корме. Я не стал заговаривать с ним. К чему? Он бы все равно мне не ответил.

Я заметил, что «Грозный» изумительно легко слушается руля. Очевидно, в воздухе он чувствовал себя так же свободно, как в воде или на суше.

Да, видя совершенство этого аппарата, можно было понять непомерную гордость того, кто провозгласил себя «Властелином мира». Он располагал механизмом, оставившим далеко позади все, что вышло из рук человека, – механизмом, против которого люди были бессильны. В самом деле, зачем ему было продавать его, зачем брать предложенные ему миллионы? Да, теперь я понял безграничную уверенность, которой дышала вся фигура этого человека. Но до чего доведет его это безмерное властолюбие? Ведь в конце концов оно может выродиться в настоящее безумие...

Через полчаса после того как «Грозный» поднялся в воздух, я, незаметно для себя, впал в полное забытие. Повторяю, это состояние было, очевидно, вызвано каким-нибудь наркотическим средством. Капитан, должно быть, не хотел, чтобы я знал направление, по которому он следовал.

Поэтому я не могу сказать, продолжал ли «Грозный» свой полет в воздушном пространстве, плыл ли он по поверхности моря, озера, или мчался по дорогам американской территории. О том, что произошло в ночь с 31 июля на 1 августа, у меня не осталось никакого воспоминания.

Каково же будет продолжение этой авантюры и, главное, чем кончится она для меня самого?

Я уже сказал, что в тот момент, когда я очнулся от моего странного оцепенения, «Грозный» стоял неподвижно, – так по крайней мере мне показалось. Впрочем, ошибки быть не могло: каким бы способом ни двигался аппарат, даже если бы он летел по воздуху, я сразу почувствовал бы его движение.

Я лежал в своей каюте, куда меня перенесли без моего ведома; так же поступили со мной в первую ночь, которую я провел на борту «Грозного» во время путешествия по озеру Эри.

Однако позволят ли мне выйти на палубу теперь, когда аппарат стоит на земле?

Я сделал попытку открыть люк, но крышка не поддавалась.

«Ах, вот оно что! – подумал я. – Как видно, меня выпустят лишь тогда, когда „Грозный“ снова поплывет по воде или полетит по воздуху».

И вполне понятно – при этих двух условиях я уже никак не мог бежать.

Читатель поймет мое нетерпение, мое беспокойство, – ведь я совершенно не знал, сколько времени простоит аппарат на суше.

Однако не прошло и четверти часа, как до меня донесся звук отодвигаемых засовов. Кто-то открыл снаружи крышку люка; свет и воздух хлынули в мою каюту.

Одним прыжком я очутился на палубе, на прежнем своем месте.

Взгляд мой быстро obeжал горизонт.

⁶ словом «авиатор» обозначается не только воздухоплаватель, управляющий летательной машиной, но и сама летательная машина (прим. авт.)

Как я и предполагал, «Грозный» стоял на земле. Мы находились в огромной котловине, окружностью в тысячу пятьсот – тысячу восемьсот футов. На всем своем протяжении площадка была покрыта желтоватым гравием, на ней не росло ни травинки.

Котловина имела форму почти правильного овала, тянувшегося с юга на север. Она была окружена стеной скал, но судить о том, какова была высота этих скал и строение хребта, я не мог: над нами стоял густой туман, еще не растаявший от лучей солнца. Местами широкие полосы испарений доходили до песчаного грунта. Видимо, утро еще только начиналось, и этот туман должен был вскоре рассеяться.

Несмотря на самое начало августа, в глубине котловины было довольно прохладно. Это говорило о том, что она находится в одной из гористых местностей. Но в какой именно? Вот это я затруднялся определить. Во всяком случае мы находились в Новом Свете; как ни стремителен был полет «Грозного», он не мог успеть перелететь через Атлантический или Тихий океан, – ведь мы покинули Ниагару никак не более двенадцати часов назад.

В эту минуту из какой-то расщелины, из какого-то грота, образовавшегося у подножья окутанной туманом каменной гряды, вышел капитан.

Время от времени туманная пелена наверху разрывалась, и я видел силуэты громадных птиц, чьи хриплые крики нарушали глубокую тишину. Как знать, быть может, появление этого крылатого чудовища напугало пернатых, – ведь они не могли бы соперничать с ним ни в силе, ни в быстроте полета.

Итак, все подтверждало, что именно здесь было убежище, в котором укрывался «Властелин мира» после своих фантастических путешествий. Именно здесь был гараж для его автомобиля, гавань для его судна, ангар для его летательной машины.

И сейчас «Грозный» неподвижно стоял на дне этой котловины.

Наконец-то я смогу рассмотреть его, – кажется, никто не собирается воспрепятствовать мне в этом. Должен сознаться, что, судя по всему, мое присутствие интересовало капитана сейчас не более, чем оно интересовало его до сих пор. Вот к нему подошли оба его спутника, и вскоре все трое ушли к гроту, о котором я уже упоминал. Итак, мне представляется полная возможность осмотреть аппарат – по крайней мере снаружи. Что до его внутреннего устройства, то тут мне, пожалуй, придется ограничиться областью догадок.

В самом деле, все люки, кроме моего, были закрыты, и я тщетно стал бы пытаться открыть их. Что ж, пожалуй, интереснее всего ознакомиться с двигателем, которым пользуется «Грозный» в своих многочисленных превращениях.

Я соскочил на землю и не спеша приступил к осмотру.

Аппарат имел форму веретена, причем к носу он заострялся сильнее, чем к корме; корпус его был сделан из алюминия, а крылья – из какого-то неизвестного мне материала. Он стоял на четырех колесах, диаметром в два фута, с толстыми шинами, которые обеспечивали плавность движения при любой скорости. Спицы колес расширились в виде лопаток и, вероятно, способствовали ускорению хода на воде и под водой.

Но не эти колеса составляли основной движущий механизм аппарата. Главный двигатель состоял из двух турбин Парсонса, расположенных продольно по обе стороны киля. Движимые с огромной скоростью этими турбинами, винты, врезаясь в воду, вызывали перемещение аппарата в воде, и я даже спрашивал себя, не придают ли они ему также и поступательное движение в атмосфере.

Как бы то ни было, но аппарат держался и передвигался в воздухе благодаря своим широким крыльям, которые, когда машина бездействовала, были прижаты к бокам, словно плавники. Стало быть, изобретатель применил тут принцип «тяжелее воздуха», позволявший ему передвигаться в воздушном пространстве, пожалуй, быстрее самых могучих птиц.

Что до силы, приводившей в действие все части этого сложного механизма, то, повторяю, этой силой могло быть только электричество. Но из какого источника получают его аккумуляторы? Нет ли где-нибудь поблизости питающей их электрической станции? Может быть, в одной из пещер этой котловины работают динамомашины?

Итак, в результате моего осмотра выяснилось, что у аппарата есть колеса, турбины, крылья, но я ничего не узнал ни о его механизме, ни о силе, приводящей его в движение. Ну, а если бы даже я и открыл эту тайну? Чтобы воспользоваться ею, надо было оказаться на свободе, а после того, что я видел, – хоть я видел очень мало, – «Властелин мира» ни за что не выпустит меня отсюда.

Правда, оставалась еще возможность побега. Но представится ли случай? И если уж мне не удалось бежать во время путешествий «Грозного», то удастся ли побег теперь, когда он стоит в этой скалистой крепости?»

Прежде всего надо было определить, где находится котловина, в которую опустился аппарат. Существует ли здесь сообщение с внешним миром? Есть ли выход из этого каменного мешка? Можно ли проникнуть сюда без помощи летательной машины? В какой части Соединенных Штатов мы находимся?.. Как ни быстро летел «Грозный», он не мог, вылетев только накануне, уйти за пределы Америки и вообще Нового Света и опуститься в Старом. Вряд ли в течение одной ночи он успел пройти более нескольких сот миль.

В голове у меня уже несколько раз мелькало одно предположение, которое, пожалуй, стоило обдумать и, быть может, принять за истину. Что, если «Грозный» выбрал местом своей стоянки именно Грейт-Эйри? Ведь ему ничего не стоило проникнуть туда. Что возможно для коршунов и орлов, возможно и для него. Это недоступное гнездо так хорошо скрыто от людских глаз, что наша полиция не в силах его отыскать, и там «Властелин мира» мог бы считать себя в полной безопасности. Кроме того, расстояние между Ниагарским водопадом и этой частью Голубых гор не превышает четырехсот пятидесяти миль, которые «Грозный» вполне мог пролететь за двенадцать часов.

Да! Постепенно эта мысль вытесняла все остальные. И связь между Грейт-Эйри и автором письма с инициалами становилась очевидной. Угрозы по моему адресу, запрещение возобновлять поиски, слежка за мной на Лонг-стрит, явления, происходившие на Грейт-Эйри, – все это было следствием обстоятельств, пока еще мне непонятных, но связанных с этим человеком. Да! Это Грейт-Эйри!.. Грейт-Эйри!.. Но если в прошлый раз я не смог проникнуть сюда, то вряд ли мне удастся выйти отсюда, – разве только на борту «Грозного».

Ах, поскорей бы рассеялся туман! Я, может быть, узнаю местность, и тогда моя догадка превратится в уверенность.

Поскольку мне была предоставлена полная свобода и ни капитан, ни его люди не обращали на меня внимания, я решил обойти всю котловину.

В эту минуту все трое находились в гроте, на северном конце площадки, поэтому я начал свой осмотр с южного.

Я пошел вдоль каменной стены, основание которой было изрыто многочисленными расщелинами. В верхней своей части она была почти совершенно гладкой; то была порода полевого шпата, преобладающая горная порода цепи Аллеганских гор. Но как высока была эта стена, каковы были очертания ее гребня, – этого я еще не знал; надо было ждать, пока ветер или солнечные лучи разгонят туман.

Я продолжал обходить каменную громаду. Заглядывая в полутемные пещеры, я видел там обломки досок, кучки высохшей травы; следы шагов капитана и его спутников были еще заметны на песке.

Эти люди так и не показывались. Видимо, они были заняты чем-то в гроте, перед которым лежало несколько тюков. Похоже на то, что они хотят перенести тюки на борт «Грозного» и собираются навсегда расстаться с этим убежищем...

За полчаса я обошел всю котловину и вернулся к середине площадки. Кое-где я видел на земле толстый слой побелевшей от времени золы. Местами валялись обломки обуглившихся бревен и досок, балки, на которых еще сохранились железные скрепы, покоробленные от огня металлические части – остатки какого-то уничтоженного пламенем механизма.

Судя по всему, на этой площадке совсем недавно происходил пожар, и, может быть, не случайный. Как же мне было не сопоставить этот пожар с явлениями, замеченными на Грейт-

Эйри, – с пламенем, которое видели над каменной стеной, с теми звуками, которые так сильно напугали обитателей Плезент-Гардена и Моргантона?..

Но что же это за материалы, что за металлические части и зачем понадобилось капитану уничтожать их?

В эту минуту сильный порыв ветра пронесся с востока, и небо мгновенно очистилось от тумана. Яркие лучи солнца, еще не достигшие зенита, залили площадку.

Я невольно вскрикнул.

На высоте около ста футов открылся верхний гребень каменной стены. И на востоке передо мной вдруг вырос знакомый силуэт – силуэт скалы, своими очертаниями напоминающий орла...

Это была та самая скала, которую видели мы с мистером Элиасом Смитом, когда поднимались на Грейт-Эйри.

Итак, сомнения нет! Минувшей ночью «Грозный» перелетел с озера Эри в Северную Каролину. Здесь, на этой площадке, находится его стоянка. Здесь скрывается гнездо, достойное могучей гигантской птицы, созданной гением ее изобретателя, – неприступная крепость, взять которую способен был только «Грозный». И, быть может, в одной из этих глубоких пещер есть подземный ход, который связывает капитана с внешним миром и позволяет ему покинуть Грейт-Эйри, оставляя здесь свой аппарат...

Теперь я понял все!. Я понял, что означало первое письмо, присланное с Грейт-Эйри и угрожавшее мне смертью. Как знать? Возможно, что, если бы нам удалось тогда проникнуть в эту котловину, мы застигли бы «Властелина мира» врасплох и сумели бы открыть его тайну...

Взволнованный, я стоял неподвижно, устремив взгляд на каменного орла. Я думал о том, не должен ли я, – хотя бы и с риском для жизни, – не должен ли я сделать попытку уничтожить этот аппарат, пока он не успел возобновить свой полет через весь «мир».

Послышались шаги.

Я обернулся.

Ко мне подходил капитан. Он остановился и посмотрел мне прямо в лицо.

Я больше не мог сдерживать своих чувств.

– Грейт-Эйри!.. Это Грейт-Эйри! – вырвалось у меня.

– Да, инспектор Строк!..

– А вы, вы – «Властелин мира»?

– Да, того самого мира, который уже убедился однажды, что я – могущественнейший из смертных.

Я остолбенел от изумления.

– Как?! Так, значит, вы...

– Да, – сказал он, горделиво поднимая голову. – Я – Робур... Робур-Завоеватель.

16. РОБУР-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Средний рост, плотная фигура, напоминающая почти правильную трапецию, причем большее ее основание образует линия плеч. Эту линию венчает большая, круглая, как шар, голова, крепко сидящая на могучей шее. Глаза, готовые засверкать при малейшем возбуждении, а над ними постоянно сдвинутые брови, говорящие, о неукротимой энергии. Коротко остриженные, чуть курчавые волосы с металлическим оттенком напоминают железные стружки. Широкая грудь подымается и опускается, как кузнечные мехи. Руки и ноги – такие же могучие, как все туловище. Ни усов, ни бакенбард. Широкая бородка на американский лад не закрывает челюстных мускулов, обладающих, очевидно, страшной силой.

Таков был портрет этого необыкновенного человека, помещенный во всех газетах Соединенных Штатов 13 июня 18... года, на следующий день после того как оригинал этого портрета вызвал сенсацию, появившись на заседании Уэлдонского клуба в Филадельфии.

Я говорю о Робуре-Завоевателе, ибо не кто иной, как он, назвал мне сейчас свое имя, прозвучавшее словно угроза. И где же? На вершине Грейт-Эйри!

Здесь необходимо вкратце напомнить о событиях, сделавших Робура центром внимания всей страны.⁷ Ведь они-то и повлекли за собой изумительные приключения, которые составляют предмет нашего повествования и развязку которых не мог бы предвидеть человеческий, ум.

Вечером 12 июня, в Филадельфии, происходило заседание Уэлдонского клуба. Председательствовал некий мистер Прудент, один из наиболее почтенных граждан столицы штата Пенсильвания; секретарем был Фил Эванс, не менее значительное в городе лицо. Обсуждался важный вопрос об управляемости воздушных шаров. Благодаря стараниям администрации клуба был построен аэростат емкостью в сорок тысяч кубических метров – так называемый «Go ahead».⁸ Движение шара по горизонтали должно было осуществляться при помощи легкого, но мощного электродвигателя, вращающего винт. На этот двигатель возлагали большие надежды. Но в какой же части шара следовало установить винт? Позади гондолы пилота, – говорили одни; перед гондолой, – говорили другие.

Вопрос этот все еще не был разрешен, и в тот день сторонники двух противоположных мнений особенно разгорячились. Дело дошло до того, что некоторые члены Уэлдонского клуба уже готовы были схватиться врукопашную, как вдруг, в самом разгаре стычки, какой-то незнакомец попросил разрешения войти в зал заседаний.

Он назвал себя Робуром и потребовал слова. Выступив среди всеобщего молчания, он проявил в вопросе об управлении воздушных шаров большую осведомленность и заявил, что если человек стал хозяином морен благодаря парусу, колесу и винту, то воздушное пространство он сможет завоевать лишь тогда, когда будет пользоваться «аппаратом тяжелее воздуха», ибо это – необходимое условие для свободы передвижения.

То был извечный спор между воздухоплаванием и авиацией. На этом заседании, где преобладали сторонники теории «легче воздуха», он возобновился с такой остротой, что Робур, которого противники тут же наделили иронической кличкой «Завоеватель», вынужден был покинуть зал.

А спустя несколько часов после ухода этого странного гостя председатель и секретарь Уэлдонского клуба стали жертвами самого дерзкого нападения. Они шли по Фэрмонтскому парку в сопровождении слуги мистера Прудента – Фриколлина, как вдруг какие-то люди набросились на них, заткнули им рты, связали руки, а потом, несмотря на сопротивление, потащили их по безлюдным аллеям и посадили в какой-то аппарат, стоявший посреди одной из полян парка. И, когда рассвело, пленники Робура увидели, что они несутся в воздушном пространстве над неведомой им страной.

Итак, мистер Прудент и Фил Эванс имели возможность на личном опыте убедиться в том, что вчерашний оратор не обманывал их, что он действительно обладает летательной машиной, основанной на принципе «тяжелее воздуха», которая, к счастью или к несчастью, дала им возможность совершить необыкновенное путешествие.

Этот аппарат, сконструированный и построенный инженером Робуром, был основан на двойном действии винта, который, вращаясь, движется в направлении своей оси; Если ось винта вертикальна, аппарат перемещается в вертикальном направлении, если ось горизонтальна, движение происходит по горизонтали. Это своего рода геликоптер; он поднимается вверх потому, что его винты, косо ударяя по воздуху, создают подъемную силу.

«Альбатрос» (так назывался этот аппарат) представлял собой сооружение длиною в тридцать метров, с двумя воздушными винтами поступательного движения – на носу и на корме. Летательный аппарат был снабжен системой из тридцати семи подъемных воздушных винтов, укрепленных на вертикальных осях: по пятнадцати с обеих сторон и семь повыше остальных в середине аппарата. Итак, там было тридцать семь мачт, но они несли не паруса, а винты, которым машины, поставленные в рубках, сообщали необычайно сильное вращательное движение.

⁷ см. роман Жюль Верна «Робур-Завоеватель»

⁸ "Вперед» (англ.)

Что касается энергии, которая поддерживала и двигала аппарат в воздухе, то ее доставлял не водяной пар или пар какой-либо иной жидкости, не сжатый воздух или какой-то другой упругий газ. Это не была также смесь каких-либо взрывчатых веществ. Нет, «Альбатрос» приводился в движение той силой, которая применяется и для многих других целей, – электричеством. Однако как и откуда черпал изобретатель электричество для того, чтобы заряжать аккумуляторы? Весьма вероятно (ведь его тайна так и осталась неразгаданной), что он извлекал энергию из окружающего воздуха, всегда в большей или меньшей степени заряженного электричеством, подобно тому как знаменитый капитан Немо, погружая свой «Наутилус» в глубь океана, извлекал электричество из окружающей воды.

И надо признаться, что ни Пруденту, ни Эвансу не удалось открыть эту тайну за все время их воздушного путешествия на «Альбатросе» над земным шаром.

Экипаж, бывший в распоряжении инженера Робура, состоял из пилота по имени Джон Тэрнер, трех механиков, двух помощников и повара. Этих восьми человек было вполне достаточно для обслуживания воздушного корабля.

«При помощи моей летательной машины я властвую над седьмой частью света, более обширной, чем Австралия, Океания, Азия, Америка и Европа, над воздушной Икарией – этим необъятным царством атмосферы, – которая в ближайшем будущем станет достоянием тысяч икарийцев!» – так говорил Робур двум пассажирам «Альбатроса», его спутникам поневоле.

И вот началось это богатое приключениями путешествие на борту «Альбатроса», прежде всего – над бескрайними просторами Северной Америки. Тщетно Прудент и Эванс заявляли вполне понятные протесты; по праву сильного, Робур отверг их, и пленникам пришлось уступить, вернее склониться перед этим правом.

Мчась к западу, «Альбатрос» миновал громадную цепь Скалистых гор и равнины Калифорнии; потом, оставив позади Сан-Франциско, он пролетел над северной частью Тихого океана вплоть до полуострова Камчатка. Перед взорами пассажиров «Альбатроса» развернулась панорама Небесной империи, и Пекин, столица Китая, открылся пред ними, окруженный четырьмя рядами своих стен. С помощью подъемных винтов воздушный корабль взлетел еще выше и пронесся над седыми вершинами Гималайских гор, покрытыми вечными снегами и сверкающими ледниками. Неуклонно устремляясь на запад, он пролетел над Персией и Каспийским морем; затем, миновав границу Европы, показался над степями России и над Волгой. Его видели над Москвой и над Петербургом, его заметили жители Финляндии и рыбаки в Балтийском море. Пронесшись над Швецией у параллели Стокгольма и над Норвегией, на широте Христианин, он повернул к югу, пролетел на высоте тысячи метров над Францией, и, опустившись над Парижем до высоты каких-нибудь ста футов, осветил эту великую столицу ослепительными лучами своих прожекторов. Наконец промелькнули Италия с Флоренцией, Римом, Неаполем и Средиземное море, над которым «Альбатрос» пронесся косым полетом. Затем он достиг берегов необъятной Африки и пролетел над нею от мыса Эспартель в Марокко вплоть до Египта – над Алжиром, Тунисом и Триполи. Повернув затем к Тимбукту, этой жемчужине Судана, он отважился на полет над Атлантическим океаном.

И все время, неуклонно, несся он на юго-запад. Ничто не могло остановить его полет над этой необъятной водной равниной – ни бури, разражавшиеся здесь с необычайной силой, ни даже ужасный смерч, который закрутил его в вихре и над которым благодаря самообладанию и ловкости своего пилота он восторжествовал, разбив водяной столб выстрелами из пушки.

Когда вновь показалась земля – это было у входа в Магелланов пролив, – «Альбатрос» пролетел над ней с севера на юг, миновал мыс Горн и понесся дальше – над южной частью Тихого океана.

Не устранившись пустынного Антарктического моря, выдержав бой с циклоном, причем ему удалось прорваться к его центру, где было относительно спокойно, Робур начал полет над почти неисследованной Землей Грейама. Освещенный великолепным заревом южного полярного сияния, «Альбатрос» несколько часов парил над полюсом, но тут, увлекаемый новым ураганом, он чуть было не налетел на изрыгавший пламя вулкан Эребус и спасся только чудом.

Наконец, в последних числах июля, изменив курс и снова повернув к Тихому океану, воздушный корабль остановился над каким-то островом Индийского океана и, зацепившись якорем за прибрежную скалу, поддерживаемый в воздухе своими подъемными винтами, впервые за все время путешествия, неподвижно замер в ста пятидесяти футах от земли.

Остров этот, как впоследствии узнали мистер Прудент и его спутник, был остров Чатам, расположенный в пятнадцати градусах на восток от Новой Зеландии. Аэронеф остановился здесь лишь потому, что во время последнего урагана его двигатели получили повреждение и требовали ремонта, без которого он не мог бы долететь до острова Икс, – до него оставалось еще две тысячи восемьсот миль. На этом неизвестном острове в Тихом океане и был сооружен «Альбатрос».

Прудент и Эванс отлично понимали, что после ремонта Робур немедленно возобновит свое бесконечное путешествие. Поэтому сейчас, когда «Альбатрос» посредством якорного каната был прикреплен к земле, обстоятельства показались им благоприятными для попытки к бегству.

Этот якорный канат имел в длину всего сто пятьдесят футов. Цепляясь за него, оба путешественника и их слуга Фриколлин могли бы без труда спуститься на землю, причем ночью это можно было сделать без особого риска. Но на рассвете побег все равно был бы обнаружен, а так как с острова Чатам уйти некуда, беглецов снова захватили бы в плен.

И вот у них созрел дерзкий план: взорвать аппарат с помощью динамитного патрона, взятого из судовых запасов, сломать его могучие винты и уничтожить вместе с изобретателем и экипажем. Сами они успеют спуститься по канату, прежде чем произойдет взрыв, и будут свидетелями гибели «Альбатроса», от которого не останется и следа.

Замысел был приведен в исполнение. Как только стемнело, они подожгли шнур, и все трое незаметно соскользнули на землю. Однако в эту минуту их бегство было обнаружено: с борта воздушного корабля полетели ружейные пули, не задевшие, правда, ни одного из беглецов. Тут Прудент бросился к якорному канату и перерезал его. Винты «Альбатроса» не действовали; он был подхвачен ветром, взорвался и погрузился в воды Тихого океана.

Как мы помним, мистер Прудент, Фил Эванс и слуга Фриколлин исчезли в ночь с 12 на 13 июня, по выходе из Уэлдонского клуба. С тех пор о них не было никаких известий. Люди не знали, что думать. Никому, конечно, и в голову не приходило, что между этим загадочным исчезновением и выступлением Робур а на достопамятном заседании могла существовать какая-то связь.

Однако коллеги двух почтенных членов клуба были обеспокоены их отсутствием. Начались розыски, в дело вмешалась полиция, во все части Старого и Нового Света полетели телеграммы. Это не дало никаких результатов. И премия в пять тысяч долларов, обещанная любому гражданину, который доставил бы какие-либо сведения о пропавших, так и осталась в кассе Уэлдонского клуба.

Таково было положение вещей. Я отлично помню, какое волнение царило повсюду, особенно в Соединенных Штатах.

И вот 20 сентября в Филадельфии, а вслед за тем и за ее пределами, распространилась сенсационная весть: мистер Прудент и Фил Эванс вернулись в свой клуб.

В тот же вечер приглашенные на заседание члены клуба с восторгом приветствовали двух своих коллег. На все предложенные им вопросы путешественники отвечали весьма сдержанно или, вернее сказать, вовсе не отвечали. Но вот что стало известно несколько позже.

После своего побега и гибели «Альбатроса» Прудент и Эванс стали ждать случая выбраться с острова Чатам, а пока что занялись поисками пищи и жилья. На западном побережье они встретили племя туземцев, которые приняли их довольно дружелюбно. Но остров этот очень пустынен, корабли заходят сюда крайне редко, поэтому им пришлось вооружиться терпением, и только пять недель спустя этим злополучным воздухоплавателям удалось сесть на корабль, который и доставил их в Америку.

Чем же занялись мистер Прудент и Фил Эванс сразу по возвращении на родину? Разумеется, прерванной работой по сооружению аэростата «Вперед», – им не терпелось снова подняться в воздух, в верхние слои воздушного океана, по которому они только что плавали в качестве плен-

ников на борту аэронефа. Они не были бы истинными американцами, если бы поступили иначе.

Двадцатого апреля следующего года воздушный шар был готов и собирался вылететь под управлением знаменитого воздухоплователя Гарри Тиндера. Председатель и секретарь Уэлдонского клуба должны были его сопровождать.

Следует добавить, что со времени их возвращения о Робуре не было никаких известий. Впрочем, имелись все основания полагать, что после взрыва на «Альбатросе», поглощенном пучиной Тихого океана, карьера этого отважного искателя приключений была кончена навсегда.

День, назначенный для подъема аэростата, наконец, наступил. Затерявшись в многотысячной толпе зрителей, я тоже был в Фэрмонтском парке. Благодаря своим огромным размерам «Вперед» должен был подняться на небывалую высоту. Кстати сказать, пресловутый вопрос о том, где ставить винт – спереди или сзади, – был разрешен столь же простым, сколь и логическим путем: один винт поставили перед гондолой, другой – позади нее, причем электрический мотор должен был вращать их со скоростью, донныне неизвестной. При всем этом – благоприятнейшая погода, безоблачное небо и ни малейшего ветерка.

В двадцать минут двенадцатого пушечный выстрел возвестил нетерпеливой толпе, что «Вперед» готов к подъему.

– Отдать канат! – торжественно провозгласил сам мистер Прудент.

Аэростат величественно и медленно поднялся в воздух. Затем начался опыт движения по горизонтали. Этот маневр увенчался блестящим успехом.

И вдруг раздался крик, мгновенно подхваченный сотысячной толпой.

На северо-западе показалось движущееся тело, приближавшееся с невероятной быстротой.

Это был тот самый аэронеф, который в прошлом году похитил двух членов Уэлдонского клуба и совершил вместе с ними полет над Европой, Азией, Африкой и Америкой.

– «Альбатрос»! «Альбатрос»!

Да, это был он, и, без сомнения, изобретатель аэронефа – Робур-Завоеватель – находился на борту.

Каково было изумление Прудента и Эванса, когда они увидели тот самый «Альбатрос», который считали уничтоженным. Да, «Альбатрос» действительно был уничтожен взрывом, и его обломки вместе с инженером и всем экипажем упали в Тихий океан. Но почти тотчас же проходившее мимо судно подобрало тонувших людей и отвезло их в Австралию, откуда они не замедлили добраться до острова Икс.

Робуром владела теперь одна мысль – мысль о мщении. Для этого он построил второй аэронеф, быть может еще более совершенный. Узнав о том, что председатель и секретарь Уэлдонского клуба, его бывшие пассажиры, готовятся возобновить опыты с воздушным шаром, он прилетел в Соединенные Штаты и в назначенный день, в назначенный час оказался на месте.

Неужели эта гигантская хищная птица бросится сейчас на воздушный шар? Быть может, Робур, желая отомстить, захочет в то же время публично доказать превосходство аэронефа над аэростатом и всеми другими аппаратами, построенными на принципе «легче воздуха»?

Сидя в своей гондоле, Прудент и Эванс прекрасно поняли грозившую им опасность, поняли, какая участь их ждет. Надо было убежать, но не по горизонтали, – тут «Альбатрос» мог легко опередить их, – нет, надо было подняться в верхние слои атмосферы, где, может быть, они еще могли надеяться ускользнуть от своего страшного противника.

Итак, «Вперед» поднялся на высоту в пять тысяч метров. «Альбатрос» последовал за ним, и, как писали газеты, отчеты которых хорошо сохранились в моей памяти, он летел, все более сужая круги и зажимая «Вперед» в тесное кольцо; Не собирается ли он наскочить на аэронеф и пробить его хрупкую оболочку?

Выбросив часть своего балласта, «Вперед» поднялся еще на тысячу метров. «Альбатрос», сообщив своим винтам максимальную скорость вращения, поднялся следом.

И вдруг произошел взрыв: в разреженном воздухе давление усилилось, оболочка воздушного шара лопнула, и, сморщившись, он начал быстро падать вниз.

Тогда «Альбатрос» бросился к аэростату, но не для того, чтобы прикончить его, а для того,

чтобы оказать помощь. Да, забыв о мести, Робур подлетел к аэростату, и его люди, схватив Прудента, Эванса и пилота Тиндера, помогли им перейти на палубу «Альбатроса». А потом воздушный шар упал, как огромный лоскут, на деревья Фэрмонтского парка.

Публика едва дышала от волнения и страха.

Что произойдет теперь, когда председатель и секретарь Уэлдонского клуба снова превратились в пленников инженера Робура? Что сделает Робур? Умчит их с собой в пространство, и на этот раз навсегда?

Но все сомнения сразу рассеялись. Пробыв несколько минут на высоте пяти или шести сот метров, «Альбатрос» начал спускаться, словно собираясь сесть на лужайке парка. Но ведь, если он окажется близко от земли, возбужденная толпа может броситься на аэронеф, – она не упустит случая завладеть Робуром-Завоевателем.

«Альбатрос» спускался все ниже и, очутившись всего в пяти или шести футах от земли (его подъемные винты продолжали действовать), наконец остановился.

Толпа хлынула к лужайке.

Тогда раздался голос Робура. Привожу его слова буквально:

– Граждане Соединенных Штатов! Председатель и секретарь Уэлдонского клуба снова в моей власти. Оставив их у себя, я только воспользовался бы своим правом – правом возмездия. Но, видя, какие бурные страсти возбуждает успех «Альбатроса», я понял, что люди еще не в состоянии оценить тот важный переворот, который несете собой завоевание воздуха! Мистер Прудент, фил Эванс, вы свободны.

Председатель и секретарь Уэлдонского клуба, а также пилот Тиндер в одно мгновение соскочили на землю, а аэронеф поднялся футов на тридцать от земли и оказался таким образом в полной безопасности от нападения.

– Граждане Соединенных Штатов! – продолжал Робур. – Мой опыт завершен, но еще не настал час поделиться им с вами. Еще не пришло время примирять между собой противоположные и противоречивые интересы. Поэтому я уйду и уношу с собой свою тайну. Она не будет потеряна для человечества, люди узнают ее тогда, когда будут достаточно подготовлены и научатся не злоупотреблять ею. Итак, прощайте, граждане Соединенных Штатов!

Подъемные и толкающие винты заработали, и, провожаемый восторженными возгласами толпы, «Альбатрос» полетел на восток.

Я потому привел эту сцену во всех подробностях, что она дает представление о нравственном облике этого странного человека. По-видимому, в то время он не питал еще никаких враждебных чувств к человечеству. Он только хранил свою тайну для будущего. Но, без сомнения, в его тоне, в выражении его лица уже тогда ощущалась непоколебимая уверенность в себе, в своей гениальности, непомерная гордость, вызванная сознанием своей сверхчеловеческой мощи.

Что же удивительного, если все эти чувства постепенно усилились в нем до такой степени, что он вознамерился подчинить себе весь мир, – как это видно из его последнего письма и его многозначительных угроз. И, по-видимому, с течением времени его умственное возбуждение дошло до такой степени, что грозило уже перейти в настоящее безумие.

Что касается дальнейших поступков Робура, улетевшего на своем «Альбатросе», то, сопоставляя известные мне факты, я легко мог восстановить их в своем воображении. Этот необыкновенный изобретатель не ограничился созданием летательной машины, даже и такой совершенной. Он задумал построить аппарат, способный двигаться и по земле, и по воде, и под водой, и по воздуху. И, по-видимому, опытные механики, умеющие хранить тайну, создали такой аппарат на острове Икс. А затем второй «Альбатрос» был уничтожен, и безусловно это произошло именно здесь, в этом каменном гнезде Грейт-Эйри, недостижимом для остальных людей. Вот тогда-то на дорогах Соединенных Штатов, в соседних морях и в воздушных пространствах Америки появился «Грозный». Читателю уже известно о том, как он ушел от миноносцев, гнавшихся за ним на озере Эри, как он поднялся в воздух, между тем как я – я был пленником на его борту.

17. «ИМЕНЕМ ЗАКОНА!»

Чем-то кончится мое приключение?.. Могу ли я повлиять на его развязку – близкую или далекую? Или только Робур держит ее в своих руках? Мне, вероятно, никогда не удастся бежать, как это сделали Прудент и Эванс на острове Чатам. Надо ждать. Однако сколько же времени продлится это ожидание?

Так или иначе, но если мое любопытство и было удовлетворено, то только в отношении тайны Грейт-Эйри. Переступив, наконец, за этот каменный пояс, я узнал причину явлений, наблюдавшихся в районе Голубых гор. Я был теперь уверен в том, что населению этого округа Северной Каролины, жителям Плезент-Гардена и Моргантона не угрожает ни извержение вулкана, ни землетрясение. Здесь нет и следа разрушительной работы подземного огня. В этой части Аллеганских гор нет никакого кратера. Грейт-Эйри служит убежищем Робуру-Завоевателю, вот и все. Должно быть, случайно натолкнувшись во время своих полетов на это неприступное «Орлиное гнездо», он использовал его для хранения своего оборудования и продовольствия, видимо, чувствуя себя здесь в большей безопасности, нежели на острове Икс в Тихом океане.

Да, я проник в тайну Грейт-Эйри, но о чудесном аппарате и о том, как он приводится в движение, – об этом я в сущности так ничего и не узнал. Допустим, что его сложный механизм приводится в действие электричеством и что с помощью каких-то новейших способов он, подобно «Альбатросу», извлекает это электричество из окружающего воздуха... Но как же все-таки сконструирован этот механизм? Мне не дали и не дадут возможности его рассмотреть.

Размышляя о своей участи, я говорил себе: «Властелин мира» хочет остаться неизвестным, это несомненно. Что касается аппарата, то, если вспомнить угрозы, высказанные в письме его изобретателем, от него, пожалуй, следует ждать скорее зла, чем добра. Робур сумел сохранить свое инкогнито в прошлом и, конечно, захочет сохранить его в будущем. Но ведь только один человек способен установить тождество между «Властелином мира» и Робуром-Завоевателем, и этот человек – я, его пленник. Только я один имею право и даже обязан положить руку ему на плечо и арестовать его именем закона.

Могу ли я ждать помощи извне? Об этом нечего и думать. Начальству, конечно, уже известно все, что произошло в бухте Блек-Рок. Джон Харт и Нэб Уокер вернулись, очевидно, вместе с Уэлсом в Вашингтон, обо всем рассказали мистеру Уорду, и тот не может теперь создавать себе иллюзий относительно моей участи. Либо он думает, что я утонул в тот момент, когда «Грозный», выходя из бухты Блек-Рок, потащил меня за собой на конце каната, либо считает, что меня взяли на борт «Грозного» и что я нахожусь во власти его командира.

В первом случае ему остается лишь оплакивать покойного Джона Строка, главного инспектора вашингтонской полиции.

Во втором случае... и во втором случае он тоже вряд ли может надеяться когда-либо увидеть своего помощника».

Как известно, остаток ночи 31 июля и весь следующий день «Грозный» плыл по поверхности озера Эри. Около четырех часов, вблизи Буффало, за ним погнались два миноносца, но все-таки, то уносясь вперед, то погружаясь в воду, «Грозный» сумел уйти от них. Они продолжали преследовать его и на Ниагаре, но затем вынуждены были остановиться, так как течение грозило унести их к водопаду. Уже смеркалось, и на борту миноносцев решили, вероятно, что «Грозный» погиб в пучине Ниагары. А потом стало еще темнее, и вряд ли кто-нибудь заметил аппарат в тот момент, когда он взлетел над водопадом Подковой или позднее, во время его воздушного путешествия до Грейт-Эйри.

Но вернемся ко мне. Решусь ли я заговорить с Робуром? И соблаговолит ли он выслушать меня? Он назвал мне свое имя, – разве этого не довольно? Ведь, наверное, он считает, что это имя уже само по себе является ответом на все вопросы.

День проходил, не принося никаких перемен. Робур и его помощники все время хлопотали около аппарата, механизм которого требовал различных исправлений. Из этого я заключил, что он собирается вскоре возобновить свое путешествие и, видимо, возьмет меня с собой. Впрочем, он может оставить меня в этой котловине, – ведь уйти отсюда я не смогу, а продовольствия мне

хватит надолго...

Я внимательно наблюдал за Робуром, – казалось, он был во власти какой-то непрерывной экзальтации. Что замышлял его воспаленный мозг? Какие планы на будущее строил этот безумец? В какие края думал лететь? Собирался ли привести в исполнение высказанные в письме угрозы?

Первую ночь на Грейт-Эйри я проспал на куче высохшей травы в одной из пещер, куда мне принесли и пищу. 2 и 3 августа Робур и его помощники были всецело заняты своей работой и почти не разговаривали. Рассчитывая, очевидно, на длительное воздушное путешествие, они перенесли на «Грозный» свежий запас провизии. Уж не намеревался ли Робур снова посетить этот остров Икс, затерянный посреди бескрайних просторов Тихого океана?.. В задумчивости он бродил по площадке, потом вдруг останавливался и поднимал руку к небу, словно угрожая богу, тому богу, с которым он стремился разделить власть над миром... Что, если непомерная гордыня приведет его к безумию? Его спутники, не менее сумасбродные, чем он сам, не в силах будут его остановить. Какие невероятные приключения ждут их впереди! Ведь даже в те времена, когда в распоряжении Робура был только аэронеф, – уже и тогда он мнил себя сильнее стихий, с которыми так дерзко боролся. Теперь же к его услугам и земля, и вода, и воздух – бесконечные пространства, где никто не может его настигнуть...

Итак, будущее грозило мне самыми ужасными катастрофами. Бежать из Грейт-Эйри до того, как меня увлекут в новое путешествие, было невозможно. Едва ли удастся скрыться и тогда, когда «Грозный» окажется в воздухе или на воде. Вот разве только – на суше, да и то, если автомобиль почему-либо замедлит ход. Слабая надежда, не так ли?..

Как известно, в день прибытия в котловину Грейт-Эйри я уже пробовал задать Робуру вопрос относительно моей дальнейшей участи, но тщетно. Сегодня я решился на новую попытку.

В полдень я ходил взад и вперед перед центральным гротом. Робур, стоя у входа, пристально следил за мной взглядом. Мне показалось, что он хочет заговорить со мной.

Я подошел.

– Капитан, – сказал я, – я уже предлагал вам этот вопрос, но вы не пожелали мне ответить... Повторяю: что вы намерены со мной сделать?

Мы стояли лицом к лицу, на расстоянии двух шагов. Он посмотрел на меня, скрестив руки, и его взгляд ужаснул меня. Ужаснул? Да, именно так. Это был взгляд человека, не владеющего рассудком, взгляд, в котором уже не было ничего человеческого.

Я повторил еще более решительно:

– Что вы намерены со мной сделать? Отпустите ли вы меня на свободу?

На секунду мне показалось, что Робур готов нарушить свое молчание... Но нет, видимо, он был всецело во власти своей навязчивой идеи. Он опять протянул руку к небу – жест, который я подметил у него еще утром, когда он прохаживался по площадке. Казалось, что какая-то непреодолимая сила влечет его туда, в верхние слои атмосферы, что он уже не принадлежит земле, что ему предназначено жить в воздушном пространстве, стать вечным гостем воздушного океана...

Не ответив мне, вероятно даже не расслышав моих слов, Робур вошел в грот. Тэрнер последовал за ним.

Сколько времени собирался Робур оставаться в Грейт-Эйри, сколько времени должна была продлиться эта передышка, – этого я не знал, но 3 августа, после обеда, я заметил, что работы по ремонту механизма были закончены, а складочные помещения аппарата заполнены провизией. Тэрнер и его спутник принесли к центру площадки пустые ящики, доски и балки, по-видимому остатки корпуса первого «Альбатроса», пожертвованного ради создания новой машины. Всю эту груду обложили сухой травой. Должно быть, Робур покидал это убежище, чтобы больше сюда не возвращаться.

И действительно, ведь он знал, что вершина Грейт-Эйри уже один раз привлекла к себе общественное внимание, что одна попытка проникнуть туда уже была сделана... Стало быть, он имел основания опасаться второй попытки, которая могла оказаться более успешной, и хотел уничтожить всякие следы своего пребывания.

Солнце скрылось за вершинами Голубых гор. Только вершина Блек-Доум на северо-западе еще пламенела. Для того чтобы возобновить свой полет, «Грозный», видимо, ждал наступления темноты. Никто не знал, что из автомобиля и лодки он мог превращаться в летательную машину. Ведь до сих пор его никогда не видели в воздухе. Быть может, это четвертое превращение аппарата «Властелин мира» покажет лишь тогда, когда захочет осуществить свои безрассудные угрозы?

Около девяти часов вечера глубокий мрак окутывал котловину. Ни одной звезды на небе, потемневшем от набежавших с востока густых туч. Появление «Грозного» не могло теперь быть замечено ни с суши, ни с моря.

Тогда Тэрнер подошел к костру, сложенному посередине площадки, и поджег сухую траву.

В одно мгновение все запылало. Из облаков густого дыма поднялись длинные языки пламени, которые взлетали выше каменных стен Грейт-Эйри. Жители Моргантона и Плезент-Гардена еще раз должны были подумать, что проснулся вулкан и что это пламя возвещает близость извержения...

Я смотрел на пожар, слушал потрескивание горящего дерева. Робур, стоя на палубе «Грозного», тоже смотрел на костер.

Тэрнер с товарищем швыряли обратно в костер головни, выбрасываемые оттуда силою огня.

Постепенно пламя угасло. Остался лишь густой слой пепла, и во мраке ночи снова воцарилась тишина.

Вдруг я почувствовал, как кто-то схватил меня за руку. Это был Тэрнер. Он тащил меня к аппарату. Сопrotивляться было бесполезно, да в сущности и незачем. Все что угодно, только бы не остаться одному в этой каменной тюрьме.

Как только я очутился на палубе, Тэрнер и его товарищ вскочили вслед за мной; последний встал на носу, а Тэрнер спустился в машинное отделение, и я заметил, что оно было освещено электрическими лампочками, свет которых, однако, не проникал наружу.

Робур занял место на корме у регулятора, чтобы следить за направлением и скоростью полети.

Меня же снова втокнули в мою каюту, и крышка люка захлопнулась над моей головой. Значит, и в эту ночь мне не позволено будет наблюдать за воздушными маневрами «Грозного», как тогда, при полете над Ниагарским водопадом.

Однако если я не мог видеть, что происходило на борту, то мог отчетливо слышать шум мотора. У меня даже было такое ощущение, словно мы медленно отрываемся от земли и поднимаемся кверху. Аппарат несколько раз качнулся, потом нижние турбины быстро завертелись, и я услышал мерные взмахи могучих крыльев.

Итак, «Грозный» покинул Грейт-Эйри, и, должно быть, навсегда. Он «отчалил» в воздух, как говорят о судне, выходящем в море, и теперь парит над двойной цепью Аллеганских гор. Повидимому, он спустится ниже лишь после того как перелетит через горный хребет этой части американской территории.

Но куда он летит? Несется ли над широкими равнинами Северной Каролины, направляясь к Атлантическому океану? Или, наоборот, повернул на запад, в сторону Тихого океана? Может быть, он идет на юг к Мексиканскому заливу? И удастся ли мне утром различить, над каким морем мы летим, если со всех сторон будут видны только небо да вода?

Прошло несколько часов. Какими долгими показались они мне! Я даже не пытался забыть-ся сном. Тысячи несвязных мыслей одолевали мой мозг. Они уносили меня в какую-то фантастическую страну, между тем как «Грозный» – это воздушное чудовище – уносил меня в пространство. При своей бешеной скорости, куда умчится он за эту бесконечную ночь? Я вспомнил о невероятном путешествии «Альбатроса», – рассказ о нем мистера Прудента и Фила Эванса был опубликован Уэлдонским клубом. То, что проделал Робур-Завоеватель на своем «Альбатросе», он вполне мог проделать и на своем «Грозном», и даже с меньшим трудом: ведь теперь он властвовал одновременно над землей, воздухом и морями...

Наконец, первые утренние лучи осветили мою каюту. Разрешат ли мне выйти на палубу, как тогда, на озере Эри?

Я толкнул крышку люка, она отворилась.

Я наполовину высунулся наружу.

«Грозный» несся над беспредельным океаном, на высоте тысячи или тысячи двухсот футов.

Робура не было видно; должно быть, он наблюдал за работой машин.

Тэрнер стоял у руля, его товарищ – на носу.

Оказавшись на палубе, я увидел то, чего не мог видеть во время ночного перелета от Ниагарского водопада до Грейт-Эйри, – увидел, как действуют два огромные крыла, взмахивавшие у левого и правого бортов, меж тем как турбины бешено вращались под платформой аппарата.

Судя по положению солнца, стоявшего несколькими градусами выше горизонта, мы летели к югу. И, следовательно, если «Грозный», перелетев через стены Грейт-Эйри, не изменил направления, под нами простиралась вода Мексиканского залива.

День обещал быть жарким, густые свинцовые тучи поднимались с запада. Эти предвестники близкой грозы, конечно, не ускользнули от взгляда Робура, когда часов около восьми утра он вышел на палубу и сменил Тэрнера. Быть может, он вспомнил о том смерче, который чуть не погубил его «Альбатрос», и о страшном циклоне в антарктических областях, от которого он спасся только чудом.

Правда, то, чего не мог в этих условиях сделать «Альбатрос», было возможно для «Грозного». Он уйдет из воздушных сфер, где будут бороться стихии, спустится на поверхность моря, а если волнение и там окажется слишком сильным, он сумеет найти убежище в спокойных морских глубинах.

Впрочем, по каким-то ему одному понятным признакам Робур, видимо, решил, что в этот день грозы не будет, и продолжал свой полет. И если в полдень он опустился на поверхность воды, то отнюдь не из страха перед бурей. «Грозный» – морская птица, вроде фрегата или альциона, которые умеют отдыхать на воде; разница только в том, что его металлические органы, приводимые в движение неистощимой электрической энергией, не знают усталости.

Широкая водная пелена была пустынна. Ни паруса, ни дымка не виднелось даже на самом краю горизонта. Значит, полет «Грозного» в беспредельном воздушном пространстве никем не мог быть замечен.

День прошел без приключений. «Грозный» подвигался вперед со средней скоростью. Я не понимал намерений капитана. Продолжая плыть в том же направлении, мы должны были встретить на своем пути какой-либо из Больших Антильских островов, а затем, в глубине залива, побережье Венесуэлы или Колумбии. Впрочем, вполне возможно, что аппарат снова поднимется в воздух и перелетит через длинный перешеек Гватемалы и Никарагуа, чтобы поскорее добраться до острова Икс в Тихом океане.

Наступил вечер, солнце скрылось за кроваво-красным горизонтом, море светилось фосфорическим блеском. «Грозный» поднимал вокруг себя целое облако сверкающих искр. Употребляя излюбленное выражение моряков, нас ожидала «собачья погода».

Видимо, то же думал и Робур. Меня заставили спуститься в каюту, и крышка люка снова захлопнулась.

Через несколько секунд до меня донеслись знакомые звуки, и я понял, что аппарат погружается в воду. В самом деле, через пять минут он мирно плыл в морской глубине.

Страшно измученный усталостью и тревогами, я уснул крепким сном, на этот раз не вызванным никакими снотворными снадобьями.

Когда я проснулся (сколько часов я проспал – не знаю), судно все еще находилось под водой.

Вскоре, однако, оно опять всплыло на поверхность. Дневной свет хлынул в иллюминаторы, сразу почувствовалась бортовая и килевая качка; море сильно волновалось.

Мою каюту отперли, я снова сел у входа и поспешил взглянуть на небо.

С северо-запада шла гроза, тяжелые тучи то и дело пронизывались яркими вспышками молний. Уже гремели отдаленные раскаты грома, которые многократно повторяло эхо.

Я был поражен, более того, испуган быстротой, с которой двигалась гроза. Ни один корабль не успел бы спустить паруса, – так стремителен и резок был ее натиск.

И вот, словно пробив преграду облаков, с неслыханной яростью налетел шквал. Море вдруг вздыбилось. Неистово бушующие волны перекатывались через палубу «Грозного». Не уцепись я так крепко за поручни, меня бы непременно вышвырнуло за борт.

Оставался только один выход – превратить аппарат в подводную лодку. В каких-нибудь десяти футах под водой он вновь обрел бы спокойствие и безопасность. Борьба долее с яростным натиском этих взбесившихся валов было невозможно.

Робур неподвижно стоял у руля. Я ожидал, что вот-вот мне прикажут спуститься в мою каюту, но приказания не последовало. Да и вообще никаких приготовлений к тому, чтобы превратить лодку в подводную, не было видно.

Глаза капитана горели. Он бесстрашно взирал на эту бурю, словно бросая ей вызов, словно считая, себя неуязвимым. Нельзя было терять ни мгновения, а он, по-видимому, и не думал уходить под воду.

Нет, он стоял все с тем же высокомерным видом, с горделивым видом человека, считающего себя выше всего человечества. Глядя на него, я с ужасом спросил себя, уж не является ли он каким-то фантастическим существом, выходящим из другого, нереального мира.

И вдруг он заговорил.

– Я... я Робур! Властелин мира! – донеслось до меня сквозь свист урагана и раскаты грома.

Он махнул рукой, и Тэрнер с товарищем, видимо, поняли его жест. То был приказ, и эти несчастные, такие же безумцы, как их капитан, не колеблясь выполнили его.

Распластав свои широкие крылья, «Грозный» взвился ввысь, как он взлетел недавно над Ниагарским водопадом. Но если в тот раз ему удалось спастись от кипящей пучины вод, то сегодня он направил свой безумный полет в самую пучину бури.

Вокруг «Грозного» сверкали тысячи молний, гремели раскаты грома, пылало небо. А он несся среди этих ослепительных вспышек, ежеминутно рискуя быть расщепленным, идя на верную гибель.

Робур стоял все в той же позе. Положив одну руку на руль, другую – на регулятор, он направлял сильно взмахивавшую крыльями машину от тучи к туче, в самую гущу грозы, туда, где электрические разряды происходили особенно часто.

Надо было броситься на безумца, помешать ему мчать свой аппарат в это воздушное горнило. Надо было заставить его спуститься и найти под водой спасение, которое было уже невозможно ни на поверхности моря, ни в воздушном пространстве. Только там, в глубине вод, он мог бы в полной безопасности переждать, пока эта грозная схватка стихий придет к концу.

И вот все мои инстинкты возмутились. Чувство долга властно заговорило во мне. Да, это тоже было чистейшее безумие, но мог ли я не попытаться задержать преступника, которого моя страна поставила вне закона, который угрожал своим страшным изобретением спокойствию всего мира, – мог ли я не схватить его за плечо и не отдать в руки правосудия! Ведь я же Строк, главный инспектор полиции Строк!.. И, забыв, где я нахожусь, забыв, что я один против троих над бушующим океаном, я кинулся на корму и, стараясь заглушить грохот бури, вскричал, бросаясь на Робура:

– Именем закона, я...

Но в эту минуту «Грозный» вздрогнул, словно пронзенный электрическим током. Весь его остов затрепетал, как трепещет человеческое тело под действием электрического разряда. И, получив удар в самый центр корпуса, «Грозный» со сломанными крыльями, с разбитыми турбинами упал с высоты тысячи с лишним футов в глубь Мексиканского залива.

18. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ОСТАЕТСЯ ЗА СТАРОЙ ГРЭД

Когда я очнулся, – сколько часов я пробыл без сознания, не знаю, – группа матросов, своими заботами спасших мне жизнь, окружала койку, на которой я лежал.

У изголовья моей постели стоял офицер. Увидев, что я пришел в себя, он начал задавать мне вопросы.

Я рассказал все... да, все! И мои слушатели решили, должно быть, что перед ними несчастный, к которому вернулась жизнь, но – увы! – не вернулся рассудок.

Я находился на борту парохода «Оттава», оказавшегося в Мексиканском заливе по пути в Новый Орлеан. Убегая от бури, экипаж увидел обломок, за который я уцепился во время воздушной катастрофы, и взял меня на борт.

Таким образом я был спасен, но Робур-Завоеватель и его два спутника кончили свою полную приключений жизнь в волнах залива. «Властелин мира», пораженный той самой молнией, которой он Осмелился бросить вызов посреди воздушного океана, исчез навсегда и унес с собой тайну своего изумительного изобретения.

Спустя пять дней «Оттава» приблизилась к берегам Луизианы и утром 10 августа вошла в порт.

Распровавшись с экипажем парохода, я сел в поезд и поехал в Вашингтон, который уже столько раз отчаивался увидеть.

Разумеется, прежде всего я отправился в департамент полиции, желая первый свой визит нанести мистеру Уорду.

Можно себе представить, как удивился и обрадовался мой начальник, когда я вошел к нему в кабинет! Ведь после донесения моих спутников у него были все основания считать меня погибшим в озере Эри.

Я рассказал ему обо всем, что произошло со дня моего исчезновения, – о преследовании миноносцев на озере, о полете «Грозного» над Ниагарским водопадом, о пребывании в котловине Грейт-Эйри и, наконец, о катастрофе над Мексиканским заливом... Таким образом, он узнал, что аппарат, созданный гением Робура, мог передвигаться не только по земле и воде, но и в воздушном пространстве.

Создатель такой машины, пожалуй, и впрямь имел право назвать себя «Властелином мира». Ведь аппарат его несомненно представлял угрозу для общественной безопасности, ибо у людей не было достаточных средств, чтобы с ним бороться.

Но гордыня этого необыкновенного человека, постепенно возрастая, толкнула его на борьбу с самой грозной из стихий, и то, что я вышел из этой ужасной катастрофы здоровым и невредимым, было просто чудом.

Мистер Уорд не верил своим ушам.

– Как бы там ни было, дорогой Строк, – сказал он мне, – вы вернулись, и это главное. После этого знаменитого Робура теперь вы станете у нас героем дня. Надеюсь, что слава не вскружит вам голову, как вскружила этому сумасшедшему изобретателю.

– О нет, мистер Уорд, – ответил я, – но согласитесь, что никогда еще человек, жаждущий удовлетворить свое любопытство, не проходил ради этого через столько испытаний.

– Согласен, Строк! Вы открыли тайну Грейт-Эйри, открыли тайну превращений «Грозного». Жаль только, что секрет изобретения этого «Властелина мира» навсегда исчез вместе с ним.

В тот же вечер все газеты Соединенных Штатов поместили подробное описание моих приключений. В достоверности их никто не усомнился, и, как предсказал мистер Уорд, я сделался героем дня.

«Благодаря инспектору Строку, – писали в одной газете, – американская полиция побила рекорд. В других странах полиция, с большим или меньшим успехом, действует на суше и на море, между тем как американская пустилась преследовать преступника в глубь озер и океанов, более того, – в заоблачные сферы».

Как знать, быть может в конце нашего века то, что сделал я, преследуя «Грозный», и о чем рассказал здесь, станет самым обычным делом для моих будущих коллег...

Легко себе представить также, какую встречу мне устроила моя старая служанка, когда я

Жюль Верн

пришел к себе домой на Лонг-стрит. Увидев меня – или мой призрак? – бедняжка чуть было не отдала богу душу. Потом, выслушав мой рассказ, она прослезилась и возблагодарила провидение, спасшее меня от стольких бед.

– Ну, сударь, – сказала она под конец, – теперь вы видите, что я была права?

– Права? Но в чем же, милая Грэд?

– Да вот насчет того, что в Грейт-Эйри живет сам дьявол.

– Так ведь этот Робур вовсе не был дьяволом.

– Ну так что ж! – возразила старая Грэд. – По-моему, он был ничуть его не лучше.

1904 г.